Виктор Петров · САГА ФОРТА РОСС

1

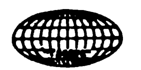
ВИКТОР ПЕТРОВ: САГА ФОРТА РОСС

ВИКТОР ПЕТРОВ

САГА ФОРТА РОСС

Книга Первая

ПРИНЦЕССА ЕЛЕНА

Напечатано в Русском Национальном
Издательстве «ГЛОБУС»

GLOBUS PUBLISHERS P. O. Box 27086,
San Francisco, California 94127 U.S.A.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

ПОД АМЕРИКАНСКИМ ФЛАГОМ — Рассказы — Шанхай, 1933 г.

ЛОЛА — Роман — Шанхай, 1934 г.

В МАНЬЧЖУРИИ — Рассказы — Шанхай, 1937 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА 1

ПРИЕЗД КНЯЖНЫ ЕЛЕНЫ

Обрывки черных туч, подгоняемые штормовым ветром, мокрыми лохмотьями проносились над вымокшим берегом Тихого океана и немного задержавшись над горами, скрывались на востоке. Черные, тяжеловесные, свинцовые волны яростно набегали на серпообразный берег и пенистыми брызгами разбивались у подножья высокого плато.

Наверху, в центре плато, насупился под хлесткими ударами насыщенного влагой морского ветра, Форт Росс, укрывшийся за высокими бревенчатыми стенами, как будто прячась от яростных наскоков косого дождя иногда вдруг каскадами низвергавшегося из расхлябанных небес и заливавшего потоками воды размякшую почву одинокого, заброшенного на неприглядную землю, форта.

Ранняя весна 1841 года... Типичная калифорнийская весна, с ежедневными дождями, с низко-нависшими над океаном, тяжелыми свинцовыми тучами, с туманами, подгоняемыми яростными порывами ветра, неприятно забивающегося под пальто, мокрыми цепкими щупальцами проскальзывающего под воротник, чтобы затем пробежать по спине и заставить человека зябко поежиться.

Такой типично-калифорнийской погодой ранней весны был встречен утлый корабль Российско-Американской компании, рано утром прибывший на рейд Форта Росс из столицы Русской Америки, Ситки, и теперь сиротливо трепавшийся на якоре в открытой бухте форта, совершенно не защищенной от набегов тяжелых волн с океана или от порывов штормового ветра. Закончен, наконец, тяжелый переход из Аляски, во время

которого не было ни одного дня, когда корабль не трепало бы как спичечную коробку или щепку на волнах.

Прибытие корабля в Форт Росс, расположенный на калифорнийском берегу Америки, было большим событием для этой маленькой русской колонии, потому что на корабле, кроме обычного пополнения персонала форта: русских «промышленных» — охотников и зверобоев, а также алеутов, специалистов по охоте на морского зверя, также приехала новая хозяйка форта, молодая жизнерадостная Елена Ротчева, жена недавно назначенного коменданта этой русской колонии, Александра Ротчева.

Неприветливо встретил форт молодую Елену; неприглядный берег, мокрые, побуревшие от непогоды, тяжелые, массивные стены форта, окружавшие квадратом несколько низеньких насупившихся, намокших домиков — все это нагоняло тоску и могло сильно охладить энтузиазм новоприбывших «пионеров» русской цивилизации, приехавших на пустынные берега Калифорнии, чтобы продолжать дело, начатое несколько лет тому назад, ставшими теперь легендарными, основателем Русской Америки Барановым и его ближайшим помощником Кусковым, построившим Форт Росс двадцать девять лет тому назад, в 1812 году.

Не так то легко, однако, было погасить или притушить огонек жизнерадостности, бурливший в Елене. Слишком много было в ней жизни, энергии; неиссякаемый источник смешливости и веселья не мог позволить ей быть в подавленном настроении долгое время. И даже угрюмый вид форта, неприветливо глядевшего с высокого берега на маленький корабль, даже косые полосы дождя, даже бесконечная качка во время многодневного перехода из Ситки в Форт Росс — ничто не могло убить в Елене ее естественной жизнерадостности, веселости, чувства юмора, всегда поддерживавшего ее даже в самые трудные дни, в трудные моменты жизни, которых, к счастью, было немного в жизни юной Елены.

Нужно сказать, что с приездом красавицы «принцессы» Елены в Форт Росс, жизнь форта совершенно преобразилась, закипела ключом. Угрюмый, неприветливый до того, форт вдруг ожил, расцвел, развеселился; неразговорчивые алеуты, неприветливые русские промышленные, совершенно переменились. На каменных, неподвижных лицах алеутов вдруг стала внезапно появляться улыбка; русские тоже стали чаще улыбаться

— и, если прежде работали молча, сосредоточенно (тяжелая работа не вызывала веселья), то теперь часто то там, то здесь вспыхивала над широкими просторами полей и над водами обширного океана задорная живая русская песня, совсем не похожая на песни Сибири, которые они до этого угрюмо пели за стаканом крепкой водки, вспоминая кандальный звон и бесцветную тайгу. Теперь это были песни необозримых русских полей, могучих рек, и взлетов сокола и жаворонка.

Белокурая, синеглазая, жизнерадостная, но часто вспыльчивая, Елена сразу после приезда внесла живую струю в монотонную жизнь форта, сделала жизнь более интересной, стала душой колонии, вокруг которой стали вращаться интересы всего населения колонии вообще и каждого отдельного члена этого селения в частности, начиная с ее мужа, коменданта форта, и кончая самым молодым подмастерьем, работающим в закопченной кузнице форта, или помощником мельника, постоянно напудренным тонкой белой пылью пшеничной муки.

Александр Гаврилович Ротчев, муж Елены, принадлежал к той категории молодых решительных людей начала и середины девятнадцатого века, которыми был богат этот век во всех странах Европы и в Америке. Как английские созидатели империи, как служащие Гудзоновой компании или Ост-Индской компании, или как пионеры северо-американского материка, упорно и бесстрашно продвигавшиеся на запад к берегам Тихого океана, русские пионеры также, не взирая на опасности и стычки с туземными племенами, двигались из Аляски на юг, стараясь закрепить за Российско-Американской компанией богатые берега тихоокеанского побережья Америки. Им удалось дойти до бухты, на берегах которой в настоящее время раскинулся город Сан Франциско.

Новый тип русских конквистадоров, к которым принадлежал Ротчев, был совсем другим, иным от типа пионеров, открывавших и закреплявших за Россией американские берега. То был тип отважных, смелых людей, в большинстве случаев людей не образованных, часто неграмотных. К ним принадлежали Баранов, Кусков и другие. Они прокладывали пути и ставили вехи по которым следовали пионеры другого типа, пришедшие на новые места, как администраторы и «культуртрегеры» не столько для того, чтобы захватывать новые места, сколько для того, чтобы закрепить захваченное, принести законную администрацию и показать туземцам русскую цивилизацию и русскую

культуру. Ротчев принадлежал к этой, второй категории людей, среди которых было много офицеров военно-морского флота, перешедших на службу Российско-Американской компании, привлеченных на службу на американской окраине империи духом приключенчества и предприимчивости, и, что было немаловажной причиной, хорошими окладами.

Одним из таких людей был и Ротчев. Хотя он и не принадлежал к титулованной аристократии, но по какому-то неписанному закону, его жена Елена Павловна, сразу же после ее приезда стала известной среди русских и также среди испанцев, иногда приезжавших в русскую колонию с юга, как «Принцесса Елена», может быть потому, что она была урожденная княжна Гагарина.

Нужно сказать, что «принцесса» Елена сильно выделялась среди простых, работящих русских людей не только своим происхождением, привычкой властвовать (приехав из страны, где все еще существовало крепостное право), и своей необычной красотой, но также и своей тактичностью, вниманием к нуждам простых людей и своим особенным обаянием, которое невольно привлекало всех к ней.

В хмурый, дождливый день, когда Елена сошла на берег с маленького суденышка, привезшего ее из Ново-Архангельска, бывшего тогда столицей Русской Аляски и всех русских владений в Америке, рабочие форта долго носили с корабля на берег и таскали вверх по грубо-сколоченной лестнице с пристани на высокий берег, чемоданы и ящики с личным имуществом молодой жены коменданта. Что это было за имущество очень скоро узнали местные калифорнийские модницы, красавицы-испанки, синьоры и синьориты из испанских миссий, раскинувшихся вдоль побережья Калифорнии, на юг от Форта Росс.

Елена привезла с собой невероятно большой гардероб новейших парижских туалетов, на зависть испанским модницам. К чему, казалось бы, везти в такую глушь, как Форт Росс, такую массу туалетов, зная, что там не будет людей ее круга, что едва-ли представится возможность надевать и носить туалеты подстать Петербургу или Парижу! Может быть это было неумно, может быть даже жестоко по отношению к другим женщинам, женам простых рабочих и «промышленных», живущих и работающих для компании в колонии Росс!

Однако, так вышло, что люди, живущие в Россе и вокруг него, меньше всего завидовали блестящим туалетам своей «прин-

цессы». Как русские, так и алеуты, и те и другие, простые рабочие люди смотрели на Елену, как на существо другого высшего порядка, так не похожую на все обычное, до сих пор окружавшее их. Смуглые, загорелые алеуты, привезенные в Калифорнию с Алеутских островов, никогда в жизни не видели такой женщины, так не похожей на их черноволосых, смуглых, узкоглазых женщин. Белокурая, голубоглазая Елена казалась им воплощением божества. Так же смотрели на нее и русские промышленные. Многие из них большую часть своей жизни провели в глухих местах Сибири или на Алеутских островах. Женщин было мало в тех местах и это были женщины того особенного пошиба, которых можно всегда встретить в рабочих поселениях; большей частью это были опять алеутки или индианки и, в лучшем случае, креолки. Нет, Елена для них была таким же высшим существом, каким она казалась и алеутам.

Эти люди не завидовали Елене, они считали, что все что она имела, принадлежало ёй по праву, все это соответствовало ее рангу «принцессы» и общественному положению супруги коменданта форта. Если кто и завидовал обилию парижских туалетов Елены, так это испанские красавицы, приезжавшие из миссии Св. Франциска на какие-нибудь торжества. Испанкам трудно было соперничать с Еленой в нарядах. Корабли редко посещали калифорнийские берега, под влиянием старого запрета испанского правительства. В результате, только случайная поездка в Испанию могла обогатить их гардероб. Правда, за последнее время, обстановка изменилась в связи с революционным движением в испанских колониях Америки и их отделением от метрополии. Иностранные корабли стали посещать Калифорнию, особенно корабли предприимчивых «бостонцев»... Но... все это было впереди...

. . . .

Первые впечатления от форта, когда Елена вошла в ворота и увидела, сквозь сетку мелкого, моросящего дождя, низкие приземистые домики административной части колонии, были далеко не обнадеживающими. Ее сердце упало... Правда, она ожидала самого худшего здесь, вдали от родины, она видела непритязательные домики «столицы» русской Америки, Ново-Архангельска, но там уже виден был растущий, с каждым днем становящийся лучшим, город. Здесь же, это даже не была деревня... Только несколько домиков, окруженных с четырех сторон громадной бревенчатой, напоминающей тюремную, стеной

из вековых деревьев, да двумя угрюмыми, нахохлившимися под своими мокрыми крышами, сторожевыми башнями.

Это был передовой пост, пограничная крепостца, жизнь в которой была в постоянной опасности от возможных набегов индейцев, которые в это время были еще совершенно дикими и часто совершали набеги на испанские миссии. До сих пор, однако, Форт Росс избежал атак дикарей, может быть потому, что русские поселенцы старались поддерживать с соседними индейцами хорошие отношения, а кроме того и потому, что в форте поддерживалась суровая военная дисциплина, введенная еще основателем форта Кусковым. Все время у ворот форта, у небольшой пушки, день и ночь стоял часовой, а кроме того, в каждой башне, тоже постоянно дежурил часовой. Неожиданная атака на форт была почти невозможна.

День приезда Елены был дождливым, как уже было сказано раньше. Она с тоской посмотрела на несколько домишек и мельницу, снаружи стен форта, и вошла во двор. Слякоть, ветер, дождь встретили ее за воротами. Впереди, в сумраке наступающего вечера, она увидела цепь невысоких гор с зацепившимися за них грязно-серыми тучами. Там, позади, где-то за горами, была девственная, нетронутая, солнечная Калифорния, а здесь между океаном и горами, на небольшом плоскогорье прицепился и потонул в омерзительной слякоти небольшой бастион самого дальнего проникновения русских на восток, в Америку, в Калифорнию, носящий гордое название — Форт Росс. Поселок около форта закутался не то в дымку тумана, не то спрятался за сеткой мелкого, моросящего дождя.

Угрюмые горы, черные тучи набрасывали какую-то тяжелую тень на все домики форта, приютившегося у стен форта, вокруг огромной площади в центре крепости. Видно было, однако, что дома и склады сделаны добротно, на десятки лет; каждый дом сколочен из тяжелых, массивных бревен гигантского красного дерева, которого было так много в прибрежной полосе Калифорнии. Бревенчатые избы давно потеряли свежесть и аромат свеже-срубленного леса и под влиянием непогоды, дождей и брызг приносимых соленым морским воздухом, почернели, побурели и приняли вид домов, как будто стоявших там не десятилетиями, а веками. Двадцать девять лет существования форта казались здесь в этом мокром, дождливом климате, веками.

Дом коменданта выглядел не лучше, чем другие дома внутри форта; такой же низкий с небольшими окнами; бревенчатые,

коричневые стены и крыльцо с небольшой верандой. Это был дом, в котором Елена ожидала провести месяцы, много месяцев и даже годы, провести вдали от знакомой ей обстановки Петербурга, вдали от такого чистенького, подстриженного, хорошо-содержащегося подмосковного имения. Контраст был, конечно, большой и невыгодный для ее нового дома. Какими-то узкими показались ей двери, узкими и низкими — окна. «Наверно, совсем темно и сыро внутри», невольно подумала она.

Комендант, молчаливо шедший с ней, взглянул на Елену, понял ее грустные мысли и, потрепав ее руку, тихо сказал:

— Не очень-то привлекательный вид здесь, дорогая, да еще в такую омерзительную погоду. Я тебя понимаю и понимаю твои чувства.

Елена взяла его под руку и прижалась к мужу. — Я не боюсь и готова на все, — тихо прошептала она, стараясь сама себя подбодрить. — Ведь я знала куда я еду и чего здесь ожидать. Не думай, пожалуйста, Саша, что жизнь здесь пугает меня.

— Молодец, Леночка, крепись. А главное, не думай, что Форт Росс всегда выглядит так, как он встретил тебя сегодня. Может быть завтра утром проснешься, выглянешь в окно и сама удивишься перемене. Здесь, ведь, часто так, идет дождь всегда с ветром, косыми струями хлещет в окна и, кажется, конца ему не будет. И вдруг, ветер разрывает тучи, гонит их разорванные клочья за горы, выглянет солнце и сразу все повеселеет, оживет.

— Спасибо, Сашенька, мне уже хорошо, ты меня как-то ободрил своими словами. Конечно, вид форта сегодня далеко не обещающий, но я ведь знаю одну вещь: здесь твоя работа, твоя жизнь и я хочу быть с тобой, помогать тебе делать большое русское дело. С тобой я буду жить везде, не жалуясь на условия, куда-бы тебя не послали! — Она помолчала немного: — Я ведь доказала это тем, что приехала к тебе в это забытое Богом место . . .

Ротчев с Еленой медленно подходили к крыльцу комендантского дома, увязая в мягкой намокшей земле. Требовалось некоторое усилие чтобы вытаскивать из грязи увязавшие ноги. Каждый раз, когда нога поднималась, слышался чавкающий звук отделяющихся от грязи сапог. Елена сосредоточенно поднимала и опускала свои ноги, стараясь не ступать в лужи. Теплые, высокие сапожки предохраняли ее от мокрой земли и

она даже с удовольствием прислушивалась к этому сочному, звучному чавканию грязи.

— Ты сам здесь человек еще новый, — добавила Елена, после небольшого молчания, — и я уверена, тебе одному было не легко, но мы, теперь, будем вместе бороться и я не сомневаюсь, что вдвоем, вместе, мы преодолеем все невзгоды. Постараемся, по мере сил, сделать нашу жизнь здесь как можно более приятной, несмотря на всю неприглядность обстановки, которую я видела сегодня. Сказать тебе правду, я ожидала здесь всего, ожидала самых примитивных условий, но то, что я увидела, когда сошла с корабля, сначала сильно меня удручило, но... теперь это чувство прошло. Теперь мне хочется вот, идя вместе с тобой, бросить вызов — мы не сдадимся... не правда-ли?

Можеть-быть Елена хотела подбодрить себя этими словами, показать, что первые впечатления не были такими уж плохими.

— Мы, ведь, Саша не боимся лишений. То, что я перенесла во время путешествия по Сибири, весь год скитаний вдали от дома, наконец путешествие по бурному морю от сибирских берегов до Ново-Архангельска — все это приучило меня к лишениям, а главное — не бояться опасности. Скажу тебе откровенно, жизнь в Ново-Архангельске, до отъезда сюда, была не сладкой. Эту зиму, там опять был недостаток в пище и все, что мы ели — это рыбу: рыба свежая, рыба соленая, рыба копченая и рыба испорченная... Все это меня не пугало, но... — и она опять прижалась к Ротчеву, — вид этого дома, где нам нужно жить, пугает меня, нагоняет на меня тоску.

Ротчев молча взял ее руку и прикоснувшись губами к перчатке на руке, пожал ее. Он не хотел заранее убеждать ее.

— Ты, у меня, смелая, — улыбнулся он, — и мы, с тобой, не пропадем. Главное не суди ни о чем по внешнему виду. Вот сейчас войдем в дом и ты увидишь, что у нас внутри дома все устроено не совсем уж плохо. Разденешься, согреешься, подкрепишься горячим, душистым чаем — и расскажешь все о твоем длинном путешествии. Я, ведь, тебя не видел почти два года... А завтра, если будет солнце, ты увидишь, как хорошо здесь и забудешь все твои сомнения и тревоги.

Увлекшись разговорами и друг другом, осторожно обходя лужи, Ротчев с женой почти забыли третьего человека, шедшего с ними. Это была молодая женщина, тоже хорошо одетая, как и Елена, с такой же грациозностью поддерживавшая свое длинное платье, чтобы оно не загрязнилось. Что более всего было

поразительно, эта молодая женщина была такая же золотоволосая и голубоглазая, что казалась сестрой, если не близнецом, Елены. Её манера держать платье, ее маленькие руки, которых не могли скрыть даже длинные, красные перчатки — все это ясно показывало, что она была представительницей того же класса, той же группы общества, к которой принадлежала и Елена.

Елена вдруг вспомнила о ней, виновато оглянулась на молодую женщину. Сходство между ними в этот момент стало еще более поразительным. Вся разница была, вероятно, в темпераменте. Веселая, жизнерадостная, вся какая-то солнечная, Елена была полнейшим контрастом по характеру с Анной, спокойно-сосредоточенное лицо которой казалось маской, скрывавшей какие-то потаенные мысли. Видно было, что что-то беспокоило ее, что-то волновало, что заставляло Анну вдруг сурово сжать губы и задумчиво смотреть вдаль, куда-то далеко, дальше, чем этот форт, дальше океана, может быть в далекую Россию.

— Как тебе нравится наш новый дом, Анна? — спросила ее Елена, — не пугает?

Анна вскинула свои длинные полуопущенные ресницы, посмотрела прямо в глаза Елене и потом, как-бы, проснувшись от своих далеких дум, тихо сказала низким вибрирующим голосом:

— Ничто меня не пугает, дорогая Ленуся; мы сами создадим здесь условия и жизнь к которой мы стремились. Скажу откровенно — я рада быть здесь, рада быть чем-то полезной и рада быть как-можно дальше от Петербурга, которого, я надеюсь, никогда больше не увижу.

Анна была подругой Елены. Они подружились еще в школьные годы, много лет тому назад и с тех пор почти никогда не расставались. Когда Елена предложила Анне, в шутку, поехать с ней в далекую, дикую Америку, не ожидая того, что Анна согласится поехать в такую глушь, ее подруга вдруг согласилась. Это сначала страшно поразило Елену, но потом она поняла, зная настоящие причины такого решения Анны. Никого из родных у нее не осталось в живых, жила она одна сиротой. Хотя средства у нее были и довольно большие, но шумная жизнь в Петербурге или в Москве потеряла для нее всякий интерес; запереться же в деревню, в свое имение, она не могла, чувствуя, что там она будет медленно и ненужно растрачивать свои годы. Поэтому-то Анна с радостью приняла приглашение поехать со своей подругой в девственную, еще почти нетронутую

Калифорнию и может-быть там на далекой окраине империи делать какое-то полезное дело.

И, конечно, Елена была несказанно рада, что у нее будет подруга и компаньонка, с которой она сможет обмениваться впечатлениями, делиться секретами и попытаться создать жизнь, как-нибудь похожую на жизнь в далекой России, создать сносные условия для мужа Саши и чем-то облегчить тяжелую, однообразную и бесцветную жизнь промышленных форта. Она была рада, что перемена обстановки может быть поможет Анне заглушить боль и тяжелые воспоминания о неизвестной судьбе ее нареченного Константина, воспоминания мучавшие Анну со дня его внезапного исчезновения на Кавказе три года тому назад.

Анна помолчала немного и потом тихо добавила в ответ на вопрос Елены:

— Я уже влюблена в это место... а самое главное, чем дальше от дома, чем глубже в дичь, в глухие места Калифорнии, тем лучше. Ты знаешь, даже в такую дождливую погоду, форт совсем не кажется мне неприглядным...

Она помедлила и потом добавила:

— Мне кажется, что даже густой туман или эта сетка дождя, которую мы видим вдали, имеют свое очарование; эта мокрая зеленая трава и даже этот вечный, не останавливающийся, неумолчный рокот океана, который сопровождает нас все время, все это для меня создает иллюзию экзотики и романтики, Лена. Нет, в самом деле, это место чудесное.

Ротчев искоса посмотрел на нее: — Рад, что вам уже нравится здесь, Анна. Подождите, когда вы увидите форт в ясный, солнечный день, когда вы почувствуете аромат теплых, душистих цветов, доносящийся сюда с предгорий, когда вы взберетесь на эти горы и посмотрите далеко на океан, вы почувствуете истинное чувство восторга от вашего соприкосновения с этой благодатью Божьей.

Небольшая терраса у входа в комендантский дом выглядела совсем не плохо и даже уютно, когда Ротчев с обеими дамами и следовавшей за ними горничной Дуней, взбежали вверх и нашли наконец небольшую защиту, прикрытие от надоедливого дождя. Елена оглянулась, окинула взором двор и уже одно то чувство, что у них была над головой крыша, что дождь больше не бил в лицо и не забирался за ворот, все это сразу подняло настроение и она совсем весело постучала ногами, стряхивая налипшую на сапожки грязь.

Ротчев заметил, что Елена повеселела и с загадочным видом, пройдя вперед, медленно открыл перед ними дверь, ведущую с веранды в прихожую дома.

Елена первая вошла внутрь и... вскрикнула от приятного изумления. Прихожая или скорее приемная была довольно большая комната с сравнительно большим светлым окном налево от входной двери и с большим массивным зеркалом в рост человека на задней стене комнаты прямо против входа. Несколько мягких кресел и скамей, покрытых пушистыми коврами, стояли по стенам и посреди комнаты.

— Боже мой! Саша, ведь это же дворец! — проговорила наконец Елена. — Анна, дорогая, посмотри — кресла, диваны, зеркало; неужели такие вещи существуют!..

Анна вдруг улыбнулась и ее суровое, серьезное лицо сразу преобразилось, точно луч солнца внезапно скользнул по нему и показал всю скрытую, внутреннюю красоту девушки.

— Да, Лена, — тихо и опять тем-же неожиданно низким голосом, сказала она. — Мы совсем забыли об удобствах и комфорте — после всего этого ужасного путешествия в тарантасе, через всю Сибирь, после остановок в знаменитых сибирских рассадниках клопов, которые почему-то называются гостиницами и постоялыми дворами, после самых примитивных условий на корабле и, вдруг, мягкие кресла и диваны. Александр Гаврилович, вы просто волшебник.

Ротчев широко улыбнулся.

— Ну, уж если вам нравится здесь, то, что вы скажете о нашей гостиной, — и он широко распахнул перед ними дверь направо.

Елена ахнула и схватила руку мужа.

— Саша, что это? Сказка из «Тысяча и одной ночи»... феерия. Это же ведь настоящая гостиная и... даже пианино! Анна, смотри, пианино в джунглях! Где мы? Саша, где ты достал все это?

— Не важно где, дорогая. Нравится ли тебе теперь наш дом? Я хотел устроить и обставить его до твоего приезда так, чтобы ты не чувствовала себя слишком заброшенной в глушь. Посмотри-ка, как загорелись глаза Анны, когда она увидела пианино!

— Музыка, моя первая и единственная страсть, Александр Гаврилович и, пианино самый лучший подарок, который вы могли только придумать для нас.

Обе молодые женщины быстро подошли к пианино; Анна с наслаждением прошлась своими тонкими пальцами по клавишам инструмента... звук совсем не плохой, но конечно пианино нуждалось в настройке. Елена любовно провела рукой по верху пианино, ярко блестевшего и отражавшего на своей полированной поверхности свет нескольких свечей стоявших, в больших, массивных серебряных подсвечниках, на полке над камином.

— Здесь даже есть камин... ковры..., — лишившись голоса, могла только прошептать Елена, со слезами на глазах. — Саша, дорогой, откуда все это? Все эти мягкие ковры, этот роскошный камин... где мы? Неужели на краю света, в дикой неприветливой Калифорнии... и это наша, так-называемая глушь! Да, здесь лучше, чем в некоторых имениях в центре России.

Действительно, контраст между всем тем, что пришлось испытать двум избалованным, изнеженным, молодым женщинам в Сибири, где им нужно было месяцами трястись в неудобном тарантасе по ухабистым, сибирским дорогам, с мучительными остановками в «гостиницах» маленьких сибирских городков; после не менее мучительного морского путешествия на утлом суденышке Российско-Американской Компании по бурному Охотскому морю, по опасным водам Алеутских островов, с редкими остановками на редких островных станциях компании; после нескольких недель жизни в Ново-Архангельске, столице Русской Америки, где все еще чувствовался острый недостаток в пищевых продуктах и особенно в свежей пище; и наконец — после долгого плавания от Ново-Архангельска до Форта Росс, вдруг эта картина: камин, мягкие ковры, пианино и удобная мягкая мебель.

Елена крепко прижалась к Ротчеву и потом, также быстро, подбежала к большому камину и чисто по-детски, протянула свои немного озябшие руки к теплу, излучавшемуся от весело потрескивавших громадных поленьев, освещавших то один, то другой угол большой гостиной. Контраст с тем, что было раньше, что они испытали до приезда сюда — был ошеломляющим. Особенно приятным было чувство уюта, которого обе женщины были лишены так долго.

Анна тоже была сильно взволнована и поражена всем тем, что она увидела в этом доме, который, снаружи, сначала, показался им такой хибаркой. Она, однако, была сдержаннее Елены, спокойнее, и только наблюдала за своей подругой, которая, как ребенок, как маленькая девочка только что получившая хоро-

ший подарок, радовалась всему, что видели ее глаза в этом неожиданном «дворце», Анна села на скамью у пианино и тихо, легко провела пальцами по клавишам... почувствовалась рука артиста, потому что струны, вдруг, тихо, но уверенно заиграли, как будто к ним прикоснулась магическая палочка. Тихие звуки какого-то сонета полились по комнате, придавая атмосферу еще большего уюта, большего комфорта.

Несколько легких аккордов и Анна, встав с сидения, подошла к Ротчевым. Комендант, довольный, посмотрел на обеих женщин. Ему было приятно видеть какое сильное впечатление произвела на обеих дам обстановка дома и то чувство комфорта и уюта, которого они были лишены.

— Что, Леночка, приятно удивлена, найдя здесь комфорт, который, как ты думала, оставила в Петербурге?

— У меня, просто, нет слов... все это так неожиданно!

— Я не хочу, чтоб ты думала, дорогая, что все это я привез и устроил сам. Многое из того, что ты видишь здесь, было в этом доме до меня. Это пианино, например, и эти ковры в гостиной были привезены сюда еще Кусковым, основателем этого форта. Он построил Форт Росс двадцать девять лет тому назад, в 1812 году. Кусков был первым комендантом этого форта... — Ротчев задумчиво посмотрел на камин, как-будто роясь в памяти и стараясь представить себе человека, сумевшего построить и создать русский форт в далекой Калифорнии, человека, своими руками рубившего эти массивные бревна и складывавшего стены дома, ставшего теперь таким обжитым, жилым и уютным.

— Кусков был замечательный человек, ближайший помощник и сотрудник Баранова, ставшего теперь такой легендарной личностью. Помнишь, еще до отъезда из Петербурга, я тебе много рассказывал о Баранове, создавшем русскую колонию, обширные русские владения в Америке, буквально из ничего, — голыми руками, он и горсточка его людей, голодные, холодные, часто без вести и без припасов из России, месяцами и даже годами. Как-нибудь, потом, представится случай, я тебе расскажу больше о Баранове и Кускове, этих замечательных людях, память о которых должна вечно жить в сердцах русских людей.

Он потрепал руку Елены.

— Ну, как, согрелись немного? Может быть теперь сходим в нашу маленькую часовенку; это недалеко, в углу форта, и помолимся Господу Богу там, поблагодарим Всевышнего за ваше благополучное прибытие.

— У вас даже церковь есть? — поразилась Елена.

— Ну, это не совсем так. Просто, маленькая часовня. У нас, здесь, ведь, даже священника нет.

Ротчев накинул плащ на плечи Елены.

— Пойдемте, Анна! — Он также накрыл ее плечи плащом. Ротчев знал Анну, как и Елену с детства и поэтому еще с тех пор называл ее только по имени, редко именуя ее по отчеству. Он знал ее еще совсем маленькой девочкой.

Они вышли во двор. Дождь перестал, но весь форт затянуло густым, холодным туманом. Было очень прохладно и особенно еще потому, что погода на дворе была таким контрастом с теплом и уютом комендантского дома. Погода, как-то, невольно давила и заставляла молчать. Три умолкших фигуры зашлепали по мокрой земле по направлению к часовне, которую с трудом можно было разглядеть сквозь туман, в юго-восточном углу крепостного четырехугольника.

Часовня была построена таким образом, что две ее стены, в сущности, были частью крепостной стены и поэтому нужно было пристроить только две стены. Наверху, над притвором часовни высилась небольшая колокольня, которая в случае необходимости могла служить наблюдательным пунктом. Вообще, постройка часовни была рассчитана таким образом, что в любой момент она могла превратиться в боевой блокгауз форта, если этого требовала необходимость.

Нужно сказать, что Калифорния в это время была еще далеко не мирной и совершенно пустынной страной. Вся страна была еще в руках индейских племен и только русский форт, да цепочка испанских фортов и католических миссий по побережью южной Калифорнии — были единственными представителями европейской «цивилизации». Нередко бывали нападения индейцев на эти миссии, часто сопровождавшиеся большим кровопролитием. Не так давно, до приезда Елены в Форт Росс, было большое восстание индейцев против испанских насильников, поведение которых часто было далеким от носителей и проповедников цивилизации. Все эти восстания происходили главным образом на юге, в районе испанских миссий, вдали от Форта Росс. По какой-то причине, маленький русский форт, за всю историю своего существования, избежал кровавых столкновений с индейцами, хотя защитники форта все время, день и ночь, были наготове, всегда помня жестокие расправы индейцев с захваченными ими белыми. Нужно отметить, что отношения

между русскими и индейцами всегда были довольно мирными; иногда очень дружелюбные, иногда холодные, но никогда не были враждебными.

Ротчев вынул из кармана ключ и отпер большой висячий замок, висевший на двери часовни. Войдя в притвор, он зажег большую свечу и затем провел Елену с Анной внутрь маленькой часовни. Это действительно была крошечная часовенка с тремя окнами, смотрящими во двор форта. Вся часовня внутри была просто одна комната, с маленьким притвором у входа. В часовне не было алтаря, только по стенам висело несколько икон, да впереди, прямо перед глазами молящихся, висел на стене большой образ Спасителя, старинного письма. Ротчев поставил свечу прямо перед образом и Елена, с каким-то молитвенным экстазом, посмотрела в удивительные глаза Его, с теплотой смотревшего в ее душу, сквозь полумрак часовни. Казалось, Он хотел обнадежить ее и придать ей силы в этом, новом для нее, месте.

Икона, видно, была очень древнего письма, вероятно написанная одним из тех безвестных, древних иконописцев-монахов, которых было много в русских монастырях-убежищах и имена которых были утеряны в сумерках ушедших столетий. Письмо было изумительной работы, очевидно труд большого и талантливого художника самоучки, самородка-иконописца. Ни годы, ни, может быть, века, ни силы природы, ничто не изменило выражения доброты и теплоты, излучавшихся из глаз Спасителя, необычайно ярких глаз на потемневшем от времени Лице. Эти глаза, с любовью, казалось, смотрели на три коленопреклоненных фигуры, молчаливо молившихся у Его ног. Затем Ротчев поднялся, достал со столика молитвенник и прочел вслух несколько благодарственных молитв, которые, как он думал, были подходящими для момента; молитвы благодарения о благополучном окончании путешествия Елены и Анны.

В маленьком селении Росс не было своего священника. В распоряжении главного управляющего Российско-Американской компании в Ново-Архангельске было только несколько священников и он не мог уделить ни одного из них для такого маленького и удаленного селения, как Форт Росс. Обыкновенно один священник назначался на целый район с несколькими селениями и несколькими церквами. Он регулярно совершал объезд своих приходов и по своим обязанностям, был скорее благочинным или викарным архиереем, чем простым священником. Эти священники были разбросаны по Аляске и Алеутским островам

от Ситки до Кодьяка и Уналашки и даже дальше — территория раскинувшаяся на полторы тысячи километров в длину, что в то время, при тех способах передвижения, было огромной территорией.

В результате, в виду отсутствия священника в Форте Росс, его комендант получил специальное разрешение от церкви отправлять все необходимые религиозные нужды населения форта, как временный представитель церкви. Он крестил, венчал и хоронил, пользуясь для этого молитвенником, находящимся в его распоряжении. Только в очень редких случаях, когда этого требовали обстоятельства, из Ново-Архангельска в Форт Росс приезжал священник, откомандированный высшими церковными властями, который в массовой формальной церемонии узаконивал обряды крещения и брака, а также производил общий обряд отпевания на кладбище по всем умершим за время прошедшее между посещениями священников. Такие наезды священников, однако, были чрезвычайно редкими, иногда только раз в пять лет или больше.

. . . .

Был уже поздний час, очень поздний для Форта Росс, было вероятно около полуночи, но окна комендантского дома все еще были ярко освещены. Все остальные дома форта, все избы промышленных около форта, были уже давно темными. Усталые промышленные давно уже спали крепким сном после дня работы; рабочие внутри форта тоже спали, закончив свой трудовой день; усталые русские, алеуты и креолы — все спали, набираясь сил к завтрашнему дню той же тяжелой, ежедневной работы. Только Ротчевы и Анна сидели в своей уютной гостиной у камина, потрескивавшего смолистыми, сосновыми поленьями, и вели долгие разговоры обо всем — о России, путешествии, о Сибири, о Ново-Архангельске, о морском путешествии, и о планах на будущее в Форте Росс.

Камин в доме коменданта большой, горят в нем чуть-ли не бревна... громадные языки пламени бегают по стенам камина, освещают то один, то другой угол гостиной, все время играя в какую-то фантастическую игру теней на стенах комнаты. Стены, нужно сказать, были со вкусом оклеены веселыми обоями самых новейших расцветок. Кроме камина и его фантасмагории меняющихся настроений огня и теней, освещение, не очень яркое, давали две больших свечи, стоявшие в массивных серебряных подсвечниках над камином, те подсвечники и камин,

которые так приятно поразили Елену, когда она в первый раз вошла в комнату. Смотря на эту картину уюта, тепла и света, трудно было себе представить, что на дворе в это время была промозглая, мокрая погода — то густой туман, то моросящий дождь, сопровождаемый холодным ветром, постоянно дующим с открытого океана.

Единственные люди, бывшие в такую ночь на дворе, были часовые в блокгаузах на углах крепости, все время следящие за окружающей местностью, все время следившие за тем, чтобы индейцы, вдруг вышедшие на тропу войны, не воспользовались оплошностью жителей форта и не атаковали его, чтобы полакомиться и поживиться богатствами мехов, провизии и аммуниции, находящихся в складах форта. Правда, нападений на форт до сих пор не было, но комендант, тем не менее, по установившейся еще Кусковым традиции, поддерживал суровую военную дисциплину, всегда помня зверскую расправу индейцев над первыми поселенцами Ситки, позже названной Ново-Архангельском, в 1802 году.

— Да, дорогая, жизнь здесь будет совсем другой, не той к какой ты привыкла дома, в Петербурге, — сказал Ротчев, поправляя дрова в камине и подбросив туда свежее полено, — мы здесь авангард русской нации, землепроходцы и ушкуйники, как в былые времена называли людей нашего типа, или, если хочешь, конквистадоры, продолжающие большую работу, начатую еще покорителем Сибири Ермаком в шестнадцатом столетии. Его последователи и затем их потомки продолжали его дело и шли все вперед и вперед, неизведанные земли впереди их притягивали их и борясь с препятствиями природы, с местным населением, они наконец увидели перед собой просторы Тихого Океана и его морей...

Он помолчал и посмотрел на них:

— Я еще вам не наскучил своим описанием героических подвигов наших русских исследователей и завоевателей? — Ротчев виновато улыбнулся. — Вы знаете, я так много читал об этом, так увлекался описаниями их подвигов, что эта тема никогда не утомляет меня. Мне кажется, что я могу об этом говорить и говорить, особенно еще и потому, что я сознаю, что и мы здесь, в этой глуши, делаем такое же большое дело, что и мы стараемся не посрамить памяти Ермака и достойно продолжить его дело.

Елена с Анной рассмеялись. Они с таким интересом слушали его.

— Ты, наверно, шутишь, если думаешь, что для нас этот предмет скучный, — сказала Елена. — Ты же знаешь, как мало мы знаем обо всем этом. Мне, откровенно говоря, стыдно, что я ничего не знаю обо всех этих открытиях, все это для меня белое пятно, и я хотела бы узнать больше.

— Спасибо, дорогая, — Ротчев благодарно поцеловал ее руку. — Какое счастье иметь такую хорошую, понимающую жену... Ну, если хотите, я добавлю еще несколько слов. Много говорить сегодня не будем, уже поздно, да и спать пора, особенно вам, после тяжелого, мучительного путешествия... Я уже сказал, что наши землепроходцы наконец добрались до огромного, бескрайнего Тихого Океана, не зная, что лежит дальше, за ним. Позади же их лежали огромные пространства покоренной Сибирской империи, незнакомые и неисследованные, кроме тех нескольких троп, которые привели их к океану; тысячи верст густейших и богатейших лесов, величайшие в мире реки, горы богатые рудой и драгоценными камнями. И наконец, впереди них — обширный океан. Казалось, путь вперед закрыт. Но... вышло, что и океан не остановил их. Не так давно, почти в наше время, русские промышленные, как называют всех этих охотников на зверя, и искатели новых земель, решились на большое дело, настоящий подвиг — они на своих утлых, грубо-сколоченных суденышках, часто простых ладьях, вышли в неизвестность этого огромного океана, не зная, что ждет их впереди, кроме бесконечной массы воды; преодолели холод, голод и жажду, каким-то образом пересекли бурный океан и «открыли Америку» с Запада...

Ротчев помолчал, точно стараясь собраться с мыслями, посмотрел задумчиво на потрескивавшие в камине дрова, на веселое, играющее по стенам комнаты, пламя...

— Баранов, о котором я уже с тобой говорил несколько раз, был одним из таких бесстрашных исследователей неизвестного, вероятно самый смелый и самый энергичный из всех этих людей. Он был поставлен во главе Российско-Американской компании, как управляющий отделениями и имуществом компании на Алеутских островах и Аляске. Конечно, все это громко говорящее название в то время ничего не значило потому, что у компании ничего не было кроме разрешения на поиски добычи там и кроме голых рук и мускулов у Баранова и его промышленных. Ну, да о Баранове можно говорит ночи напролет, я об нем пого-

ворю как-нибудь потом, когда представится случай. Пока-же, я хотел бы рассказать вам о человеке, имевшем прямое, непосредственное отношение к Форту Росс, о самом способном и верном помощнике и сотруднике Баранова — Кускове, о человеке основавшем и создавшим Форт Росс, о человеке, который построил эту маленькую колонию, который устроил здесь этот небольшой комфорт, уют и даже относительную роскошь, которыми мы теперь имеем возможность воспользоваться...

Ротчев взглянул на большие часы, висевшие на стене гостиной.

— О-о! Смотрите-ка, который час! Не пора-ли укладываться спать, а то мы так и до утра проговорим.

Он провел Елену в спальню, а также показал Анне комнату, приготовленную для нее. Обе спальни были скромно, но уютно обставлены и стены комнат тоже оклеены веселыми светлыми обоями, чтобы скрыть темные, тяжелые брусы красного дерева из которого был построен дом. В обеих комнатах хлопотала живая, энергичная Дуняша, привезенная Еленой из своего петербургского дома. Она с детских лет была приставлена служить Елене и хорошо знала все привычки своей молодой барыни, которую она продолжала, по прежнему, величать «княжной». Ей помогала черноволосая, босоногая девушка со слегка суженными разрезами глаз, очевидно креолка, дочь русского охотника и индианки или алеутки.

— О, это Маша. Леночка, дорогая, я выбрал Машу в помощь твоей горничной Дуне. Она хорошая, опрятная девушка и, надеюсь, вместе с Дуней, справится со своими обязанностями служить тебе и Анне. Маша — местная девушка, родившаяся здесь в Форте Росс. Отец ее, русский промышленный, умер несколько лет тому назад. Я думаю, Маша была одной из первых, родившихся в этой колонии. Сколько тебе лет, Маша?

Приятное, красивое, немного кругловатое лицо девушки расплылось от улыбки, сморщив ее немного широкий нос и сузив и без того узкие глаза.

— Мне уже шестнадцать лет, Лександр Гаврилыч, — и девушка опять блеснула своими ровными, белыми, жемчужными зубами.

— Ну, Леночка и Анна — Маша будет служить вам, я уверен, верой и правдой. Она смышленная и быстро научится. Так что от вас зависит, как сделать из нее хорошую горничную. Маша, это твоя барыня...

Маша, осторожно переступая босыми ногами, подошла к Елене, и, низко нагнувшись, поцеловала ей руку. Она так же церемонно, очевидно заранее наученная, чмокнула руку Анны.

Дуня с Машей уже успели распаковать чемоданы и сундуки Ротчевой и Анны и разложить и развесить горы чудных туалетов, которые казались таким анахронизмом в этой калифорнийской глуши, где, казалось, нужно было носить грубую простую одежду и грубые сапоги, вместо нескольких дюжин красивых, модных и изящных туфелек, привезенных сюда обеими женщинами.

Ротчев, критически, посмотрел на горы платьев и рассмеялся:

— Боюсь, что вам не придется часто носить этих платьев. Ведь, здесь-же нет людей вашего круга, кроме нескольких простых женщин, жен наших промышленных, а из иностранцев — тут недалеко, верстах в двадцати живет «бостонец» Макинтош, по правде сказать, жуликоватая особа, да несколько испанских семей еще дальше, верстах в ста. Так что, ближе, чем сто верст от нас вы не найдете ни одной семьи. Хотя, нам не мешало бы завести более дружественные отношения с испанцами. Вот, с вашим приездом, мы займемся дипломатией, сможем ездить в испанские миссии, да и они теперь будут охотнее ездить к нам, зная, что у меня есть теперь жена...

— Я не собираюсь модничать здесь, Саша, — запротестовала жена, — будет случай, оденемся, а нет — так и в простых платьях походим. Мы с Анной не приехали наряжаться, а работать и помогать тебе, чтобы ты мог гордиться русской женщиной.

— Как можно не гордиться моей красавицей! — Ротчев крепко обнял Елену.

— Пожалуйста, Саша, не старайся развлекать нас. Твой долг — делать свое дело, делать большое русское дело и делать так, чтобы наша страна гордилась тобой, чтобы тебя помнили так же, как помнят Баранова и Кускова. Я же буду всегда с тобой, около тебя, помогать тебе в этом деле. Все, что мне нужно здесь, это твое общество.

Ротчев влюбленно посмотрел на нее и крепко поцеловал, потом взял обе ее руки и осыпал их поцелуями. — Золотко мое..., — все, что он мог сказать. Елена наконец с улыбкой, отняла от него руки.

— Ну, хорошо, Саша. Выйди, пока, из спальни. Дуня поможет мне раздеться... Пора и спать!..

ГЛАВА 2

ЕЛЕНА И АННА

Солнце было уже довольно высоко на небе, поднявшись над холмами, загораживающими Форт Росс с востока, и весело заливало своими лучами сразу как-то подновившийся и повеселевший поселок, когда Елена проснулась и заметила, что уже поздно. Ее мужа уже давно не было в комнате; управление колонией требовало постоянного внимания и неустанного контроля. Обыкновенно, с раннего утра, вместе с рабочими и служащими поселка, он уже был на ногах.

Елена выглянула в окно. Яркие лучи солнца струились в комнату, полный контраст с тем, что она видела накануне. Никакого следа вчерашнего дождя не осталось, кроме, разве, нескольких луж на площади форта, да и те быстро высыхали под безжалостными лучами жаркого солнца. Елене просто не верилось, что этот веселый, живой, солнечный форт был тем же самым фортом, который встретил ее вчера ударами косого, хлесткого дождя и порывами ураганного ветра. От туч не осталось и следа, кроме редких разрозненных обрывков белых облаков, торопливо несущихся с моря куда-то вдаль, на сушу, за горы.

— Дуня, — нетерпеливо крикнула Елена, — давай скорее одеваться!

Хорошо-выученная и вышколенная горничная, уже ждавшая в соседней комнате, быстро и ловко помогла Елене встать, принесла теплой воды помыться, помогла одеться, накинула легкие туфли на ноги...

В это утро, Елене взяло одеться не больше часа, настолько ей хотелось скорее выйти во двор, поскорее посмотреть, что представляет собою Форт Росс, где ей суждено будет провести много

времени. Даже Дуня удивилась, как быстро ее молодая госпожа смогла собраться и совершенно одеться, когда обычно утренняя церемония одевания, выбора туалетов и прочего, занимала гораздо больше времени. Дамы ее положения в обществе, в это время жили неторопливой жизнью, главной целью их существования было быть украшением дома, быть светской дамой и хозяйкой дома. Очевидно, в месте, подобном Форту Росс, жизнь предъявляла другие требования; здесь на передовом посту российской империи жили другие люди — другие мужчины и другие женщины. Неглупая Елена поняла это и поняла свою роль с первого же дня своей жизни в колонии Росс.

Елена торопилась выйти во двор... Она быстро прошла через гостиную, в приемную, заглянула в кабинет мужа, вход в который тоже был из приемной. Александра Гавриловича там не было, но у высокого стола она заметила молодого писца болезненного вида, сидевшего на высоком табурете. Писец, увидев супругу правителя, быстро вскочил со стула.

— Где Александр Гаврилович? — спросила его Елена.

— Не могу знать, Елена Павловна, — торопливо ответил молодой канцелярист, каким-то тонким, скрипучим голосом. Все в нем как-то, не располагало к нему: бледное прыщеватое лицо с бегающими желтоватыми глазами, намеки на франтоватые усики, которые, однако, были не совсем удачными; типично-прикащичья или писарская манера одеваться и такая же писарская, манерная форма разговора. Он, как ему казалось, элегантно поклонился, и добавил:

— Александр Гаврилович, вероятно, теперь на мельнице-с... это там, сразу, за стеной форта, вот там-с. — Он еще раз жеманно поклонился и щелкнул каблуками.

— Разрешите мне представиться. Я — Николай Сидорович Колесников, доверенный служащий Российско-Американской Компании здесь и помощник Александра Гавриловича... — Он опять сделал глубокий церемонный поклон.

Елена неуверенно протянула ему руку и быстро отдернула ее, когда молодой человек прикоснулся к ее руке своими горячими, сухими губами нездорового человека.

— Изволили хорошо поспать на новом месте? — пытался он продолжать «светский» разговор, но Елена торопилась. Она нетерпеливо кивнула головой:

— Да, спасибо... Где, вы сказали, мой муж... а там!.. Ну, хорошо, я лучше пойду, поищу его.

Она повернулась и быстро вышла из комнаты.

— Хотите, я пойду поищу Александра Гавриловича? — крикнул ей вслед Николай, но она уже быстро сбежала с крыльца, громко простучав по ступенькам деревянными каблучками. Елена шла своей легкой, молодой походкой к воротам форта, у которых ярко блестела начищенной медью небольшая пушка, охранявшая форт от возможных набегов индейцев.

Николай стоял у двери дома и смотрел вслед Елене своими желтыми немигающими глазами, глазами маньяка. Его узкое веснушчатое лицо горело каким-то внутренним болезненным огнем, голова немного кружилась или от того, что он только-что разговаривал с богиней, которой показалась ему Елена, или от тонкого аромата ее духов, долго еще державшагося в воздухе.

Но... богиня исчезла за воротами, и молодой человек вернулся к своему столу, закапанному чернилами, и сел на высокий стул, пытаясь сосредоточиться на своей работе, но его дрожащие руки могли с трудом держать перо. Никогда в своей жизни Николай не встречал женщины, подобной белокурой Елене, которая, вполне понятно, показалась ему богиней. Николай родился на унылом, холодном острове Кодьяк, климат которого с его холодными дождями, с его туманами и с его вечно угрюмым, бурным океаном, наскакивающим на прибрежные скалы, оставил, очевидно, и на нем свой след. Воспитание, сирота Николай получил от не менее угрюмых монахов, основавших на острове приходскую школу. Большинство женщин вокруг него было или простые русские женщины, рано постаревшие от тяжелой работы, или некрасивые, толстые, узкоглазые алеутки и креолки. Правда, некоторые из них, особенно молодые креолки были довольно привлекательны, но теперь, после того, как он увидел Елену, Николай знал, что ни одна женщина, ни одна девушка в мире, не может называться красивой.

Бедный Николай, сидевший совершенно ошеломленным на своем высоком канцелярском стуле, не был единственным человеком, которого так поразило появление красавицы «княжны». Многие жители форта, видевшие белокурую Елену в то утро, особенно алеуты, в таком же изумлении долго смотрели ей вслед. Николай, сидя в полутемной конторке, мог только думать о золотистом цвете белокурых волос, подобных которым он никогда нигде не видел. А потом, этот необыкновенный, дурманящий аромат неземных духов!

Елена торопливо вышла из ворот форта и невольно остановилась. Прямо перед ней, блестя в отраженных лучах предполуденного солнца, лениво колыхался могучий океан, безбрежное пространство которого сливалось с голубым небом, где-то, далеко на горизонте. В открытой бухте, полумесяцем окаймленной высокими обрывистыми берегами колонии, так же лениво покачивался корабль, привезший Елену накануне из Ситки. Корабль с высокого берега казался крошечным, утлым суденышком.

Елена вздохнула глубоко, полной грудью.

— Ах, как хорошо, — подумала она, — какой воздух!

Посмотрела назад. Высокие, потемневшие стены форта смотрели на нее, казалось, не так сурово, были не такими неприступными, как они казались вчера вечером. Широкие ворота открыты настежь и за ними видно яркое зеленое поле форта. Молодой охотник сидит на обрубке дерева у ворот форта с заряженным ружьем. Приказ коменданта форта не оставлять форт без охраны слепо выполнялся часовыми, как у ворот, так и в обеих угловых башнях стен.

Елена улыбнулась часовому и тот, вскочив с места, быстро скинул шапку с головы и поклонился ей. Суровая служба на этой окраине, как-то сразу и ему показалась не такой тяжелой, точно луч солнца вдруг осветил его беспросветное существование.

Обойдя стену форта со стороны моря, Елена оказалась у северной стороны форта, за которой видна была только крыша комендантского дома, ее дома. Недалеко, на пригорке, стояла небольшая ветрянная мельница, скрипевшая своими крыльями, поворачивавшимися неторопливо под дуновением легкого морского бриза.

Елена приветливо поздоровалась со старым, бородатым мельником, осыпанным мучной пылью, как и полагается приличному мельнику.

— Ищу своего мужа, Александра Гавриловича... не проходил ли он здесь? — спросила она старика.

Тот вскочил и, скинув шапку, почтительно ответил:

— Проходили-с, Елена Павловна, но я боюсь вам не угнаться за ними. Александр Гаврилович, по утрам, очень заняты. Может-быть, они теперь на кожевенном заводе, а, может-быть, и на пашню поехали; я недавно слыхал, как лошадь поскакала туда, на пашню знать.

Елена засмеялась.

— Я вижу, что мне за ним не угнаться, пойду домой... если увидишь Александра Гавриловича, скажи ему, что я искала его. Ну, Бог в помощь!

— Благодарствую, Елена Павловна, беспременно передам ему.

Старик долго стоял с шапкой в руке и следил за Еленой, пока она не скрылась за углом форта.

Время для Елены было еще раннее и она медленно пошла обратно к обрывистому берегу моря. Вид и моря, и колонии Росс, освещенных веселыми, живыми лучами солнца, был необыкновенно красивым. Форт, грозно насупившийся своими пушками и башнями, представлял необыкновенную, прямо феерическую картину с его свеже-отесанными крышами и блеском ярко начищенных пушек. Мельница, с ее лениво вертевшимися лопастями ветрянного колеса, еще больше придавала очарования этой тихой, спокойной колонии. За мельницей виднелось несколько добротно-сколоченных домов в которых жили охотники, «промышленные», как их звали тогда. Ничто не говорило, не показывало того, что это был форпост, передовая позиция русских колонизаторов, что дальше их, туда на восток или на юг — нет ничего; там леса и степи, горы и пустыни, да редкие поселения индейцев. Форт Росс — это крайняя граница распространения русского влияния, с помощью землепроходцев, докатившегося до Калифорнии.

— А, как хорошо здесь! — Опять глубоко вздохнула Елена. Стоя на берегу, она с интересом наблюдала за кропотливой жизнью колонистов. Русские и алеуты, что-то, копошились около своих лодок и байдар на песчанном берегу гавани; иногда некоторые из них взбегали наверх по крутой деревянной лестнице и, вдруг остолбенело скидывали шапки перед Еленой и, не меняя темпа, рысцой, пробегали мимо. Встреча с красавицей, хозяйкой форта была для них полнейшей неожиданностью и потом, на берегу или в домах колонии, бородачи-промышленные долго обсуждали появление Елены среди них.

— А, Анна, встала уже, — Елена радостно приветствовала свою подругу, компаньонку, вышедшую из ворот форта.

— Я, как-то разленилась сегодня утром, никак не могла проснуться. Видно сильно утомила меня эта бесконечная качка на корабле. Все еще мерещится, что палуба ходит под ногами, — Анна ответила Елене своим низким, грудным голосом. — Даже

не верится, что мы стоим на твердой земле. А какой чудесный вид здесь. И погода — лучшего нельзя было и ожидать!

Обе подруги медленно пошли обратно внутрь форта, провожаемые взглядами колонистов, отщепенцев России, вольно или невольно попавших на эту далекую окраину.

Правда, для большинства колонистов Форт Росс конечно казался раем по сравнению с их жизнью на Аляске или Алеутских островах. Ничего другого они не видели и, безусловно, угрюмые Алеутские острова и неприветливая Аляска, не могли сравниться с Фортом Росс с его мягким, теплым климатом, основанным далеко на юге, в солнечной Калифорнии. Только очень немногие из тех, кто жил в колонии Росс, были в Сибири, которая в то время едва-ли была лучше Аляски по суровости своего климата и отдаленности от центральной России.

Некоторые, которых можно было по пальцам пересчитать, родились в России. Это бывшие каторжане, отбывавшие наказание в Сибири за страшные преступления и потом посланные на Аляску помогать «культурному» освоению этой окраины России. Для них, возможность поехать в Форт Росс, в Калифорнии, была, конечно, необычайным счастьем.

Администрация Российско-Американской Компании на Аляске последнее время с большим трудом могла привлечь рабочих, охотников и промышленных в этот суровый край и поэтому ей пришлось прибегнуть к сделке с сибирской администрацией, поставлявшей ей дешевый подневольный труд. Осужденные на долгие годы каторги были рады обменять свой каторжный труд на работу в русских колониях Америки, дававшей им право фиктивной свободы.

Первые опыты с такими людьми, особенно в колонии Росс, были неудачными, потому что они оказались очень плохими и неопытными земледельцами, хотя может быть и неплохими кузнецами, судостроителями, мельниками и плотниками.

Нельзя удивляться и тому, что эти люди,, когда им была предложена возможность поехать еще дальше, куда-то в неизвестные края, в Форт Росс, они с радостью хватались за это предложение. Одни только слухи о мягком, приятном климате Калифорнии были достаточным побуждением для них вызваться поехать добровольцами в далекую Калифорнию.

В то время жизнь на Аляске и Алеутских островах была далеко не сладкой. Не так-то уж много времени прошло с тех пор, как Баранов поднял русский флаг в Ситке. До сих пор

промышленным, видавшим виды и лишения, приходилось на Аляске работать до истощения и выносить больше того, границы которого казалось были поставлены людям самой природой.

Охота на морского зверя на утлых байдаках в постоянно-бурном море, в условиях тяжелого неблагоприятного климата — все это не было единственными лишениями этих русских землепроходцев и мореплавателей. Самым тяжелым был постоянный недостаток, постоянная нехватка пищевых продуктов, доставлявшихся очень редко, спорадически из Сибири, или кораблями, изредка отправлявшимися в кругосветные плавания из Петербурга. Часто колонистам на Аляске приходилось существовать месяцами исключительно на сушеной, иногда порченной, рыбе.

Этот постоянный недостаток в свежих продуктах и хлебе и был главной причиной основания Форта Росс в 1812 году. По плану Баранова, Форт Росс должен был в короткий срок стать житницей Русской Америки, главным поставщиком хлеба, мяса и овощей. К сожалению, задача поставленная колонии Росс не оправдалась по многим причинам, главной из которых был недостаток пахотной земли на территории форта, где можно было бы сеять хлеб для прокормления не только колонистов Форта Росс, но и жителей Ситки и других селений Русской Америки.

Форт Росс, может-быть, выбранный хорошо по стратегическим соображениям, был зажат на узком плато между горами и морем. Ему нужно было или расширяться, выходить на просторы Калифорнии, за прибрежные горы, что могло привести дипломатическому конфликту с Испанией, а позже с Мексикой, не говоря уже о растущей мощи новой страны — Соединенных Штатов, или свертываться и закрывать форт, отступив на русскую территорию Аляски. Форт Росс не мог оставаться на прежнем положении, так как он становился финансовым бременем для коммерческого предприятия, каковым все еще формально считалась Российско-Американская Компания.

Глухие слухи ходили в колонии Росс о возможности ликвидации форта, но никто не хотел им верить, настолько страшила всех мысль возвращаться обратно в суровые условия Аляски.

Жизнь в колонии Росс была, конечно, много легче, чем на севере. И климат мягче, и условия работы лучше, и начальства меньше, а главное — ни снега, ни бурь. Пищи в колонии вдоволь — и хлеба, и скота на убой, и рыбы. Свои поля давали достаточно хлеба для колонистов форта, но избытки были настолько мизерными, что Аляска, по прежнему, страдала от недостатка

самых нужных и необходимых продуктов. Трудно было узнать прежних, истощенных, болезненных аляскинцев, проживших некоторое время в колонии Росс. Хороший душистый, пшеничный или ржаной хлеб, большой выбор овощей — картофеля, капусты, огурцов и помидор, а также — мясо — все это быстро округляло лица, укрепляло мускулы и люди становились неузнаваемыми.

***

Теперь, с приездом Елены Ротчевой и ее подруги и компаньонки Анны, внимание всего поселка Росс было постоянно обращено на обеих женщин. Большинство, конечно, видело в ней жену начальника форта и, как к таковой, относилось к ней с большим уважением. Люди помоложе вздыхали и тайно восхищались обеими женщинами.

Ничего удивительного в этом поклонении не было. Обе женщины были поразительно красивы и что было особенно удивительно — они очень были похожи друг на друга, точно две сестры, если не близнецы: те же длинные светло-золотистые волосы, такие же стройные, худенькие фигуры и точно такие же синие васильковые глаза.

Была одна существенная разница, однако, в обеих женщинах. В то время, как Елена, счастливая в своей семейной жизни, любимая мужем, боготворившим ее, и сама любящая его, была веселая, жизнерадостная, кипучая в своем счастьи и весельи, энергичная и, нередко, вспыльчивая, ее подруга Анна была полной противоположностью ей. Анна была тихая, спокойная, молчаливая, неразговорчивая, с глубоким, низким голосом, который казался таким контрастом с ее нежной, хрупкой фигуркой. Что больше всего поражало в ней, это чувство, какой-то, внутренней, тихой грусти. Редко, очень редко, можно было видеть улыбку на ее лице. Если же улыбка появлялась, то, как-то, урывками, тайком, точно стыдилась она этой улыбки, точно луч солнца вдруг пробивался через завесу туч и потом вновь исчезал, то-ли вдруг застыдилась, то-ли сил не хватит преодолеть препятствия.

Причины этому, очевидно, были, хотя Анна сама никогда, ничего не говорила о том, что случилось с нею в далекой России и что заставило ее вдруг отказаться от всего того, к чему она привыкла там, от друзей и знакомых, и отправиться в далекую глушь, в дикую Америку.

Три года тому назад, она была обручена с молодым, блестящим петербуржцем Константином. Уже был назначен день свадьбы счастливой пары, как вдруг Константином был получен неожиданный приказ, немедленно выехать на Кавказ, в действующую армию, в то время ведшую операции против воинственных кавказских горцев. Оказалось,, что молодой Константин, еще совсем юнцом, был близок к группе людей, вошедших в историю под именем «декабристов» С некоторыми он был в приятельских отношениях, а с другими в родстве. Никакого активного участия в мятеже он не принимал, хотя бы потому, что был совсем молод, мальчик. Прошло десять лет после декабрьского восстания, колесо правосудия давно сделало свое дело; лица, найденные виновными получили наказания в зависимости от степени их участия в заговоре.

Имя Константина было найдено в личных бумагах некоторых из заговорщиков, главным образом у Рылеева, много позже, после окончания судебных процессов. Только через десять лет после того, как главные зачинщики были казнены или сосланы в Сибирь, было вынесено решение по делу Константина. Так как никакого активного участия в мятеже он не принимал, кроме морального сочувствия, ему было приказано выехать на год, в действующую армию, на Кавказ. Наказание, казалось не большое, но это означало разлуку с Анной на целый год и отсрочка их свадьбы на этот срок.

Со слезами проводила Анна своего нареченного. Константин обещал,, чем-то, выдвинуться там и может быть вернуться раньше срока. Вскоре после прибытия на Кавказ, Константин, смело участвовавший в нескольких опасных вылазках против горцев, вызвался пойти в особенно опасную разведку и... не вернулся. Что с ним случилось, никто никогда не мог узнать, несмотря на все попытки его друзей соратников. Ни опросы пленных горцев, ни вылазки вглубь территории врага — не принесли никаких результатов. Константин исчез — как в воду канул.

Известие об его исчезновении совершенно убило Анну. Вообще молчаливая по натуре, она совершенно замкнулась в себе и перестала бывать в обществе, перестала ходить к знакомым и, вообще, стала избегать людей.

К счастью, у Анны была задушевная подруга детства княжна Елена Гагарина, незадолго до этого вышедшая замуж за Александра Ротчева. Елена приняла горячее участие в судьбе бедной Анны и старалась, чем только могла, как-то облегчить ее горе.

Муж Елены выехал на новую службу в Ново-Архангельск, на Аляске и затем был переведен в Форт Росс и разлука с ним еще более сблизила ее с одинокой Анной. Последний год перед их отъездом в Форт Росс, обе подруги были неразлучными.

***

Российско-Американская компания, вернее некоторые из ее крупных деятелей в Петербурге, была сильно задета декабрьскими событиями 1825 года. Из пяти главных зачинщиков мятежа, казненных в Петербурге, поэт Рылеев находился на службе главного правления Р.-А. компании, в должности правителя канцелярии.

Рылеев, вместе с другими заговорщиками, составил план захвата командных постов компании в Америке. Было решено назначить полковника корпуса военных инженеров Батенкова на пост главного управляющего делами компании на Аляске. Одновременно, другой конспиратор, морской офицер Димитрий Завалишин, должен был быть назначен комендантом Форта Росс в Калифорнии, а другий морской офицер В. П. Романов, в то же самое время, должен был оказаться в плавании со своим кораблем по «исследованию» побережья Восточной Сибири и Аляски.

Этим планам Рылеева и других заговорщиков не суждено было осуществиться, хотя бы потому, что неожиданная смерть Императора Александра I захватила их врасплох и совершенно неподготовленными. Любительское выступление на Сенатской площади в Петербурге окончилось плачевно и сам Рылеев должен был заплатить жизнью за участие в заговоре.

В архивах компании, в Ново-Архангельске, можно было найти официальное письмо директоров компании, адресованное «Главному правителю Российско-Американских колоний, господину флота капитану 2-го ранга и кавалеру Матвею Ивановичу Муравьеву», датированное 24 марта 1826 года. В этом письме, администрация компании осторожно, не входя в подробности, пишет: «По случаю выбытия из службы компании правителя канцелярии сего правления Кондратия Федоровича Рылеева должность его впредь до времени поручена старшему бухгалтеру Платону Боковикову . . . »

Сам Ротчев за время своего пребывания в Ново-Архангельске (как называлась тогда Ситка) показал большую работоспособ-

ность и административные таланты настолько, что правитель колоний Купреянов уже через год после его прибытия рекомендовал правлению назначить молодого чиновника на пост правителя Форта Росс.

Почтовое сообщение было медленным в то время и взяло еще год, прежде чем в Ситку было послано письмо из Петербурга, на имя правителя Купреянова. Правление, в марте 1837 года писало, что... «относительно г. Ротчева, главное правление полагает, что он при нынешних критических обстоятельствах в Калифорнии мог бы с пользою занять место правителя конторы в Россе, имея при себе помощником г. Черных, сведующего по части земледелия...»

«Критические обстоятельства», о которых писало правление в Ситку представляли собой прежде всего полную невыгодность содержания форта, в финансовом отношении. За последние два-три года, компания стала нести убытки в Россе. Кроме того и политическое положение становилось критическим, не столько из-за бесконечных жалоб и требований мексиканского правительства к русским покинуть территорию, которую мексиканцы считали своей, но также из-за усилившейся деятельности американских граждан в Калифорнии. Администрация Форта Росс не раз посылала тревожные рапорты об увеличившемся числе американцев, прибывающих в Калифорнию и об упорных слухах о том, что они намереваются присоединить Калифорнию к Соединенным Штатам.

ГЛАВА 3

ПЕРВЫЕ ДНИ В КОЛОНИИ

Форт Росс... Много было написано об этом месте в Калифорнии, полном романтики, расположенном на расстоянии каких-нибудь ста верст к северу от Сан Франциско. Далеко забрались русские пионеры и промышленные. Мало того, что поселились они на Аляске и Алеутских островах, так двинулись дальше, на юг, вдоль тихоокеанского побережья Америки, основав Форт Росс, почти у ворот Сан Франциско.

Мысль об основании русского поселения в Калифорнии, а также и о последующем распространении русского влияния на земли, носящие теперь названия американских штатов: Вашингтон, Орегон и Калифорния, зародилась в пытливом и смелом мозгу государственного деятеля времен царствования Императора Александра I — Николая Петровича Резанова. Камергер двора и специальный посланник императора в запретную Японию, Резанов получил большие полномочия для того, чтобы убедить японцев установить с Россией нормальные дипломатические отношения. Ему также было поручено завязать с японцами торговые сношения. Эта миссия Резанова оказалась неудачной, и он, в качестве одного из директоров Российско-Американской компании, поехал инспектировать американские владения. Там, на месте, он увидел, как тяжело было положение колонии с получением провизии и других продуктов. Резанов, тогда посетил Калифорнию в 1806 году и пробыл некоторое время в Президио, где теперь стоит город Сан Франциско.

В результате поездки в Калифорнию, у Резанова зародилась смелая мысль, основать форт и селение на юге, у Сан Франциско, и создать там сельскохозяйственную колонию, которая смо-

жет снабжать Ново-Архангельск и русские владения на Аляске — необходимыми продуктами, овощами и мясом.

На основании инструкций и пожеланий Резанова, вскоре выехавшего в Сибирь, на пути обратно в Петербург, правитель Аляски и основатель аляскинских колоний Александр Баранов посылал несколько разведывательных экспедиций на юг, по побережью Америки. Эти экспедиции возглавлялись способным сотрудником и помощником Баранова — Иваном Кусковым.

Кусков, наконец, нашел небольшой участок на возвышенном берегу Калифорнии, идеально расположенном для основания там форта. С востока место защищалось полукругом гор, что являлось хорошим барьером против нападений воинственных индейцев. На западе был открытый океан.

Выбранное для форта место находилось немного больше двадцати верст на север от залива Румянцева, теперь носящего название Залива Бодега, в который впадает Русская Речка, прежде называвшаяся Славянкой.

Ранней весной, 15 марта 1812 года, начались работы по постройке форта, на возвышении в 100 футах над уровнем моря. Люди, приехавшие с Кусковым, работали не покладая рук. Нужно было рубить гигантские калифорнийские деревья, тесать бревна, строить дома, а главное, в первую очередь, построить высокую бревенчастую стену с башнями для защиты от индейцев. Все лето продолжалась работа и осенью главные сооружения форта были закончены.

11 сентября 1812 года состоялась большая церемония открытия форта, которая была проведена особенно торжественно. Был чудесный, солнечный, осенний день, когда вся колония этого нового селения, состоявшая из 95 русских промышленных и 80 алеутов-охотников, собралась у маленькой часовни, построенной в углу форта. Часовня блестела своим свеже-срубленным лесом.

Кусков и несколько старших промышленных вошли внутрь часовни, в то время, как все другие столпились у входа, стоя там в полном молчании, точно чувствуя, что они присутствуют и принимают участие в большом историческом событии, в деле, которому суждено было сыграть большую историческую роль.

Посредине часовни была установлена большая икона Спасителя, привезенная Кусковым из Ново-Архангельска, перед которой были положены свернутые записки. На этих записках несколько названий, предлагаемых для вновь-основанного форта.

Кусков подошел к столику, несколько мгновений посмотрел на икону Спасителя, точно мысленно прося Его о помощи, потом широким размашистым крестом перекрестился. За ним также истово закрестились промышленные и алеуты.

Кусков подошел еще ближе, опять набожно перекрестился и взял одну из бумажек... повернулся лицом к своим соратникам. Суровые лица напряжено смотрели на него. Медленно развернул бумажку Иван Кусков и, громко, во всеуслышание, прочел... — РОСС... быть по сему!..

Так было положено основание русскими колонии Росс в Калифорнии, оставившей такой глубокий след в истории русских поселений в Америке и в истории самой Калифорнии.

Форт Росс оказался самым дальним пунктом проникновения русских на восток. Эта волна русской предприимчивости, получившая толчок еще во времена Ивана Грозного и начавшаяся с походов Ермака Тимофеевича, в короткий срок докатилась до берегов Тихого Океана, перехлестнулась на американский материк и докатилась до Калифорнии, в своем последнем усилии, остановившаяся и захлестнувшаяся на колонии Росс.

Правда, в течение нескольких лет, русские имели еще промысловую тюленевую станцию дальше на юг, на Фараллоновых островах, в двадцати милях от бухты Сан Франциско, но эта станция не была колонией постоянного характера.

Резанов, увидя Калифорнию, много думал о возможностях русского движения в эту благодатную страну, где он предполагал не только основать изолированные форты, но фактически прикрепить территорию к России.

Будучи в Ново-Архангельске на Аляске, он пишет пространное письмо министру коммерции, датированное 17 июня 1806 года. В этом письме он пишет:

«Ежели б ранее мыслило правительство о сей части света .. ежели б беспрерывно следовала прозорливым видам Петра Великого, при малых тогдашних способах Берингову экспедицию начертавшего, то утвердительно сказать можно, что Новая Калифорния никогда б не была Гишпанской принадлежностью, ибо с 1760 года только обратили они внимание свое и предприимчивостью одних миссионеров сей лутчей кряж земли навсегда себе упрочили. Теперь остается еще не занятой интервал, столько же выгодной и весьма нужной нам, и так ежели и его пропустим, то, что скажет **потомство?»**

Преждевременная смерть Резанова затормозила проведение его плана в жизнь, но с 1808 года начинается определенная кампания по закреплению части Калифорнии. Тайно, без ведома испанцев, зарываются медные нумерованные дощечки в уединенных местах, от Шарлотовых островов до мыса Бодего в Калифорнии, с надписью «Земля российского владения».

Эта кампания завершилась постройкой Форта Росс в 1812 году. Форт Росс был построен русскими крепко, добротно, на много лет. Высокая бревенчатая стена в 12-15 футов вышиною с двумя двухэтажными башнями по углам были достаточно надежным укрытием. Кроме того там было двадцать пушек с регулярно-менявшимися часовыми, что придавало форту вид военной крепостцы. Военная дисциплина была необходима для безопасности колонии. Кусков, при постройке форта, слишком хорошо помнил, что за несколько лет до этого, 20 июня 1802 года, вся колония Ново-Архангельска была поголовно вырезана индейцами племени «колош» и сам форт сожжен.

Внутри Форта Росс, под защитой его стен и пушек, находился дом правителя колонии, часовня, казармы, кухня, склады и тюрьма. Кроме того, много построек было возведено снаружи, за стенами форта. Многие семейные промышленные жили в крепко-сколоченных добротных избах на некотором расстоянии от форта. Всего было построено девять зданий внутри форта и пятьдесят домов снаружи. Через два года, в 1814 году, были закончены постройкой кожевенный завод, мельница, мастерские, кладовые и целый ряд жилых помещений.

Всю историю постройки форта и также жизнь его первого правителя Кускова, детально объяснил и описал Ротчев своей жене Елене и ее подруге Анне, во время прогулки по пляжу, перед фортом, на следующий день после их приезда. Жизнь кипела даже на берегу. Несколько рабочих были видны на судостроителеьной верфи, где они ремонтировали компанейское судно. Верфь теперь не строила новых кораблей, но было время, когда она спустила на воду несколько ладно построенных морских судов.

— Ну, что, мои дорогие, устали бродить для первого дня здесь. Может быть вернемся обратно домой и отдохнем? — Ротчев заботливо обратился к дамам.

— Мы совсем не устали. Наоборот все здесь так ново и интересно, что мы хотим все видеть и слышать все об этом месте, — запротестовали обе. — Как хорошо здесь. До сих пор не

верится, что вчера весь день была такая гнусная погода, шел нудный, моросящий дождь. Какая метаморфоза! Сегодня все выглядит по-новому, по-иному.

Ротчев засмеялся. Он был очень доволен впечатлением, произведенным на дам видом ярко-освещенного солнцем Форта Росс. Ротчев был еще молод и с большим энтузиазмом относился к своей работе, к своим обязанностям. Его можно было назвать интересным. Среднего роста, худощавый, с темноватыми волосами, довольно длинными позади и с протянувшимися двумя длинными полосками до половины обеих щек, он был типичной картиной молодого, слегка самоуверенного, типичного представителя своего класса того времени. Ротчев сегодня был особенно тщательно и элегантно одет, вероятно по случаю приезда обеих дам. Даже не верилось, что он был одним из пионеров, прорубавших путь в неизвестных местах и служивших авангардом русского продвижения на континенте Америки. Он нисколько, по внешности, не отличался от тех молодых людей, петербуржцев, которых можно было видеть на Невском.

Он взял Елену и Анну под-руку и пошел с ними вокруг стены форта по направлению к мельнице, стоявшей на пригорке, у ручья. Заглянули внутрь темной, слабо-освещенной мельницы, казавшейся совсем темной после ослепительного яркого солнечного дня. Старый мельник Прохор Прокопьев деловито возился у жерновов, смазывал что-то.

— Бог в помощь! — крикнул ему Ротчев.

Прохор взглянул на них в изумлении и быстро сорвал с головы шапку, густо напудренную мукой.

— Благодарствую, Александр Гаврилович. Вот подмазываю тут маленько. Как изволите здравствовать Елена Павловна и Анна Владимировна?

Старик был несказанно рад чести, оказанной ему, посещением мельницы обеими молодыми дамами.

— Ну, не будем мешать работе. Мы пойдем дальше в фруктовый сад.

Позади форта, на пологом склоне гор, в полуверсте от селения, может быть футах в пятистах над уровнем моря раскинулся чудесный фруктовый сад, которым, очевидно было, Ротчев очень гордился.

Им взяло недолго дойти до сада и, прогуливаясь между рядами деревьев, Ротчев с гордостью показывал жене и Анне те деревья, которые он считал особенно интересными.

— Видите, вон то персиковое дерево, — Ротчев указал на старое дерево в углу сада. — Это было первое фруктовое дерево в нашей колонии здесь. Лейтенант Бенземан, командовавший одним из компанейских кораблей «Чириковым», привез это дерево из Миссии Сан Франциско, еще в 1814 году, и вот, оно все еще стоит, растет и цветет, дает много плодов, хотя ему теперь уже больше двадцати пяти лет.

Он еще раз посмотрел вокруг.

— Немного позже, в 1817 и 1818 годах наш бывший правитель Русской Америки Гагемейстер привез сюда еще несколько персиковых деревьев из Монтерея. Вы можете видеть эти деревья вон там, немного правее этого первого дерева. Он также привез несколько виноградных лоз из Лимы, из Южной Америки. Они посажены вдоль забора там, по северной стороне сада.

— Просто поразительно! — воскликнула Елена. — Кустик за кустиком, дерево за деревом, виноградная лоза — много-ли лет прошло и смотри теперь, какой у нас чудный фруктовый сад разросся. Да такого сада я у нас в России не видывала, чтобы росли вместе персики, яблони, груши и виноград!

— Да, мы должны благодарить наших трудолюбивых предшественников, — добавил Ротчев. — Года не проходило, чтобы они не подсаживали чего-нибудь нового в этом саду. В 1820 году, на другой стороне сада, вон в том углу было посажено еще более ста новых фруктовых деревьев. Там и яблони, персики, и вишни, и много других. Все это хорошо принялось, разрослось буйно. Что и говорить, климат здесь благодатный и теперь у нас, здесь, летом масса фруктов. Мы никогда не страдаем от недостатка фруктов. Заметьте, что мы здесь выращиваем не только фрукты, но и замечательные цветы. Ничего этого здесь не было до приезда Кускова. Вот здесь, вдоль забора, видите растут чудесные розы, привезенные из Сан Франциско. А те кусты роз, помнишь Леночка, около нашего дома... это особенные розы из Пальма Кристи на Сандвичевых островах. Нет, нам, конечно, грешно жаловаться здесь. У нас нет ни в чем недостатка: прекрасные фрукты, свежие овощи, цветы и, конечно, свежие молочные продукты. Вы знаете, что у нас, здесь, ведь, три тысячи голов скота!

— Три тысячи! Да, ведь, это же богатство!

Елена не могла остановиться от восклицаний восторга. Все здесь казалось ей новым, интересным, захватывающим и она, как-то, по детски, экзальтированно, слушала рассказы и объяснения своего мужа.

Они повернули обратно и медленно пошли по направлению к форту. Елена шла опираясь на руку мужа и глубоко вдыхала свежий, ароматный воздух, в котором чувствовался и пряный аромат роз и других цветов, и запах свеже-скошенной травы, и солоноватый запах океана.

Подошли к высоким стенам форта.

Елена подняла голову, посмотрела кругом... потом:

— Давайте обойдем форт с другой стороны... Я хочу видеть здесь все, хочу почувствовать, что это мой дом и хочу знать каждый уголок этого моего дома.

— Ты, просто, неутомимая, Леночка. Подумай об Анне. Может-быть она устала и хотела бы отдохнуть.

Анна взмахнула своими тяжелыми, густыми ресницами, посмотрела на Ротчева темными синими глазами:

— Я не устаю так быстро, Александр Гаврилович. Я от Леночки не отстану, — тихо возразила она своим низким, слегка ломающимся, голосом.

— Ну, хорошо, — засмеялся Ротчев, — подчиняюсь большинству, да еще такому прелестному.

Он повел их узкой тропинкой вдоль стены форта. Тропинка вилась фантастическими зигзагами среди густой, сочной травы и пышных зеленых кустов. Подойдя к углу форта, за которым виднелась острая крыша часовни, Ротчев показал рукой на пригорок:

— Вот там, за этим овражком, видите ограду, это наше кладбище.

— Я даже не представляла себе, чтобы в этой счастливой Аркадии было кладбище. Мне, как-то, и в голову не приходило, что люди умирают здесь, — шутливо засмеялась Елена.

Анна посмотрела на пригорок и потом, с оттенком скрытой грусти, заметила:

— Какое красивое и тихое кладбище. Счастливы те люди, которые умерли здесь и теперь отдыхают там от всех земных забот, отдыхают на этом тихом, идиллическом берегу океана.

Она еще раз посмотрела на несколько белых деревянных крестов, блестевших сквозь зелень кустов, и тихо добавила:

— Я тоже хотела бы быть похороненной здесь, когда я умру!

— Что за мысли, Анна, в твоем юном возрасте, — Елена укоризненно посмотрела на подругу. Счастливая своей молодостью, своим полным счастьем, может-быть эгоизмом молодости и счастья, она, как-то, даже и секунды не подумала о таких вещах,

как смерть или кладбище. Слишком весел был ее задорный смех, слишком шаловлива была она и, конечно, неизмерно счастлива в своей любви к Александру, так же как и в сознании того, что он влюблен в нее до безумия, чтобы думать о каких-то грустных вещах. Если когда-либо облачко налетало на ее прелестное лицо, то ей не стоило большего труда смахнуть его, забыть о заботах и опять засмеяться задорным, веселым, колокольчатым смехом.

Анна посмотрела на нее.

— Прости, но мне часто бывает трудно отбросить в сторону подобные мысли. Иногда мне бывает тяжело и не редко я думаю о бренности всего земного. Мне кажется, что все было ошибкой, что вся моя жизнь это сплошная ошибка. Как-то думается мне, что живу я напрасно, ни для кого... ненужная, пустая, бесполезная жизнь. Может-быть я не должна была родиться... Может-быть я заняла место кого-то другого, кто любил бы жизнь больше меня, искал бы в жизни большего и вероятно добивался бы большего...

— Ну, хорошо, хорошо, Анюсенька, не расстраивайся. Не будем больше об этом говорить. Сама посмотри, как хорошо сегодня, кругом. Разве-ж это не Божья благодать? И посмотри, какой контраст с тем, что мы видели вчера, когда сошли с нашего корабля. Ну, довольно гулять. На первый раз достаточно. У нас еще много дней здесь насмотреться. Вы знаете, что теперь я чувствую, что я устала. Пора отдохнуть моим бедным ногам, — и Елена потянула обоих на тропинку, ведшую обратно в форт. — Не думаешь-ли ты, Саша, что нам и отдохнуть не мешало-бы?

— Я уже давно пытался вам сказать, чтобы вы не переутомляли себя в первый день здесь, но ты, ведь, неугомонная, не могла остановиться. Действительно, пойдемте назад, домой. Надо вам отдохнуть, полежать немного, а потом, ведь, и время за стол. К вам, Анна, это особенно относится. Вы, как-будто, выглядите усталой; у вас несколько утомленный вид.

— Да, правда, — согласилась Анна, — я, в самом деле устала.

Они быстро дошли до форта, прошли ворота и через минуту были в комендантском доме.

В окне канцелярии появилось бледное, болезненное лицо молодого канцеляриста Николая, когда группа весело поднималась по ступеням крыльца. Николай смотрел на обеих женщин горячими, воспаленными глазами, следя за движениями их тел, прислушиваясь к шелесту их длинных платьев, к острому дробному стуку каблуков на деревянных ступенях веранды. Он, не

отрываясь следил за ними до тех пор, пока они не скрылись внутри дома. Если-б кто-нибудь видел его глаза в это время, то он, может-быть, даже заметил бы в них взгляд какого-то исступленного безумия.

Ротчев, с дамами, скрылся в в дверях дома и Николай, устало, с потухшими глазами вернулся на свой высокий, неудобный конторский стул. Несколько минут он сидел неподвижно, смотря невидящими и непонимающими глазами на колонки цифр в его конторских книгах. В его ушах все еще звенели колокольчики задорного смеха Елены и звучал тихий, низкий голос Анны. Он крепко сжал руками голову и уши, когда ему опять вдруг почудился нежный, тонкий шелест их платьев. Потом, вдруг, в его мозгу раздался тихий стук женских каблуков, все громче и громче, точно кто-то из дам подходил к его двери. Он вскочил, оглянулся на дверь, но звуки прекратились и все опять было тихо!

Он глубоко вздохнул, взъерошил длинными пальцами свои редкие, длинные, темные волосы, встряхнул головой и в каком-то исступлении стал щелкать на своих счетах. Его веснушчатое лицо все еще долго горело, долго после того, как он видел и провожал своими немигающими, желтыми глазами Елену и Анну.

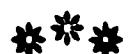
Николай сам, вероятно, не знал и не разбирался, которая из двух женщин была более красивой. Красота обеих казалась ему божественной, неземной. Действительно трудно было отдать предпочтение одной или другой из них, в особенности потому, что они были так поразительно похожи друг на друга. Те же светлые, золотистые, длинные волосы, коронкой облегающие их прелестные головки, те же темно-синие глаза с пушистыми ресницами, они обе были одинакового роста, с одинаковыми фигурами; нет, только Соломон мог вынести свое решение здесь. Может-быть, присмотревшись внимательно можно было найти небольшую разницу если не в разрезе, то в форме их изящных ротиков. Рот Елены был слегка изогнут, ротик избалованной и, может-быть, немного капризной, молодой женщины. Ее рот редко был закрыт плотно, всегда полуоткрытый, улыбающийся или смеющийся.

Рот Анны был почти всегда закрытый, часто плотно сжатый, точно все время скрывая ее внутреннюю жизнь, ее мысли. Судьба, видно, была не так милостива к ней, как к шаловливой, избалованной, точно все время озаренной солнцем, княжне

Елене. Конечно, личная трагедия Анны оставила на ней тяжелый след.

Николай, сидя на своем высоком стуле, никак не мог забыть своих богинь. Может-быть, в его уме, мысленно он отдавал предпочтение грустной Анне. Ее грустные глаза и несколько меланхолический вид, как-то притягивали ее к нему. — Она, почему-то, несчастлива, — подумал он, — что-то ее тревожит. Он, незаметно, стал воображать себя ее рыцарем, защитником. Ее нужно спасти от того, что делает ее несчастной, думал он. Надо вернуть ей улыбку, которая должна озарить ее прекрасное лицо.

Он взглянул в боковое окно канцелярии и вдруг увидел, что горничная Дуня вышла во двор и стала развешивать платья своих барынь, проветривать туалеты на свежем морском послеполуденном бризе. Ее помощница Маша вышла из комнаты прислуги, села на ступеньках крыльца и стала аккуратно чистить туфельки Елены и Анны. Николай, с жадностью, смотрел на работу девушек. Как он завидовал им! Если-б только он сам мог почистить эти изящные туфельки, которые только сегодня прикасались к маленьким ножкам его богинь!

Дни шли и Елена все больше и больше знакомилась с фортом и его окрестностями и с его жизнью. Погода, как-будто специально для нее, была на редкость хорошая и солнечная. Обыкновенно в эти дни Форт Росс бывает окутан густым туманом. Часто нудный, все обволакивающий, моросящий дождь иногда по несколько дней, а то и неделями поливающий форт и берег, превращал место в мокрую, чавкающую грязь. На этот раз, дня не проходило, чтобы яркое солнце не разгоняло утренний туман и потом светило весь день, заканчивая свой путь на небосклоне громадным, огненным диском на западе, прямо против ворот форта, в пучине побагровевшего на закате океана.

Каждый новый день для Елены и Анны был днем новых интересных впечатлений и приключений. Территория форта раскинулась на несколько верст на юг и на север от форта, на узкой полосе земли, прижатой к морю. Обе женщины пристрастились к ежедневным прогулкам верхом на лошадях. Выбор верховых лошадей был большой и они приглянули себе двух хороших, живых коней.

Не проходило дня без того, чтобы обе женщины не выезжали из ворот форта верхом и не исследовали всех отдаленных угол-

ков земель колонии. И каждый день, жадные, болезненные глаза Николая следили за ними, когда они садились в седла, подсаживаемые рукой Ротчева или одного из рабочих, приставленного к их лошадям. С каждым днем, Николай все больше и больше впивался своими кажущимися безумными глазами в Анну. Анна все больше и больше увлекала его и он просто боготворил ее, прекрасно сознавая, что думать и чувствовать так было преступлением для него. Елену он тоже боготворил, но боялся ее. Он ее смертельно боялся или потому, что она была женой начальника форта, или потому, что он чувствовал, что она презирала его и смотрела на него, как на какое-то неприятное, слизистое пресмыкающееся. Ее веселые, задорные глаза, вдруг превращались в холодную сталь, когда она смотрела на Николая и он сразу съеживался и пугливо переминался с ноги на ногу в ее присутствии.

Ежедневные верховые поездки Елены с Анной становились длиннее и длиннее. Они даже стали уезжать за пределы территории форта, настолько красива была окружающая природа и прекрасен вид гор позади и бесконечного синего моря. Однажды они даже прокатились до Залива Бодега, верстах в двадцати на юг от Форта Росс, в устье реки Славянки. Ротчев, когда узнал об этом, сильно отчитал Елену, может-быть в первый раз в их совместной жизни.

— Леночка, дорогая, — его лицо было суровым, когда он говорил, — ты, очевидно, совершенно не представляешь себе, где мы живем. Это не Аркадия и не подмосковное имение. Здесь дикая страна и мы окружены кругом дикарями, индейцами. Это спокойствие здесь, тишина, мирный труд наших колонистов, все это обманчиво и завтра может вспыхнуть в огне пожарищ. Может быть, завтра, если не сегодня ночью, мы окажемся осажденными в этом крошечном форте и должны будем драться, биться с воинственными индейцами не только за себя, но за вас, за наших женщин и детей, чтобы спасти вас от участи худшей, чем смерть. Пожалуйста, помни, что многое, что ты видишь здесь, обманчиво, как обманчивы те, вон, горы. За ними царят индейцы. Там их земли, их законы и их обычаи. Много индейских племен бродит за этими горами, по горам и лесам Калифорнии. Мы должны строго следовать наказам Кускова быть всегда на-стороже. Он знал, что он говорил.

Елена, может-быть, не совсем убежденная, все же обещала мужу больше не делать таких глупостей и крепко его поцеловала. — Если я, когда-нибудь, поеду за пределы колонии, то

обещаю взять эскорт из нескольких из наших людей, — добавила она.

— Ну, смотри, уговор дороже денег, — пригрозил ей муж.

После этого, Елена с Анной больше ездили по полям колонии, на север от форта, где полосы пшеницы и ржи тянулись на несколько верст вдоль берега моря, между морем и горами. Им очень нравилось кататься по этим полям и наблюдать работу поселенцев. Несколько раз они даже встречали небольшие группы бывших сибирских каторжан, которые пользовались относительной свободой в колонии Росс, кроме того, что они обязались работать на полях определенное число часов в день, под наблюдением компанейских надсмотрщиков. Это были те люди, которых компания выписала из Сибири, с каторги, для пополнения надостающих рабочих рук во владениях компании в Русской Америке. Им в Сибири, на каторге, было сделано предложение взамен работы в сибирских рудниках, поехать в Америку и отрабатывать свой срок наказания на полях Калифорнии или на рыбных промыслах Аляски. Конечно, желающих поехать на Аляску и особенно в благодатную Калифорнию нашлось много, но сибирская администрация вместе с агентами Российско-Американской компании отбирали только тех, кто когда-либо работал на полях и хорошо знал земледелие.

Эти люди держались в колонии Росс отдельно от промышленных. Хотя днем за ними большого присмотра не было, но ночью они запирались все вместе в отдельную большую казарму, на окраине селения Росс.

Несколько раз Ротчев предупреждал Елену быть осторожнее и избегать встреч с группами этих людей.

— Пожалуйста, Леночка, держись от них подальше. Конечно, я не ожидаю от них никаких неприятностей. В случае чего, мы здесь знаем, как с ними справляться, но береженного и Бог бережет! Не надо забывать, что эти люди попали в Сибирь за большие, страшные преступления. Большинство из них убийцы, грабители. Мы, конечно, пытаемся перевоспитать их, научить их честному труду, хорошей жизни, но опять повторяю, будь осторожна. Не забудь, что мы живем на самой дальней окраине цивилизации. Дальше нас, внутрь страны — дичь, дикие места и дикие люди. Нам нужно не только бороться с этими дикими людьми и стараться приобщить их к европейской цивилизации, но также смотреть и за тем, чтобы и наши люди, культуртрегеры, не одичали. Конечно, главная опасность в том, что этим людям,

если они захотят, ничего не стоит совершить преступление и затем скрыться туда, за эти горы, бежать к индейцам. Правда, у нас есть соглашения с несколькими племенами индейцев, с которыми мы в дружественных отношениях... Они обещали ловить наших беглецов и выдавать их нам обратно. То же самое обещали нам испанцы в Монтерее и Сан Франциско. Конечно, может случиться, что кто-нибудь из беглецов убежит и ему посчастливится попасть в племя индейцев, враждебно настроенных ко всем белым. Как эти индейцы отнесутся к беглецам никто не знает. Более вероятно, что они их замучают на смерть. Все наши люди знают это и у нас почти не было случаев побегов, за исключением очень редких случаев, да и то, много лет тому назад.

— Не слишком ли ты осторожен? — мягко заметила Елена, — мне кажется просто невозможным думать о каких-то неприятностях здесь. Твой авторитет, как правителя форта, стоит так высоко, что нужно совершенно лишиться ума, чтобы даже попробовать ослушаться твоих приказаний. Я, однако, не вижу никакой опасности в том, что мы ездим верхом на территории форта. Во всяком случае, если произойдет что-нибудь, мы с Анной за себя постоим. Ты, уж, не беспокойся, пожалуйста, мой дорогой. А главное помни, что мы вовсе не собираемся безрассудно рисковать.

— Ну, спасибо, солнышко. Ты, у меня, молодец, и я уверен, что ты не будешь делать глупостей.

Ротчев улыбнулся и нежно потрепал ее руку.

— Если хочешь, я тебе расскажу, что случилось здесь около пятнадцати лет тому назад. Один из наших людей, Прохор Егоров, скрылся из Форта Росс, в 1825 году. Ему удалось, пробраться в лагерь враждебных индейцев, которые в то время очень тревожили испанские католические миссии, на юг от Сан Франциско. Индейцы, видимо, были доведены испанцами до пределов их терпения и восстали против насильников. Время было тревожное и наши люди даже заметили отдельные группы незнакомых индейцев в окрестностях нашего Форта Росс. Все меры были приняты, чтобы отразить возможное нападение на наш форт.

— Ну и что? Были столкновения с индейцами? — заинтересовалась Елена.

— Нет, слава Богу, наш форт избежал атак. Вообще, у нас здесь всегда были хорошие отношения с окрестными индейцами

и за все время существования форта, у нас не было ни одной стычки с индейцами. Наоборот, они часто приезжают сюда и до сих пор обмениваются с нами своими продуктами и товарами... Но, вернемся к Егорову. Каким-то образом он вошел в доверие к особенно воинственному племени индейцев, стал заведывать их военными операциями и когда вспыхнуло восстание против испанцев, то военный совет индейцев поставил его во главе всех их военных действий.

— В начале, его военные операции были успешны, индейцам удалось захватить миссию Св. Инессы, разгромить и сжечь дотла миссию и перебить всех испанцев, но потому счастье отвернулось от них. Испанский губернатор сам ничего не мог поделать с восставшими индейцами, но к нему пришел на помощь правитель Русской Америки Муравьев. Он послал испанцам достаточное количество боевых припасов, а также пару кораблей, вооруженных пушками. Это помогло испанцам подавить восстание. Нужно сказать, что Муравьев обусловил свою помощь тем, что в обмен за помощь, испанцы обязались выдавать нам всех наших беглецов, не только тех, кто бежал из Форта Росс, но также и дезертиров с наших кораблей.

— Как интересно! Я ничего этого не знала о нашей истории здесь в Калифорнии, — Елена с большим интересом слушала мужа. — Подумать только, что все это случилось здесь совсем недавно, только несколько лет тому назад.

— Это не только было в прошлом, но может произойти и в будущем, в любое время. Вот поэтому-то я и прошу вас обеих быть осторожными и не рисковать ни в коем случае.

— Слушаюсь, капитан! — Елена шутливо отдала ему честь, подмигивая Анне.

Анна, сидевшая в стороне и молчаливо слушавшая рассказ, подняла голову:

— А что случилось с этим бунтовщиком Егоровым, Александр Гаврилович? — спросила она.

— Он понес заслуженное наказание. Индейцы обвинили его во всех своих неудачах в их попытке изгнать испанцев из Калифорнии и замучили его на смерть. Это была ужасная смерть, Анна.

— Да, это ужасно. Почему индейцы такие жестокие?

— Чего же можно ожидать от дикарей? Ну, хорошо, Леночка, я думаю, что вы, обе, наслушались достаточно и теперь не захотите садиться на лошадь совсем, — Ротчев засмеялся и при-

коснулся губами ко лбу Елены. — Конечно, вам ничего бояться не нужно, если вы будете кататься в пределах форта.

Елена сморщила лоб и нахмурила брови.

— Ты знаешь, как-то ничего не вяжется у меня в голове с этими рассказами о жестоких индейцах. Те индейцы, которые приезжают сюда в форт к нам, которых мы видим и встречаем, это добрейшие люди. Ты сам видел, как они любят детей. И потом, этот Солано, этот громадный вождь индейцев, о котором мы так много слышали... Говорят, что он замечательный человек.

— Это правда, Солано личность незаурядная. Вообще он прекрасный человек, наш большой друг. От него мы ничего плохого не видели.

— Все же мне кажется, — Елена не сдавалась, — что индейцы теперь другие... ведь, время идет, нравы меняются и я никогда ни одного враждебного взгляда не видела в глазах тех индейцев, которые бывали у нас.

— Солнышко, моя дорогая! Не важно, как и чем они кажутся, пожалуйста делай так, как я прошу тебя. Избегай длинных поездок, особенно за горы, а также... старайся избегать встреч с этими сибирскими каторжанами, которые работают у нас. Пусть они все живут своей жизнью, не будоражь их, хорошо, дорогая?

— Хорошо, Саша. Я обещаю, — Елена с некоторым колебанием согласилась. — Но, только... — она приостановилась, — не будет ли немного скучным знать, что это нельзя, то нельзя, все это, как будто, сужает нашу деятельность здесь. Мы же не можем все время сидеть за стенами форта, за пятью замками и заниматься рукоделием, Саша. Для этого у меня есть прислуга!

Ротчев посмотрел на Елену, на ее капризный ротик, и притронулся рукой к ее подбородку. Поднял подбородок, посмотрел ей в глаза и, с улыбкой, сказал:

— Я вижу, моя волшебница-принцесса начинает уже скучать здесь, форт надоел! Я знаю и знал, дорогая, что ты будешь тосковать здесь от скуки, тебе будет скучно, но что же поделаешь. Это наша служба, наш кусок хлеба и, конечно, мы знали на что шли. Все же это не вечно, отслужим свой срок и нас переведут в петербургскую главную контору.

Елене стало стыдно.

— Прости, Саша, что я сказала это, дорогой мой. Конечно, я не жалуюсь и, конечно, я знаю, куда я приехала и зачем... Наоборот даже, мне страшно нравится здесь и я с удовольствием

провожу время в этом чудном, удаленном уголке наших русских владений. Я уверена, что все мои подруги в Петербурге, завидуют мне, завидуют тому разнообразию впечатлений, которыми богат каждый день нашего существования здесь. У меня дни страшно заняты здесь. Мы, ведь, с Анной так много видим и делаем в этой колонии и так много нужно еще сделать. Боюсь только, что у меня слишком много энергии и я все время хочу сделать что-то новое, найти что-нибудь новое. Поэтому, когда мы катаемся на лошадях, нам хочется поехать дальше, найти что-нибудь, необычное...

Ротчев подумал намного.

— Тем не менее... — он начал и потом опять замолчал на минутку. — Я думаю, что я несколько пренебрегал тобой последнее время, Солнышко, был слишком занят своими делами. Мне нужно было подумать о том, что для тебя это была большая перемена, приехать сюда, в эту дыру из Петербурга. Я подумаю... и я обещаю тебе, что, в будущем, когда у меня будет время, я буду кататься с тобой вместе и, кроме того... нам нужно будет организовать пикники, где-нибудь, в горах над океаном, или же среди скал, у самого океана...

Ротчев сам вдруг оживился, довольный пришедшей ему идее.

— Ну, конечно же. Мы будем устраивать пикники и прогулки, мы устроим здесь... да, здесь, в Форте Росс большие приемы, на которые пригласим испанских гостей из испанских миссий. Они все, и синьоры и синьориты, страдают там от скуки и ничегонеделания. Они, с удовольствием, прикатят сюда. В скором будущем, может-быть, очень скоро, эти гости приедут и мы устроим большое торжество. Кроме того, я просил нашего соседа Мануэля Макинтоша... это американец, у него есть ранчо недалеко от Бодеги... я просил его заглядывать к нам сюда, чтобы тебе не было слишком грустно. Только немножечко терпения, дорогая. Мы еще здесь развернемся!

— Пикники и приемы! — Елена вскрикнула от восторга и ее глаза засверкали. — Анна, дорогая, ты слышала!

Елена схватила Анну в свои объятия.

— О, это будет замечательно, не правда-ли, Анна? У нас будут гости, все эти надутые, чванные испанские гранды. И, потом, как интересно будет познакомиться с испанками! Мне даже не верится, что, где-то, на этом континенте живут белые люди, что здесь не только индейцы!

Ротчев был поражен с каким восторгом Елена приняла его слова. Он, с любовью, посмотрел на свою красавицу.

— Ты совсем ребенок... все еще ребенок! — мог только сказать он.

В этот момент Ротчев, вдруг, вспомнил что-то.

— Леночка, у меня появилась новая идея... Я что-то вспомнил.

— Что это, Саша? — Ее любопытство разгорелось. — Новый сюрприз для меня?

— Да, может-быть, сюрприз. Завтра, я рассылаю приглашения на большой прием здесь, у нас, на большое торжество Форта Росс. Я пошлю приглашения моим испанским друзьям в Сан Франциско и Сан Хозе. Конечно, пригласим генерала Валлейо, он в Сономе, господина Сутера — это лорд реки Сакраменто и других, включая, конечно, нашего соседа Макинтоша.

— Большое торжество! — воскликнула Елена, — но когда... по какому поводу?

— Торжество будет очень скоро, дорогая. Разве ты не помнишь, что скоро будет третье июня и что за день третьего?

— Третье июня... это же день моего Ангела!

— Ну, конечно, солнышко! Что может-быть лучше, чем пригласить гостей в этот день познакомиться с тобой, с принцессою Форта Росс.

Елена почти лишилась слова от возбуждения.

— Мои именины... Конечно... и прием... нет, мне даже не верится. Ты не шутишь, Саша? У нас будут гости и большой прием?

Она схватила его руки и потом, восторженно, прильнула к нему.

— Саша, дорогой, я не знаю, есть ли еще в мире человек такой же внимательный как ты. Я просто вне себя от счастья и ожидания этого торжества.

Она крепко обняла его и поцеловала.

Анна, наблюдавшая всю эту сцену, с улыбкой отвернулась и сказала:

— Я думаю, что я лучше пойду прогуляюсь по двору. Трое людей иногда становятся толпой, не правда ли? Погода хорошая, и я лучше пройдусь.

Елена с мужем рассмеялись. Елена остановила Анну и сказала:

— Не будь такой стеснительной, Анна, останься. А, кроме того, Саша сейчас идет в свою канцелярию, все равно. Давай-ка лучше, прикажем оседлать лошадей, да прокатимся. Страшно люблю эти поездки после полудня. Как-то и форт и поля выглядят по другому после полудня. Природа кажется феерической в предвечернем освещении.

— Ну, что-же, — Анна быстро согласилась, — ты сама знаешь, что меня долго уговаривать не надо, в особенности для верховой езды. — Они пошли переодеваться. — Страстно люблю лошадей и наши поездки верхом, — добавила Анна.

— Ну, вот, и хорошо. Поедем. Бедный Саша, ему нужно работать в такой чудный день, а то прокатились бы вместе.

Она повернулась и шутливо посмотрела на него.

— Мне жаль, что тебе нужно работать, а особенно жаль, что тебе придется работать с этим ненормальным Николаем. В чем дело с ним? Мне часто кажется, что он не в своем уме. Я заметила, что он, как-то, странно смотрит на меня, и особенно, когда он видит Анну. Ты знаешь, если посмотреть в его глаза, особенно, если он этого не замечает, то в них можно видеть какую-то исступленность, потом он, вдруг, увидит меня, что я слежу за ним и у него в глазах тогда появляется страх, животный страх. Он, почему-то меня боится. Не знаю что, но что-то мне не нравится в его глазах. Потом, эта молитвенная восторженность, когда он смотрит на Анну... это страшит меня. В его глазах видно, что он как-будто безумно влюблен... может-быть влюблен в Анну... подумай, какая наглость!

— Леночка, дорогая, ты преувеличиваешь, делаешь из мухи слона. Он же просто мальчишка совсем, и потом — кто он?! Ты забываешь его положение и наше! Нет, у тебя просто разыгралось воображение.

— Вот, это, как-раз то, что я хочу сказать. Кто он? Какой-то канцелярист, бумагомаратель, ничтожество и смеет поднимать глаза на Анну, на меня!

Ротчев громко рассмеялся.

— Mesdames, вы меня просто удивляете, что обращаете внимание на этого мальчика. Он же только недавно из пеленок вырос. Что ты, Леночка, в самом деле. Просто, не обращай на него никакого внимания. А кроме того, вы сами заметили, что он немного тронутый, не совсем в своем уме, или, скорее, какой-то слабоумный.

— Если он сумасшедший, тогда почему ты держишь его в своей конторе здесь. Пошли его обратно в Ново-Архангельск или Кодьяк — не знаю откуда он.

— Леночка, дорогая, он не сумасшедший, просто немного слабоумный, блаженный, или юродивый, что-ли. Ничего предосудительного в его поведении я никогда, до сих пор, не находил. Ну, да что нам тратить время на разговоры о нем. Скажу только, что несмотря на свою юродивость, он просто талантлив в обращении с цифрами. Поэтому-то я и держу его. Мне нужно посылать в главную контору месячные и годовые отчеты, которые состоят из сотен и тысяч цифр. Николай прекрасно справляется с этими цифрами и отчетами, прямо как музыкант-виртуоз с клавишами пианино. Подумайте, где я смогу найти в этих Богом забытых местах канцеляриста подобного ему. Если ему дать возможность подучиться, он может стать прекрасным бухгалтером.

— Может быть ты прав, Саша, — промолвила Елена, — я уверена, что ты прав, но, тем не менее, стоит мне посмотреть на него, как у меня что-то все переворачивается внутри от отвращения.

— Просто не обращай на него никакого внимания, Леночка. Он совершенно безобидное, маленькое, болезненное существо.

Ротчев поцеловал руку Елены и вышел.

Через несколько минут оседланные лошади были поданы к крыльцу для Елены и Анны и они, не торопясь, поехали на поля.

Был еще ранний час после полудня и солнце стояло довольно высоко. Было совсем не жарко, благодаря бризу, постоянно дувшему с океана.

Картина океана, гор и полей, освещенных ярким полуденным солнцем, была поистине чудной.

Анна посмотрела на океан и глубоко вздохнула, сама не зная от восторга-ли перед зрелищем чудной природы или от затаенной тоски по родному дому, оставленному далеко позади.

— Посмотри только на это бесконечное пространство воды... какая масса воды! Где-то там, далеко, за этой водой, за океаном, лежит русский берег, русская земля — Сибирь. Еще несколько тысяч верст — и там сама Россия широко раскинулась в своих необъятных просторах. Страна прекрасных полей и лугов, селений и городов; а потом, еще дальше — веселая, огромная, может быть немного смешная, но любимая Москва. За ней, еще

дальше, на берегу моря, на берегах Невы — стоит наша великолепная столица, красавец Петербург.

— Да... — дремотно ответила Елена. Ее мысли тоже понеслись домой, на родину. — Все это кажется каким-то фантастическим сном, вся наша жизнь в прошлом, в России — шумные, веселые столицы и тихие, нетронутые жизнью, не меняющиеся со временем, наши чудесные имения.

Она посмотрела вокруг. Вдруг энергично тряхнула головой:

— А что, собственно говоря, плохого с этой колонией, здесь? Чем плохо у нас, здесь? Да, ничего. Форт Росс такая же часть России, как любая деревня или городок в каком-нибудь захолустье в России и, конечно, нисколько не хуже и даже лучше многих сибирских селений. Те же люди, те же обычаи и тот же труд земледельца, пахаря, мельника или рыбака. Я даже уверена, что многие из наших поселенцев здесь живут лучше, чем они жили бы в Сибири или в России. Это наша русская территория в Америке, даже если это и самый отдаленный и забытый уголок.

— Ты права, — согласилась Анна, плавно прокачиваясь в такт ходу лошади. — Посмотри только кругом, как здесь красиво, особенно в такой солнечный день, как сегодня... Эти горы позади нашего форта с могучими соснами, эти великаны красные деревья вон там на окраине... Поля, с людьми, работающими на них, как у нас в России с крестьянами на полях... скот, который так мирно пасется на тех, вон, склонах гор... а потом, этот шум, звуки жизни, раздающиеся от резких ударов молотка кузнеца или звенящей пилы плотника. Все то же самое, что мы наблюдали в России, Елена. Нет, конечно, мы не можем и не должны жаловаться здесь. Жизнь у нас должна быть наслаждением, праздником.

Елена рассмеялась.

— А кто жалуется? Кто первый стал стонать о России, оставленной далеко позади, за морями и океанами? .. Давай-ка пустим в галоп, быстро туда, вон, к границе леса, в конце полей, а потом повернем обратно. Становится поздно и Александр будет беспокоиться.

Они пришпорили лошадей и понеслись вперед к лесу, верстах в двух. В тот момент, когда обе женщины приближались быстрым галопом к линии леса, в конце владений форта, они увидели небольшую группу людей, шедших по полю по направ-

лению к ним. Это была рабочая группа бывших сибирских каторжан, возвращавшихся в свой барак.

Дамы приостановились, чтобы дать группе возможность пройти по дороге. Вид у этой группы был действительно потрясающий. Оборванные, небритые, не чесанные, с взлохмаченными волосами и бородами, они, тем не менее, с шутками, с прибаутками шли по дороге. Видно было, что им ничего не было страшно, море по колено. Меньше всего, как видно было, они заботились о своей внешности. Могли бы и одеться лучше и волосы подрезать, причесаться, просто не хотели. Большинство из них были пожилые, но видно было и несколько молодых лиц.

Увидев двух молодых женщищн на лошадях, они все остановились, как вкопанные, стояли остолбенелые, не веря своим глазам — не мираж ли!

Один из них, молодой, с черной, курчавой бородой, похожий на цыгана, дерзко взглянул на Елену, медленно осмотрел ее с головы до ног, подмигнул глазом своим товарищам и довольно громко вскрикнул:

— Бабы, ребята; смотрите-ка какие бабы!..

Он оглянулся, точно ожидая поддержки, но все остальные стояли молча и остолбенело смотрели на Елену и Анну.

Молодой парень не смутился.

— А кожа-то какая, белая, как у лебедя!.. И ручки в перчаточках, это чтобы солнце не обжигало нежных ручек... Видали таких, ребята? Хоть бы потрогать их.

Он решительно вышел вперед, развалисто подошел к Елене, и протянул руку, чтобы прикоснуться к ее платью.

Кровь бросилась в голову гордой Елене. Какое-то ничтожество, каторжанин — и вдруг осмелился отзываться так непочтительно о ней, княжне!

Она, вдруг, резко повернула коня и направила его прямо на нахального парня.

— Грязная свинья! Как ты смеешь говорить такие вещи!

Она подняла хлыст и, с силой, ударила парня. Не ожидавший такой смелости от Елены, нахал только успел отвернуться и удар хлыста пришелся ему по плечу.

— Мерзавец! — крикнула опять Елена и еще несколько ударов посыпались на плечи и спину опешившего парня. Он поспешно ретировался и спрятался за спины своих товарищей, которые встретили его эскападу дружным взрывом смеха и издевательствами.

Елена, бледная от ярости, повернула коня, отъехала и крикнула:

— Подожди еще, что с тобой будет, когда я пожалуюсь правителю. Он с тебя шкуру снимет с живого!

Обе женщины, рысью, отъехали от группы и, потом, поскакали обратно в форт.

— Ты не должна была делать этого, Ленуся, даже если этот негодяй оскорбил тебя, — пожурила ее Анна.

— Почему нет? — Елена опять вскипела. — Сейчас же доложу Александру, и он прикажет выдрать подлеца так, что с него шкура свалится... собака!

— Не забывай, Леночка, что они несчастные, страдальцы, отбывавшие свое наказание на каторге, уже заплатившие сторицею за свои преступления!

— Несчастные! Они — каторжане, преступники, может быть душегубы, убийцы! — запротестовала Елена.

— Успокойся, дорогая! Все это яйца выеденного не стоит. Давай, лучше забудем о том, что произошло сегодня.

Елена стала успокаиваться.

— Может быть ты права. Я думаю, что я достаточно отхлестала его хлыстом.

ГЛАВА 4

ВСТРЕЧА НА ПЛЯЖЕ

Прошло несколько дней густых, тяжелых калифорнийских туманов, когда все кругом обволакивалось молочной белизной. Туман не стоял неподвижно в воздухе, а был в беспрестанном движении. Все время с океана дул легкий бриз, который натягивал белесую пелену тумана на влажные почерневшие бревна стен форта, на крыши домов, на мельницу, на все кругом.

Несмотря на лето, было зябко и невольно люди поеживались, когда ветерок задувал туман подмышки.

Однажды утром, Елена с Анной встали и вдруг увидели, что тумана нет и следа, и потемневшие от сырости здания вдруг стали быстро сохнуть под лучами теплого солнца. Сразу же картина переменилась и стало веселее на душе. Стоило только солнцу пробиться через толщу тумана, разогнать его по сторонам, растворить в теплом воздухе, и звучнее и громче зазвучали песни на берегу и на улицах поселка, звонче зазвенел удар молота по наковальне, и сильнее послышался веселый скрип ветрянных крыльев мельницы.

В такой день трудно было Елене и Анне усидеть дома и они, позавтракав и отдав нужные распоряжения по хозяйству, решили отправиться на прогулку, подняться на гору позади форта.

Обе молодые женщины сбежали с крыльца и направились к воротам форта.

— Приветствую с чудным утром, — услышали они голос Алексея Николаевича Черных, пожилого агронома, входившего в ворота форта.

— Доброе утро, Алексей Николаевич, — также весело ответили ему дамы приветствием, — что это вас принесло сюда в

такое неурочное время. Вы, как-то, всегда пропадаете в своих полях днем со своей пшеницей и рожью. Что нибудь случилось?

— Да, как вам сказать. Вот, хотел бы посоветоваться с Александром Гавриловичем. Сырость, вот донимает нашу пшеницу, ржавчина, так я тут кое-что нашел, чем можно бороться с ней, — отозвался агроном. Он был среднего роста с некоторой тенденцией на полноту, с широким лицом, мясистым носом «бульбой» и высоким умным лбом, который казался еще больше из-за полного отсутствия растительности на его голове.

Агроном Черных был специально выписан из России Российско-Американской компанией сначала на Аляску, а затем послан в Форт Росс, потому что ему, в сущности, нечего было делать в Ново-Архангельске. Форт Росс предполагалось сделать поставщиком хлеба для всей Аляски. Большие ожидания не оправдались и продуктивность форта стала катастрофически падать. Поэтому Черных и был прикомандирован к администрации Ротчева в селении Росс.

Ему были даны задания, определить причины падения продуктивности в хлебных злаках, а главное рекомендовать мероприятия по увеличению продукции полей и таким образом оправдать само существование Форта Росс, содержать который становилось невыгодным для правления компании.

В помощь Черных, компания также послала специалиста по животноводству Вознесенского — полная противоположность Черных во всем: в темпераменте, строении тела и даже в количестве растительности на голове. У Вознесенского шевелюра была просто роскошная, напоминающая великолепную гриву лошади. Длинные пышные волосы, целая копна волос, волнистыми струями ниспадавшие на его узкие плечи. В противоположность Черных, у него была «тонкая» кость, узкие плечи и сам он был высокий, худой, тощий с довольно большой головой и, как сказано выше, с непропорциональным количеством волос. По темпераменту, он совершенно не походил на живого, общительного Черных. Наоборот, он всегда был сумрачен, всегда чем-то озабочен, постоянно занят своими проблемами о здоровье и благополучии своих питомцев: лошадей, коров, овец, в жизни и благополучии которых он принимал самое живейшее участие. По имени Илья Гаврилович, он с легкой руки Черных стал известен в колонии под кличкой «Отец Илья», может быть потому, что он обладал по истине протодьяконской шевелюрой и таким же роскошным голосом — басом.

Жили оба ученых в холостяцком бараке, у каждого по небольшой отдельной комнате, безалаберно уставленных и заваленных книгами, бумагами, какими-то непонятными инструментами.

Оба ученых заходили, запросто, в комендантский дом, почти каждый день «выпить чайку», как они выражались, часов в пять дня. Им просто хотелось бывать в обществе Ротчевых и Анны, окунуться в среду интеллигентного общества, поговорить о своих проблемах и просто отдохнуть от ежедневной рутины.

Ротчевым и Анне также было приятно посидеть с обоими «профессорами», как они их называли и в разговоре с ними чувствовать, что не совсем они оторваны от жизни городов, от русской культуры.

Выходя из ворот, Елена оглянулась на стоявшего у пушки Черных и смотревшего ей вслед, и крикнула:

— Надеюсь придете сегодня выпить чаю с нами, с новым вареньем.

— Да, конечно, с большим удовольствием.

Он подошел к воротам и долго смотрел вслед Елене и Анне, неторопливо шедших по тропе, ведущей вокруг стены форта, по направлению к горам. Черных, как и Вознесенский, также как и все другие, живущие в селении Росс, был тайно влюблен в обеих женщин. Для него было удовольствием просто сидеть на веранде комендантского дома в обществе Ротчевых и Анны, неторопливо втягивать в рот горячий, обжигающий рот, ароматный чай с вареньем и говорить о чем-нибудь, чувствуя и видя пристальный взгляд Елены, смотрящей на него прямо в упор, или вдруг заметить слегка прищуренные темные глаза Анны, тоже исподтишка наблюдавшей за ним, когда он оживленно рассказывал что-нибудь веселое и занятное. Приятно было ощущение такого внимания, но еще приятнее было слушать звонкий, переливчастый голос Елены, ее заразительный смех, ее задорная манера держать голову, манера женщины, знающей, что она нравится. Не менее увлекательной была и Анна, у которой особенно притягивающим был ее низкий, ломающийся голос, похожий на голос мальчика, который пытается говорить низким голосом, а потом вдруг сорвется на высокую ноту дисканта или даже на фальцет. Слушать ее было равносильно музыке.

Елена с Анной, в это время, меньше всего думали о том, как они волновали воображение людей в колонии Росс. Они, медленно, не торопясь, шли по узкой тропинке, постепенно поднимаю-

щейся в гору. Осталась позади часовня, фруктовый сад, и тихое сельское кладбище. Тропа была протоптана скотом, регулярно поднимающимся здесь на пастбище по склонам холмов. В том месте, где тропа круто поворачивала налево, Елена решила подниматься прямо в гору, по траве.

— А, не опасно-ли? — Осторожно заметила Анна.

— Нет, чего тут бояться!

— Может-быть, на змею наступишь, — Анна очень боялась всех пресмыкающихся.

— Я не думаю, что здесь есть змеи, по крайней мере, никогда не слышала. А, пойдем, не бойся, Анна. Волков бояться в лес не ходить!

Подъем в гору, в теплый летний день, был не очень легким и, поднявшись футов на двести от тропы, они, с удовольствием, присели отдохнуть на мягкой тропе опушки, среди свежих зеленых кустов.

Вид с этого места был захватывающий. Форт Росс был перед ними, внизу, как на ладони. Они могли ясно видеть сверкающие на солнце крышу и купол часовни, ясно виден был каждый дом форта и селения рядом. Можно было даже различить фигуры людей, деловито шмыгавших между домами, входящих в ворота форта и выходящих из него.

Еще несколько футов дальше виден был крутой, обрывистый берег, почти отвесно падающий вниз на песчанный пляж, на который рокоча и пенясь накидывались неспокойные волны Тихого океана. Задористо кинется пенистая волна на берег, распластается по песку тонкой пенистой пеленой и потом вдруг стыдливо заторопится обратно в объятия океана, который сердито посылает в погоню волну за волной.

Бесконечный, извечный рокот моря можно было слышать даже здесь, высоко на горе. Здесь его можно было слышать даже лучше, чем в самом форте. Объяснение, вероятно, было в том, что здесь, высоко на горе, была абсолютная тишина и никакой посторонний шум не нарушал этой тишины, кроме, разве, слабого дуновения ветерка иногда начинавшего нехотя шелестить дремлющие листья. Какое-то дремотное настроение одолевало человека в этой тишине склона горы, в этом спокойствии недвижного леса. Ничто не доносилось сюда: ни звона наковальни, ни стука молотка или топора, ни голоса человека; только постоянный, неумолкаемый рокот моря, беспрерывно набрасывавшегося на берег.

— Знаешь, Анна. Здесь даже говорить не хочется, — наконец прервала молчание Елена, как-то, вдруг, притихшая и не похожая на обычную живую и веселую Елену. — Кажется, что произнести здесь слово, это значит оскорбить красоту природы, это кажется святотатством. Здесь нужно только молчать и упиваться красотой чудесного мира. Как чудно, как красиво вокруг, божественно красиво, не правда-ли, дорогая?

— Да, — Анна тоже подпала под влияние очарования природы, — что здесь особенно привлекает, это постоянный шопот самой природы. Здесь тихо, тишина абсолютная, и в то же время, прислушаешься и слышишь этот тихий-тихий, почти неслышный, шопот. Может-быть, это листья на деревьях, может-быть трава слегка пригибается от легкого бриза, и, конечно, говор благодушного сегодня и может-быть сурового завтра океана. Все это вместе говорит, что тишина здесь живая, что эта тишина, на самом деле, неумолкаемый шопот сил природы. Какая красота здесь! — вздохнула Анна, откинулась на спину и широко раскинула свои руки.

— Ты права, Анна, я тоже слышу, нет чувствую этот шопот, этот шорох... Тихо, Анна, не говори!.. Мне кажется, что я слышала чей-то осторожный шорох, будто, кто-то, с осторожностью раздвигал кусты и, кажется, я слышала чьи-то осторожные, медленные шаги! — тихо прошептала Елена.

Она боязливо оглянулась назад.

— Уж, не индейцы ли это?..

Обе женщины испуганно стали вглядываться в гущу деревьев и кустарника позади их.

— Мне кажется, что я слышала осторожные шаги там, — опять прошептала Елена. — Слышишь, опять кто-то медленно крадется к нам.

— Может, в самом деле индейцы!

— Ш-ш!!!

Елена с Анной старались проникнуть взором сквозь листву деревьев, чтобы узнать какая опасность грозила им. Звуки шагов, однако прекратились и наступила полная тишина. Ни звука не доносилось из за кустов. Кто-то, кто осторожно пробирался там, очевидно остановился под прикрытием деревьев и наблюдал за ними.

— Анна, смотри! — Елена конвульсивно схватила ее руки. — Кто-то раздвигает ветки деревьев, вон там! Я думаю, что я видела руку!

Она сильнее сжала руку Анны.

В этот момент, ветки раздвинулись и на опушку вдруг вышел... Николай!

Страх и ужас моментально покинули Елену и кровь бросилась ей в голову от ярости.

— Ты, что здесь делаешь, Николай? — сердито крикнула Елена, — следишь за нами?

Молодой Николай ошеломел от неожиданности. Он никогда не видел жены правителя такой сердитой. Она была просто разъярена. Он испугано пролепетал, что он «просто гулял по лесу и неожиданно натолкнулся на дам», что он сейчас-же уйдет, но... если им что-нибудь нужно, он будет рад помочь им.

— Никакой нам помощи не нужно, Николай, — Елена все еще была сердита. — Мы хотим быть одни, чтобы никто нам здесь не мешал, так что лучше иди прогуливайся где-нибудь в другом месте.

— Слушаюсь, Елена Павловна, прошу прощения... Я сейчас же вернусь в канцелярию.

Николай сделал несколько неловких поклонов, повернулся и быстро исчез в чаще леса.

— Я уверена, что он следил за нами, — все еще не могла успокоиться Елена. — Один вид его вызывает отвращение, делает меня больной. Какая жалкая обезьяна!

Анна ничего не сказала. Она не хотела расстраивать Елену тем, что она заметила в Николае. Последнее время она стала замечать, что Николай, как будто случайно, старался попадаться ей на глаза, независимо от того, где бы она ни была и куда бы она ни ходила. Везде и всюду она видела его. Каждый раз, когда она встречала Николая, он молчаливо отходил в сторону, делал вежливый поклон и потом долго стоял неподвижно, провожая ее своими немигающими глазами маниака.

Елена немного успокоилась, хотя все еще возмущалась этим появлением Николая около них.

— Ты знаешь, Анна, он начинает действовать мне на нервы. Иногда, я должна признаться, мне хочется просто избить его.

— Елена, как тебе не стыдно. Он же просто несчастный человек, может быть больной. Давай, забудем о нем. Посмотри вокруг, как можно кого-то ненавидеть или не любить перед лицом такой божественной красоты. И океан! Есть ли что-нибудь более величественное, чем вид этого могучего океана, величайшего в мире! Подумай только, вот эти волны, которые там вон,

набегают на этот песчанный пляж, они, ведь, когда-то омывали и русские берега, целовали и ласкали камни и булыжники где-то у сибирского берега.

— Да, хорошо здесь, — согласилась Елена. Она оглянулась кругом, — Анна, посмотри на солнце, ведь мы провели здесь несколько часов. Пора итти домой, собирайся-ка. Саша опять будет беспокоиться. Он сегодня говорил, что будет занят работой долго, до позднего часа, но я думаю. что он уже кончил работу и вернулся. Пойдем обратно, в форт.

Они встали и, медленно, пошли по тропинке вниз под-гору. Странно было видеть такую задушевную дружбу между обеими женщинами. Они любили быть в обществе друг друга, а главное, всегда находили что-то новое, о чем можно было поговорить. Никто никогда не видел, чтобы они сердились друг на друга, даже если они не были согласны, имели различное мнение о каком-либо вопросе. Самое важное было то, что общество Анны сильно помогало Елене скрасить ее жизнь в этой колонии, скрасить чувство одиночества, которое иногда невольно охватывало ее.

Ее муж был очень занят, целые дни проводил или в поле или в мастерских. Везде нужен был хозяйский глаз, твердая рука. Большая колония требовала постоянного внимания, особенно теперь, когда поднимался вопрос о ликвидации колонии, если она не сможет снабжать продуктами Ново-Архангельск. Поэтому-то Елена, в своем одиночестве очень ценила общество и дружбу Анны.

Неторопясь Елена с Анной обогнули форт и подошли к воротам, к которым, как раз в это время, подходил и Ротчев.

— А, нагулялись девицы-красавицы, — он обнял Елену и поцеловал ее. — Ну, что интересная была прогулка?

— Прогулка была просто замечательная. Мы поднялись на те горы, позади форта, — Елена заметила, что ее муж нахмурился и быстро добавила, — мы просто сидели там, любовались океаном и . . . разговаривали.

Ротчев рассмеялся.

— Вы все еще находите темы для разговоров? Неужели еще не обо всем переговорили. Вы знаете, Анна, я начинаю ревновать. Леночка проводит больше времени с вами, чем со мной.

Анна улыбнулась той своей замечательной улыбкой, которой она дарила окружающих очень редко.

Она посмотрела на Ротчевых.

— Знаете, Александр Гаврилович, о чем я сейчас подумала?

— Нет... о чем?

— Я смотрю, вот, на вас и думаю, какая вы счастливая пара! Идеальная пара — муж и жена, которые живут вместе так, как можно только мечтать. Леночка — красивая женщина, красавица, и вы — тоже очень красивый. Вы оба настоящие принц и принцесса из сказок, живущие здесь в своем волшебном замке.

— Анна! Это что за комплименты!?

Ротчев, с улыбкой взял ее руку и прикоснулся к ней губами. Елена шутливо вскинула руки кверху.

— Анна, что я слышу. Теперь я ревную. Ты говоришь комплименты моему мужу.

— Но правда, ведь Леночка. Я восхищаюсь вами обоими и я думаю, что здесь в колонии Росс я, в первый раз в жизни, встречаю идеальную пару. Много я видела в России людей, связанных супружескими узами, но ничего общего у них не было. Я всегда надеялась, что у нас с Константином будет другая жизнь, другие интересы, но нам не суждено было иметь это! А мы могли бы жить так же хорошо, как и вы оба!

— Благодарю вас, Анна, за ваши слова и за ваше такое теплое мнение о нас.

Ротчев был очень тронут.

— Я могу только надеяться, что когда-нибудь и вы будете так же счастливы, как и мы. А теперь, что вы скажете, если мы вернемся домой, посидим, отдохнем, да и чайком нужно будет освежиться.

— Вы, оба, идите домой, а я пойду погулять по песчанному берегу, там внизу, — сказала Анна, — вы знаете, как я люблю сидеть там на скалах и слушать говор моего друга — океана!

— Ну, хорошо, но только не сидите там долго. Вы знаете наше правило здесь, никаких океанов после заката солнца.

— Да, конечно, я помню. Я буду там недолго и приду во время к чаепитию.

Анна неторопливо спустилась по деревянной лестнице на пляж и медленно пошла в дальний конец бухты, туда, где море лениво плескалось о группу острых скал. Ей очень нравилось сидеть там у подножия скал, и думать о разных вещах, думать свои думы, которыми всегда была полна ее голова. И всегда, в такие моменты, ей было грустно, потому что стоило ей уединиться, как все время, всегда ей приходили в голову мысли о

прошлом, она всегда вспоминала своего возлюбленного Константина.

Анна шла медленно по влажному песку, смоченному соленой водой недавно отступившего моря, и на этом песке отчетливо запечатлелись следы ее маленьких ног.

Группа рабочих, возившихся на берегу со своими рыболовными снастями, заметила крошечные следы на песке. Один из них, молодой белокурый парень, настоящий гигант, посмотрел на отпечатки ног Анны и, глубокомысленно, с каким-то изумлением в голосе, сказал:

— Одно я, ребята, не понимаю. Как она может ходить на таких маленьких ногах и не падать. Смотрите, ведь, эти ноги, как у дитяти!

Молодой гигант, со смехом, опустился на колени и стал измерять отпечатки ступней Анны на песке своей громадной ладонью.

— Ребята, да вы можете поместить две ее ноги на мою ладонь, — еще больше удивился парень.

— Это правда, — серьезно посмотрел на него старик, промышленный, потом подмигнул остальным и добавил:

— Ты не сказал только того, что у тебя не рука, а лопата.

— Ха-ха-ха!!! — загрохотали рыбаки.

— Лопата и впрямь, — добавил один из людей.

Успокоившись, работники продолжали свою работу еще несколько минут. Потом один из них поднял голову и спросил:

— А куда она пошла?

— О, она гуляет здесь каждый день, — кто-то позади добавил. — Она ходит туда, к тем скалам иногда, и сидит там часами.

— Скучает, надо быть. Может, вспоминает Рассею.

— Мне, вот, непонятно, — опять вмешался белокурый гигант, который измерял следы Анны на песке, — почему такая молодая баба, приятная на лицо, округлая как полагается, и не замужем!

— А, это не твоего ума дело, деревня, — огрызнулся на него старик. — Может, у нее был свой мужик, да она потеряла его. Почему бы тебе не заслать к ней сватов, парень — а!

Молодой рыбак вспыхнул. Он сердито посмотрел на старика:

— Я сам знаю, что она не моего поля ягода. Она барыня, а мы кто — мужики. Мне не надо говорить об этом. Я и сам знаю, где она и где я! Мне просто интересно, вот и все!

— Может быть, она сидит там и думает о Рассее, мечтает о нашей матушке родине, — тихо добавил кто-то. — Эх, хотел бы

я побывать в Рассее. Я, вишь, никогда не бывал там. Мы, паря, сибирские, ведь.

— А чего тебе надо в Рассее-то? — Старик охотник с презрением посмотрел на него. — Чего ты думаешь получить там. Не думай, что ты будешь жить там лучше, чем здесь. Шиш с маслом! Здесь мы, как у Христа за пазухой, никакого тебе начальства! Здесь тебе все — работа не трудная, получаем хорошие деньги, харчи хорошие, полная свобода, всего вдоволь: еды и питья, а самое главное — никакого начальства, кроме нашего правителя Александра Гаврилыча. И нечего Бога гневить, нам грех жаловаться на него. Хорош человек, Александр Гаврилыч. Дай Бог, чтобы он был с нами еще много лет. Ты парень, не знаешь, кака жисть в Рассее. Тяжело нашему брату, хрестьянину. Я знаю, потому сам жил там. Стало тяжело жить, ох как трудно было. Терпежу не стало от начальства, донял меня барин, вот и порешил его и айда — в Сибирь, в вольницу сибирскую, на вольную жизнь. Нет, брат, не заманишь меня ничем в Рассею. Мой дом здесь, в Россе и здесь я и помру.

Старик помолчал, смачно сплюнул в сторону и добавил:

— Ушел я в Сибирь и говорю тебе — нет земли лучше Сибири. А еще лучше Америка. Жил я на Аляске, в Ново-Архангельске, под управой Баранова, Александра Андреича, слышал небось о нем. Суров был Баранов, драл с нас шкуру за малейшую провинность, но любили его. Наш был человек, простой, а голова-ж! Вот это была голова, Царство ему Небесное! Ведь, это он, его мысль-то, открыть русский форт здесь. Великий был человек он. Попомнит его Рассея и еще памятники ему ставить будут.

Молодой охотник не сдавался.

— Может быть все это правда, что ты говоришь, а я, все равно, хочу посмотреть матушку-родину. Мать моя часто говорила о ней, отец тож. Крепостные они были, жизнь была тяжелая, а вот прожили в Сибири годы, много лет, а Рассеи не забывали, до смерти мечтали вернуться в свою Ярославскую деревню. Уж очень хочу я посмотреть матушку Москву, нашу белокаменную, сорок сороков церквей там, говорят. Домищи агроматные, посмотришь вверх на крыши, шапка с головы валится. Старая столица наша русская, соборы каменные, анхиреи там служат, дьякона громогласные, как ахнет в полный голос, свечи гаснут и лампады звенят. А бороды у них большие, окладистые, густые, красота смотреть! Вот это церква, братцы, настоя-

щая церква. И все это правда, ребята, сам отец мне рассказывал, бывал он там смолоду, все видел. Хочу я посмотреть Царь-Колокол, в котором говорят тройка коней может вместиться, а потом, Царь-Пушка, ядра которой, братцы, с ту, вон, мельницу. Как ахнет эта пушка, так говорят в стране китайской грохот пойдет!

— Ну, уж ты заврался что-то, паря, — с презрением посмотрел на него черноволосый, бородатый охотник, поднялся и пошел к лодке.

Парень не сдавался:

— Все равно, хочу посмотреть Москву.

Старик махнул на него рукой:

— Можешь взять себе твою Москву, да еще и Киев в придачу. Мы здесь в Форте Росс довольны. Здесь и жизнь свою доживем.

И он поплелся за черноволосым к лодке.

Промышленные скоро закончили свою работу, да и поздно было уже. С моря потянуло свежестью и прохладой, пошли по домам в свое селение, раскинувшееся у форта.

А на песке все еще виднелись крошечные следы ног Анны, ведущие в конец пляжа, к скалам.

Анна сидела задумчиво у своего излюбленного места и, как всегда, думала о своем счастливом прошлом, о хороших счастливых днях проведенных с Константином и, с грустью подумала о своей любви, прерванной пулей горца где-то на Кавказе.

Приятно было сидеть у мягко рокочущего океана и, как обычно Анна потеряла счет времени. Она сидела на камне и изредка шевелила мягкий сухой песок носком своей туфли. Она даже не замечала, что становилось поздно, и что солнце уже приближалось к горизонту.

Нужно сказать, что вид залива в этот поздний, предвечерний час был необычайно красив. Особенно красиво было, если подняться по обрывистому берегу наверх и смотреть оттуда на спокойное, безграничное море, золотящееся от поздних лучей заходящего солнца. Красив был вид Форта Росс с куполом его крошечной часовни, блестевшим золотом солнечных лучей, начинавших отливать багрово-красными отблесками вот-вот готового окунуться в глубины холодного океана солнца. Все было видно ясно в чистом воздухе, как на ладони: и форт с его постройками, и пристани, и ветряная мельница, несуразно шевелившая своими нескладными крыльями.

Анна сидела, как зачарованная, и смотрела вдаль, на уходящее солнце, совершенно не чувствительная ко всему окружающему ее, смотрела куда-то в незнакомое ничто.

Наконец, она пришла в себя и только тут заметила, как было поздно. Ей стало стыдно.

— Боже мой, меня-же, ведь, ждут к чаю.

Она посмотрела на небо, заметила, что оно стало покрываться облаками, подул легкий ветер.

— Будет гроза ночью, — подумала она.

Грозные тучи стали собираться на горизонте. Становилось поздно, много позднее, чем она думала. Длинные темные тени тонкими пальцами протянулись по песку пляжа, тени от острых скал позади ее. Тени стали слишком длинными — настолько стало поздно. Солнце было совсем на горизонте, готовое нырнуть в океан.

Анна потянулась, расправила немного застывшие члены тела, сладко зевнула. Она стала приподыматься, собираясь итти обратно в форт, как вдруг услышала тонкий шелестящий шорох позади камня, у которого она сидела. Это был тихий, хрустящий шорох, как-будто кто-то осторожно пытался подойти к ней незаметно.

— Что за глупости, — рассердилась она, — мне начинает всякое мерещиться.

В этот момент треснула щепка или ветка, на которую, видно, кто-то наступил.

В момент Анна вскочила, испуганно бросила взгляд за камень и там вдруг увидела... Николая! Тот-же, следящий за нею Николай, с тем же упорным, немигающим взглядом человека, не в своем уме. Это был взгляд, в котором видно было нескрываемое обожание, взгляд, который она так ненавидела.

— Николай! — сердито крикнула Анна, — что ты здесь делаешь опять? Чего ты хочешь?

Николай, не сводя с нее глаз, медленно, тяжелыми шагами автомата, шагами в которых чувствовался свинцовый вес, стал приближаться к ней. Он в упор смотрел на Анну и в этом взгляде виднелось обожание, восторг при виде Анны и, в то же время, страх трусливого животного.

— Я тебя спрашиваю, почему ты все время следуешь за мной? — крикнула опять сердито, хотя и немного испуганная, Анна. — Я вижу мне придется пожаловаться на твое поведение Александру Гавриловичу.

Николай испуганно остановился. Имя Ротчева подействовало на него, как холодный душ. Он открыл рот, точно хотел что-то сказать и не мог.

— Я... я... Анна Владимировна... я хочу сказать... вы прекрасны!.. — наконец пролепетал он.

Слова застряли в его горле и, в полном отчаянии, он вдруг бросился на колени, подполз к ногам Анны и, схватив ее юбку, прильнул губами к подолу ее платья.

Анна отпрянула от него.

— Ты съума сошел, Николай. Ты просто сумасшедший, — отступая от Николая опять закричала на него Анна, полусердито и полуиспуганно.

Она повернулась и, стараясь избежать его рук, все еще старавшихся ухватиться за ее подол, добавила:

— Ты совсем свихнулся, Николай. Встань, не валяй дурака!

Николай, однако, рванулся к ней, схватил ее ногу и жадным поцелуем прильнул к ноге.

— Отпусти мою ногу, — опять закричала на него Анна, с отчаянием пытаясь освободиться от его цепких рук. — Пусти, идиот!

Она с силой рванула ногу и высвободила ее из рук Николая. Переступив через распростершегося на песке Николая, Анна торопливо пошла прочь, даже не оглядываясь, точно боясь, что он вдруг опять ухватится за ее платье или ногу.

Отойдя на некоторое расстояние, она повернулась и увидела, что Николай лежал на том же месте, уткнувшись горячим лицом в холодный мокрый песок, точно стараясь скрыть свой стыд и отчаяние.

Анна остановилась и крикнула:

— Надеюсь таких вещей больше не повторится! В последний раз повторяю, Николай, еще одна такая глупая выходка и я пожалуюсь Александру Гавриловичу. А ты знаешь, что он шутить не любит и шутки с ним коротки. Ты лучше всех знаешь, чего ожидать от него за подобное поведение. А кроме того, он немедленно же вышлет тебя на Аляску. Я не думаю, что тебе это понравится.

Николай застонал и заскрежетал зубами, как будто, кто-то ударил его плетью по плечам.. Он медленно приподнялся, сел и закрыл лицо ладонями рук.

Анна повернулась и быстро пошла в форт.

— В чем дело, Анна? — озабоченно спросила ее Елена, встретившая ее у входа. — Ты бледна, как полотно и дрожишь. Что случилось? Почему так поздно?

— Ничего, ничего, — торопливо ответила Анна. — Становится холодно, видно приближается гроза, — и она быстро прошла в свою комнату. — Я вернусь через минутку, — крикнула она на ходу, — мне нужно освежить лицо.

Елена ничего не сказала, но ее губы сжались. Она что-то подозревала.

Анна скоро вышла из комнаты, все еще бледная, но внешне спокойная. Она села на скамью у пианино, рядом с Еленой и, лениво, провела пальцами по клавишам пианино. Ротчев сидел в кресле у камина. Он вопросительно посмотрел на Анну.

— Вы опоздали, Анна, — заметил он, — мы уже стали беспокоиться, напились чаю без вас. Наши оба профессора боялись не случилось ли что с вами, им хотелось поболтать, поговорить с вами. Они так и не дождались вас, ушли домой. Мы уже думали итти, искать вас.

— Прошу извинить меня, Александр Гаврилович. Я, как обыкновенно, замечталась на камнях, у берега, и совершенно потеряла счет времени, не заметила, что стало поздно.

— Ну, ничего плохого в этом нет, — примирительно заметила Елена. — Я думаю Анна с нетерпением теперь ждет чашки чая, не правда-ли Аннушка, да и мы с Сашей не прочь повторить.

Елена повернулась к двери:

— Дуняша, можешь подавать чай!

Она обняла Анну и взяла ее руки в свои.

— Анна, — вскрикнула она, — твои руки, как лед! Уж не простудилась ли ты. Саша, дай-ка ей чего-нибудь покрепче, ее надо согреть.

Ротчев встал.

— Для таких случаев у нас есть чудеснейшая вещь, самый настоящий ром!

Он подошел к шкафчику и достал бутылку с ромом и стаканчик.

— Нет, нет, не в стакане, Александр Гаврилович. Что вы, в самом деле. Подумайте о моей репутации. Нет, налейте ложку мне в чай. Это будет самым лучшим лекарством.

Поздно вечером, когда они расходились по своим комнатам, приготавливаясь ко сну, Елена пришла в комнату Анны и прикрыла за собой дверь.

Анна вопросительно посмотрела на нее.

— Ну, хорошо, Анна, довольно играть в жмурки. Говори, что случилось?

— Я тебя не понимаю, Леночка! — запротестовала Анна.

— Не играй в прятки. Мы же с тобой, как сестры, почти близнецы. Мне не нужно говорить, что с тобой что-то случилось. Что это было?

Под энергичным допросом Елены, Анна наконец сдалась и рассказала ей все, что случилось на берегу.

Елена была в ярости.

— Я пойду и сейчас-же скажу обо всем Саше. Это, в конце концов, невозможно. Николая нужно проучить и услать отсюда прочь.

— Не надо, не делай этого, Лена, — Анна опять запротестовала. — Я не хочу этого, а кроме того я предупредила Николая, что если это случится опять, тогда я все расскажу Александру Гавриловичу. Я думаю, что он теперь сильно напуган и успокоится.

— Подумать только, такая мразь, — все еще не могла успокоиться Елена. — Мерзавец, грязная собака. Видишь, Анна, что с тобою случилось. Мы тебя предупреждали не раз, не уходить от форта далеко, не уединяться. Теперь видишь, до чего это довело тебя.

— Я ничего не могу поделать, Леночка, но я просто влюблена в эти скалы там. Зачем-же лишать себя удовольствия из за какого-то полусумасшедшего? Ведь так приятно сидеть там на скалах и упиваться музыкой океана.

Елена махнула на нее рукой.

— Что с тобой поделаешь! Да, впрочем, кто тебе это говорит? Мне самой постоянно попадает от Саши, что я, одна или с тобой, ездим и ходим, куда нам не следует.

Обе женщины весело рассмеялись, поцеловали друг друга.

— Спокойной ночи!

— Спокойной ночи, дорогая!

Через несколько минут в доме умолкли голоса, наступила тишина.

ГЛАВА 5

ПРИГОТОВЛЕНИЯ

На следующий день, рано утром, Николай, как обыкновенно, сидел на своем высоком стуле в канцелярии и со страхом, с сжатым сердцем, ожидал наказания Немезиды за свой вчерашний проступок. Он был уверен, что Анна все рассказала Ротчеву и ожидал появления грозного правителя любую минуту.

Сначала его больной мозг выискивал разные способы как избежать наказания. В его голове калейдоскопически проносились разные планы и схемы, извинения и объяснения, которые он предполагал дать коменданту. Но он достаточно хорошо понимал, что все это были жалкие попытки и был уверен, что он будет сурово наказан; Ротчев, вероятно, в этом случае не остановится даже перед поркой.

— Может быть убежать, — блеснула вдруг у него мысль. В тот же момент он уже готов был отказаться от этой мысли. Он знал, что бежать в испанские миссии было бесполезно. Прежде всего он не мог достать лошади, а во вторых, он прекрасно знал, что между испанцами и Фортом Росс было соглашение, по которому испанцы обещали выдавать всех беглецов с форта.

Прошел час, другой. С каждым шорохом, с каждым звуком шагов, Николай вздрагивал и испуганно втягивал голову в плечи. Время, однако, шло и никто не приходил. В окно он видел, как Ротчев вышел с женой и Анной и они все скрылись за воротами форта. Луч надежды вдруг заискрился в его сознании.

Может быть Анна Владимировна ничего не сказала Ротчеву? Может быть он ничего не знает! С каждой минутой и с каждым часом он чувствовал все большее и большее облегчение. — Может быть, — дикая мысль пришла ему в голову, — Анна Владимировна пожалела его, когда он был у ее ног! Может быть она даже не сердится на него.

Страх у Николая быстро испарился и перешел в надежды. Так же быстро его мозг переключился на мечты, дикие, несбыточные мечты. — Кто знает, если он опять встретится с ней, упадет к ее ногам, она не будет противиться этому. Все, что он хочет, это быть у ее ног.

Облегченный Николай, уже забывший о своем утреннем страхе и ужасе перед встречей с Ротчевым, энергично стал отщелкивать цифры на счетах. Сходив в казарму на обед, он вернулся и продолжал работу. На этот раз работа спорилась и он не замечал, как летело время.

Довольно поздно, после полудня, уже к концу рабочего дня, он опять увидел Ротчевых с Анной. Они только что вернулись откуда-то и вошли в дом, оживленно разговаривая.

Холодный пот опять вдруг выступил на его лице. — Теперь будет расчет, — подумал он и опять почувствовал, как ужас сковал его сердце. Он сидел на стуле, не двигаясь, со стиснутыми руками. Минуты шли, но никто не приходил.

Опять он слышал, как Ротчевы с Анной вышли на веранду и сели там в кресла. Сидя у окна он мог слышать обрывки их разговора, слышать заразительный смех Елены, звучавший серебрянным колокольчиком. Потом вдруг слышался спокойный, низкий голос Анны, звуки которого остро затрагивали и волновали его сердце. Это был голос его божества.

Он также боготворил Елену, но поклонялся ей, как чему-то далекому и недосягаемому. Он любил слышать ее голос издалека, но вблизи, в ее присутствии, он холодел от страха. Ее холодный взгляд в его направлении замораживал Николая и он внутренне трепетал перед ней. Каждый раз, когда она смотрела на него, он чувствовал себя жалким червяком. Елена для него была божеством холодным, далеким и суровым.

К Анне у него было теплое чувство, поклонение в которое он изливал всего самого себя, всю свою душу. Она была одна, не замужем и, инстинктивно, он чувствовал, что она не была счастлива. Все это подталкивало его на поступки, толкало его сделать что-нибудь для нее, смягчить ее грусть. Как хотелось ему сделать ее счастливой!

Мысли и мечты. Мечты и мысли вихрем ворошились в его уме. Он закрыл глаза и Анна вдруг появилась перед ним. Вот здесь, совсем близко, с этим таким знакомым, грустным взглядом. Он протягивал руку, открывал глаза и мираж исчезал. Опять закрывал Николай глаза и Анна вновь появлялась перед ним,

на этот раз другая, с веселой, счастливой улыбкой... — Анна!.. Анна!.. — судорожно шептали его губы.

В это время Ротчевы обсуждали с Анной планы большого торжества, подготовляемого в день ангела Елены, через несколько дней. Этот первый открытый прием в селении Росс за все годы существования, обещал быть крупным событием не только в колонии, но и среди, окружающих его соседних испанских миссий. Ротчев обсуждал имена, гостей, которых он намеревался пригласить... обед, который будет сервирован так, чтобы поразить гордых гидальго, синьор и синьорит. Он предполагал устроить торжество, которое должно было продолжаться, по крайней мере, три дня: пикники, рыбная ловля, охота и баснословные обеды.

— Знаешь, Леночка, на этом торжестве в день твоих именин, ты, действительно, сможешь показать испанкам свои парижские туалеты, которых ты не могла носить до сих пор, — засмеялся Ротчев.

— А, почему и нет. И в самом деле, мне будет приятно приодеться, вспомнить балы и приемы в Петербурге и Москве.

— Конечно, дорогая, нам трудно будет разместить всех гостей в этом доме. Поэтому, обед мы устроим под открытым небом, прямо, вот, здесь, перед домом, на лужайке. Расставим столы... Я даже заказал нашему плотнику, чтобы он поторопился сделать столы к празднику. Ну, а потом, вечером, все можем собраться и внутри дома для разговоров и кофея, да и помузицировать можно будет.

Елена вся загорелась от предвкушения торжества на свои именины.

— Мне уже не терпится, — прильнула она к мужу, — хочется, чтобы день моего Ангела настал скорее. Интересно встретить всех этих калифорнийских красавиц-дам и их бравых кавалеров. Лишь бы только погода была хорошая!

— Насчет погоды не беспокойся, дорогая. Будет чудная погода, как по заказу. Не забудь того, что ты в Калифорнии и здесь бывает сезон дождей. Этот сезон уже закончился, приблизительно тогда, когда ты приехала сюда. Теперь дождей не будет до поздней зимы, может быть до декабря. Наступает самое лучшее время в Калифорнии: тепло, сухо, без дождей. Правда будут туманы, но они часто расходятся, растворяются в воздухе, исчезают около полудня. Нет, насчет погоды не беспокойся — твой день будет чудесным, должен быть.

Ротчев подумал.

— Знаешь, будет хорошо в этот день украсить дом и церковку зеленью. Я прикажу в этот день нарубить зеленых веток деревьев, принести свеже-скошенной травы — будет свежо и чисто, как на Троицу. Я уверен, что наш форт тут приукрасится и будет выглядеть совсем другим. Все это будет для тебя, моя принцесса.

Они молча посидели на веранде и хотели уже удалиться в свои покои, как к веранде подошел пожилой промышленный, Ефрем, главный помощник Ротчева. Он остановился у ступеней крыльца и скинул шапку.

— Александр Гаврилыч, извините, дело есть.

Ротчев быстро спустился с крыльца.

— Что такое, Ефрем? Что-нибудь серьезное?

— Да, нет, просто хотел доложить, что улов рыбы сильно упал. Кажный день наши парни берут все меньше и меньше рыбы. Что-то случилось с рыбой, уходит она от наших берегов. А без рыбы, сами знаете, не быть и нашему форту.

— Ну-ну, Ефрем, не так-то уж плохи дела. Не забудь, что мы, ведь, и хлеб растим здесь, помогаем Ново-Архангельску, и скотину разводим — мясо поставляем туда-же... Рыба не самое важное, но, конечно, — он сморщил лоб, — что-то непонятное происходит с рыбой. Почему бы это она стала уходить от нашего берега?

— Не могу знать, Александр Гаврилыч, — он немного помялся, потоптался на месте и, потом, смущенно спросил:

— А, правда ли, что и хлеба у нас родится мало, недостает для помощи Ново-Архангельску. Ведь, так нас может и прикрыть компания-то, — озабоченно посмотрел он на Ротчева.

Ротчев рассмеялся.

— Я думаю, это и было главною причиною, что ты пришел ко мне докладывать насчет рыбы. Беспокоишься о судьбе форта? Что, нравится здесь, не хочется возвращаться обратно на Аляску — а?

Ефрем почесал затылок.

— Так, это правда. Беспокоятся ребята, очень не хотят ехать назад в Ново-Архангельск. Есть ли какие сведения об этом, Александр Гаврилыч?

Ротчев положил руку на его плечо.

— Не беспокойся, Ефрем и успокой других. Никаких официальных сведений у меня нет, но слухи были. Однако, мне дали понять неофициально, что если мы выйдем на простор,

распашем поля за горами, подымем хлеба, так мы останемся здесь навсегда.

— Дай-то Бог, — сказал Ефрем.

— Если что услышу, сразу тебе сообщу, — обещал Ротчев.

— Не дай Бог, если решат покончить с фортом, взбунтуются ребята, некоторые грозят уйти к испанцам.

— Ну-ну, смотри там у меня. Ты, ведь, мои глаза и уши. Не давай им там смутьянить.

— Да, уж постараюсь, Александр Гаврилыч, — ответил Ефрем.

Ефрем, осторожно ступая по траве, удалился.

— Что это, Саша, что-нибудь неприятное, — забеспокоилась Елена.

— Да, нет, ничего. Просто, приходил Ефрем с докладом.

Ротчев сел с дамами, посмотрел на закатывавшееся солнце, видное в широкие ворота форта, на длинные тени протянувшиеся от стен до площади, покрытой густой травой.

— Люблю наблюдать за закатом с этой веранды, — заметил Ротчев, — что особенно замечательно так это то, что каждый вечер, когда я смотрю на закат вот в эти ворота, каждый раз он мне кажется более и более красивым. Никогда не видел я однообразия в этих багровых красках заката... каждый раз что-то новое, новый оттенок. Закаты, которые мы видим здесь, я нигде больше не видел. Знаешь, Леночка, чем больше я живу здесь, тем больше мне нравится здесь, тем больше я люблю Форт Росс. Я настолько привык к этой колонии, к Калифорнии, что мне будет больно расставаться с фортом, когда нам нужно будет покинуть его. С тех пор, как ты, дорогая, приехала сюда я живу полной жизнью, мне ничего больше не нужно. Что еще нужно человеку... красивая природа вокруг нас, эти горы там, охраняющие наш покой, те скалы у океана, сам могучий, седой океан, интересная работа, и..., — он приостановился и потом добавил с улыбкой, — и ты... все это вокруг нас мы имеем вместе, живем и ощущаем вместе и вместе идем к нашему будущему. Я надеюсь, солнышко, что и тебе здесь нравится так же, как нравится мне.

— Тебе не надо спрашивать меня об этом, Саша. Ты сам знаешь слишком хорошо, что здесь с тобой я нашла свое счастье.

Наступило молчание. Ротчев и его жена молчаливо смотрели на солнце, быстро опускающееся в океан, на горизонте. Молчаливая Анна сидела позади и также восторженно смотрела на

океан. Она вся была какой-то наэлектризованной, чувствовала себя в каком-то экстазе. Теперь больше чем когда бы то ни было, она чувствовала, что она всей душой принадлежала к этой группе смелых людей, пионеров и конквистадоров, раздвигающих границы своей земли. Ее место было среди них, и здесь среди этих людей она хотела остаться на всю жизнь.

Начинало темнеть. Потом они услышали, как закрылась дверь в конторе и заметили согнутую фигуру Николая, торопливо идущего к воротам. Он выглядел так, как будто кто-то крепко прибил его.

Елена и Анна молча посмотрели друг на друга и ничего не сказали.

Ротчев вынул из кармана часы и посмотрел на них:

— Николай, видно, пошел домой после работы, — заметил он.

***

Дни шли. Внутри форта велись лихорадочные приготовления к празднованию именин супруги правителя Форта Росс. Такого торжества и такого количества гостей там еще не бывало. Приглашения были уже разосланы ближайшим соседям — испанцам, жившим по своим католическим миссиям. Были получены даже ответы из Президио Сан Франциско, где была довольно большая колония испанцев, главным образом семейств офицеров президио. Даже из далекой столицы — Монтерея, обещало приехать несколько гостей.

Слава о белокурой «принцессе» Елене с Форта Росс уже разнеслась по всей Калифорнии и испанское население с нетерпением ожидало возможности повидать северную красавицу. Главное, многих интриговало то, что она была настоящая титулованная «принцесса».

Вообще-то жизнь форта продолжала итти своим чередом. Слишком много было у всех работы на полях, на рыбных промыслах, в мастерских и, кроме того, нужно было нести беспрерывную караульную службу по охране форта.

Вечерами в доме Ротчевых было оживление Оба ученых, Вознесенский и Черных, всегда были полны рассказов о своих ежедневных похождениях. Обязанностей у них было много. Кроме агрономии и животноводства, им было поручено работать в области ботаники, зоологии и ихтиологии. Все это их страшно увлекало. Каждый вечер они, с увлечением, показывали Ротче-

вым и Анне свои новые находки: жучков и бабочек, цветов и листьев растений, некоторые из которых были неизвестны в старом свете. Натуралисты были в полном восторге от неисчислимых возможностей в Калифорнии, в области исследований и научных находок. Страна была мало исследована ботанически и зоологически.

Прошло еще несколько дней. Однажды, вечером, за чашкой чая, они заметили, что Ротчев был необычайно задумчив. Обыкновенно веселый, живой, действительно светский человек, он на этот раз о чем то упорно думал и часто отвечал невпопад. Елена, с беспокойством, посмотрела на него и спросила:

— Саша, в чем дело? Тебя что-то беспокоит. Что это?

Ротчев пришел в себя и улыбнулся:

— Ничего особенного, Леночка. Так думал о наших компанейских делах, о судьбе Форта Росс...

Он помолчал немного, потом взглянул на Черных:

— Алексей Николаевич, вот вы все мечтаете о каких-то новых жучках и букашках, лягушках да ящерицах... А, вы знаете, может-быть, я смогу вам кое-чем помочь в ваших исследованиях...

Глаза Черных загорелись.

— Как?.. Чем?..

Вознесенский тихо глотавший чашку за чашкой горячего, душистого чая, тоже взглянул на Ротчева с интересом.

Ротчев выждал немного, чтобы вызвать еще больший интерес, потом тихо сказал:

— Тут я получил кое-какую корреспонденцию из Ново-Архангельска и из Петербурга. Там, всерьез, разбирался вопрос о дальнейшем существовании Форта Росс... Я принял решение через несколько дней выехать в экспедицию, очень важную для нас, как в политическом, так и экономическом отношении. Поеду я в районы Калифорнии еще совершенно неисследованные, далеко внутрь туда за горы. Экспедиция продолжится несколько дней и я решил включить в нее вас обоих, потому что уверен, что вы найдете на нашем пути много нового, что обогатит нашу родную науку. С нами поедет несколько промышленных, вооруженных, конечно, потому что в этом предприятии нам нужна будет вооруженная охрана. Места там дикие и мы не знаем, какой прием нам окажут индейцы.

Удивленный Вознесенский поднял свои очки на лоб и уставился близорукими глазами на Ротчева.

— А ... как, далеко-ли ... мы ... поедем? — слегка заикаясь он спросил Ротчева.

— К сожалению, Илья Гаврилович, я не могу вам этого сказать теперь. Не смею говорить ни о целях, ни о назначении нашего предприятия. Однако, могу вас уверить, что наша поездка будет чрезвычайно интересной и ценной для всех нас. Во всяком случае, эта экспедиция должна принести благожелательные результаты для пользы нашей Российско-Американской Компании и для нашего любимого отечества. Может-быть, в результате нашей экспедиции все слухи о ликвидации форта умрут. Вы, может-быть, не слышали, но мне упорно пишут из Ново-Архангельска о возможности закрытия форта. Будем надеятся, что эти слухи умрут своей смертью, так же как и слухи, возникавшие прежде. Вы знаете, что уже десять лет тому назад об этом поднимался вопрос и потом о нем забыли. Вчера только, разбираясь в бумагах моих предшественников я нашел копию любопытнейшего письма. Я его вам сейчас прочту.

Ротчев встал, подошел к своему бюро, и вынул старое, слегка пожелтевшее письмо.

— Слушайте внимательно. Это письмо было написано нашим правлением в Петербурге, 10 апреля 1829 года, двенадцать лет тому назад. Оно адресовано в Ново-Архангельск, правителю, капитану 2 ранга Петру Егоровичу Чистякову. Прочту вам выдержки: «всякую надежду на хлебопашество в Россе должно оставить ... » Видите, уже в то время думали, что Форт Росс не оправдал надежд, как поставщик хлеба на Аляску. Правление стало думать о закрытии Росса, но, все же, решило еще попробовать, если колония сможет сама себя оправдывать. Вот, что пишет правление по этому поводу: « ... должны стараться употребляемые на содержание селения Росс издержки, вознаграждать по возможности, другими статьями тамошнего хозяйства ... » Как вы знаете, другие статьи тоже не оправдали себя и мы работаем в убыток.

Ротчев задумчиво посмотрел на письмо, потом отнес его в свое бюро и вынул другое.

— Вы, может-быть, господа, не знаете, что кроме экономических причин нашему форту грозит и другая причина, политическая. Все двадцать пять лет существования форта, калифорнийские испанцы все время надоедают нам и требуют нашего удаления с берегов Калифорнии, обратно на Аляску. Никакой реальной силы заставить нас уехать у них нет, и мы, в боль-

шинстве случаев, отмалчиваемся и не отвечаем на потоки протестов. За это время Испания потеряла здесь свои колонии и на их месте появилась Мексика, но те же испанцы остались в Монтерее и теперь они уже от имени Мексики требуют нашего ухода. Все это нас мало беспокоит, но есть другая причина для беспокойства. В Калифорнии появилось много американцев и еще больше их проникает сюда всякими правдами и неправдами. Они принимают все меры, чтобы обосноваться здесь и постепенно выжить мексиканцев. Наше правительство и правление компании дают себе отчет в этой угрозе нашим интересам, что подтверждает и это письмо, полученное со вчерашней почтой из Аляски. Письмо правления написано в Петербурге 24 марта 1838 года, то-есть три года тому назад и адресовано нашему правителю в Ново-Архангельске Купреянову. Вот что они пишут: «С удивлением прочитав вашу депешу от 14 июня 1837 года за № 321 и приложенное при оной донесение правителя конторы в Россе Г. Костромитинова о возмущении в Калифорнии и содействии в оном корабельщиков Американских Соединенных Штатов, Главное Правление увидело ясно, какими путями американцы желают достигнуть влияния на обладание Калифорниею. Ваше мнение совершенно справедливо, что со стороны Мексиканцев нам не должно иметь ни малейшего опасения, но должно опасаться скрытых стеснений от Американцев, чему уже и сделан повод заведением Купером вверх по речке Славянке ранчи. Главное правление истинно благодарит Вас как за распоряжение занять под пашни равнины близ залива Бодего, так за улучшение земледельческой работы быками, за позволение купить мулов и отправление туда Чилийской пшеницы, для опыта посева ...»

Ротчев, неторопливо, сложил письмо и положил его вместе с другими письмами. Потом он повернулся и добавил:

— Не буду утруждать вашего внимания, судари, чтением всех писем. Хочу только отметить, что правление компании очень серьезно относится к опасности проникновения по соседству с нашей колонией американских поселенцев. Еще в декабре 1837 года, правление писало доклад министру финансов на эту тему. Вот, я вам прочту:

«Многие мятежники обращаются к правлению конторы в Россе, чтоб их принять под защиту. Мы вынуждены были им отказать. Между тем некоторые Американцы Соединенных Штатов, жившие в Калифорнии, начали приближать свои постройки

по близости селения Росс, верстах в 30, вверх по реке Славянке, и предполагают устраивать хозяйственные заведения на мысе Драка, и как кажется единственно с тем намерением, чтоб стеснять круг наших действий в той стране. Главный правитель, полагая, что Американцы, под именем Калифорнийских граждан, займут прежде нас равнины по реке Славянке, как выгоднейшие места для землепашества, затруднялся как поступить ему в тех обстоятельствах, но чтоб не показать себя невнимательным к дерзости новых поселенцев, он предписал Г. Костромитинову занять под пашни места, окружающие Залив Румянцева, и устроив там заселения, упрочнить за собой самый залив».

— Ну, я думаю, довольно читать скучные письма. Если, что я получу новое, так я буду держать вас в курсе дела. Наша же экспедиция будет иметь кое-что связанное с этой угрозой американцев нашему селению.

— Все это звучит очень интригующе, — заметил Черных, с интересом слушавший Ротчева. — Не знаю, что вы собираетесь делать там в лесах или степях, за горами, но я уверен, что мы с Ильей Гавриловичем найдем там много интересного для нас.

— Я в этом не сомневаюсь, Алексей Николаевич. Места, которые вы посетите, неизвестные, нехоженные и неезженные. Кое-где побывали испанцы и за последнее время проникают американцы. Большей же частью там бродят и бродили с незапамятных времен только отдельные редкие племена индейцев. Их в этих местах не так много, некоторые дружественные к нам, а некоторые совсем еще дикие и враждебно-настроенные к белым, главным образом из-за испанцев. Мы постараемся, по мере возможности, избегать их, а если и будут какие-либо враждебные действия с их стороны, так я уверен, что мы за себя постоим. Поедем вооруженные и возьмем с собой несколько промышленных для охраны.

Ротчев посмотрел на Елену и Анну и, слегка улыбнувшись, добавил:

— Я не сомневаюсь в том, что эта экспедиция будет совсем безопасной и поэтому . . . — он задержался немного для эффекта, — с нами изъявили согласие поехать моя жена и Анна Владимировна!

Черных с Вознесенским з изумлении посмотрели на Ротчева.

— Александр Гаврилович, это большая честь для нас, что дамы намерены принять участие в экспедиции, — воскликнул Черных, — но не думаете ли вы, что это будет несколько опро-

метчивым. Ведь, мы же поедем в неизвестные земли, встретимся с неизвестными опасностями. Кроме того, ведь, путешествовать будет нелегким, даже тяжелым ... мы не будем иметь никакого, даже примитивного, комфорта. Мне кажется, что было бы лучше, если бы дамы остались в Россе.

Ротчев опять улыбнулся.

— Вы плохо знаете Елену Павловну. Она очень смелая женщина. Нет, за нее и за Анну Владимировну я не боюсь. Я уверен, что с их стороны не будет никаких жалоб. А, кроме того, вы знаете, что они обе прекрасные наездницы. Я даже должен признаться, что они ездят верхом лучше, чем любой из нас. Нет, от моей жены жалоб не будет. Не правда-ли, Леночка?

Елена подняла глаза с вышивки, которой она только что занялась. Она уверенно улыбнулась той своей улыбкой, которая так обвораживала людей, показав при этом свои чудесные, необычайно красивые зубы, напоминающие нитку отборного жемчуга.

— Разве я когда-нибудь давала тебе повод к тому, чтобы меня можно было обвинить в слабости? А, потом, мне даже и в голову не приходят мысли, что наша экспедиция может оказаться опасной!

***

Прошло еще несколько дней. Однажды Елена вошла в гостиную и увидела мужа, сидевшего у своего бюро с бумагой в руке. Он сидел задумавшись, низко опустив голову. Что-то, как видно, сильно встревожило его. Елена, с беспокойством, подошла к нему, охватила его голову обеими руками и посмотрела ему в глаза.

Ротчев сразу откинул свои тяжелые мысли, улыбнулся, и несколько раз поцеловал мягкие, ароматные руки Елены.

— Что случилось, Сашенька? Не скрывай ... плохие новости из Ново-Архангельска? Я знаю, что ты получил новую почту.

— От тебя ничего не скроешь, дорогая. Получил не совсем приятные новости с Аляски. Там видно уже решена судьба Форта Росс. Наша компания намерена продать Росс, потому что форт для них теперь убыточное предприятие. Согласно этим последним сведениям, наше правительство настаивает на том, чтобы Форт Росс был продан. Я не хочу сказать, что все это должно решиться немедленно. Возьмет еще некоторое время, вся эта переписка, да инструкции, да переговоры с покупателями — все

это возьмет время, месяцы, а может быть и годы. Но факт остается тот, что судьба Росса очевидно решена. Я не знаю подробностей. Наш агент из Иербы Буены в бухте Св. Франциско Костромитинов в настоящее время в Ново-Архангельске и скоро должен вернуться в Калифорнию с последними инструкциями от правителя Русской Америки. Он, по дороге, заедет сюда и мы от него узнаем подробности нашей судьбы.

Елена, как-то, вся похолодела.

— Как-же так, Сашенька. Мы только-что здесь так хорошо устроились и вдруг надо уезжать. Ведь, я здесь еще и трех месяцев не была. Это ужасно. Я просто не могу себе представить, что наш чудесный форт будет кому-то продан и что наш русский флаг будет здесь спущен навсегда. Ведь здесь-же вложено почти тридцать лет труда русских людей. А, что мы будем делать? Куда поедем?

— Подожди, подожди, Леночка, не волнуйся, никуда мы еще не едем. Все это, может быть, только пробные слухи. Сама знаешь, я уже говорил тебе, что слухи о продаже форта ходят уже, по крайней мере, десять лет. Правда, теперь, я уже имею более определенные известия, вот из этой копии письма, которое мне переслано, но опять, как я сказал, все это возьмет порядочное время.

Елена тесно прижалась к нему. Видно было, что новость сильно расстроила ее.

— А кому, компания собирается продать форт? — спросила она.

— Определенного покупателя еще нет. Правитель пишет только, что желательно было бы все имущество и скот продать мексиканскому губернатору в Монтерее, а не частным лицам. Только в том случае, если губернатор откажется купить, тогда предложить частным лицам. Пишут, что тут один швейцарский авантюрист, Суттер, который, как-то, побывал на Аляске, а теперь обосновался самовольно на реке Сакраменто, сделал предложение в Ново-Архангельск, купить Форт Росс, но правитель предпочитает иметь дело с мексиканским правительством в лице губернатора Калифорнии.

— Ах, как это ужасно, Саша. Если продадут форт, куда же мы поедем?

— О, вероятно, в Ново-Архангельск, а может-быть в Россию. Самое главное, не волнуйся и не отчаивайся, не все еще поте-

ряно и, может быть, я еще что-нибудь придумаю. А пока, если хочешь, я тебе прочту копию того письма, которое я получил.

Ротчев развернул письмо.

— Письмо это секретное от правления компании в Петербурге и адресовано правителю Купреянову. Написано оно было давно, два года тому назад и только теперь его содержание стало известным мне. Слушай, что правление пишет: «приняв во внимание изложенные вами в депешах от 12-го апреля 1838 года за № 97 причины, что польза извлекаемая из селения Росс для колонии и Российско-Американской Компании вообще совершенно ничтожна и далеко не соразмерима тем жертвам, которые приносятся для поддержания заселения, — и обращаясь к отчетам прежнего времени о расходах и приобретениях по Россу — Главное правление находит, что это селение не доставляя никакой существенной пользы компании обращается напротив ей в тягость.»

«Даже в политическом отношении обладание Россом сопряжено с неудобствами. Оно не подкрепляетсся никаким актом, ни признанием других Держав. Географическое положение сего заселения, удаленного на 16 градусов широты или на 1600 верст по меридиану от граничной параллели наших владений нисколько не выкупает указанные выше неудобства, не доставляя оному ни малейшей стратегической важности и занятие Росса какою бы то нациею ни было, не может иметь влияния на безопасность наших колоний».

Ротчев посмотрел на жену:

— Видишь, насколько серьезно там взялись за ликвидацию нашего форта. И, какая близорукость — «ни малейшей стратегической важности . . . » — Слушай дальше:

«По сим соображениям и обращая внимание на сокращение излишних расходов и извлечение возможных выгод для компании, Главное Правление признает за нужное оставить селение Росс, упразднить контору, снять гарнизон, вывезти промышленных, орудия и снаряды, а остальное продать жителям Св. Франциска».

Елена, с тревогой, посмотрела на мужа:

— Что-же это, Саша, конец? Конец нашего чудного, незабываемого форта? Мне все еще не верится, что компания решила окончательно отказаться и отделаться от Росса. Куда же мы денемся?

— Нам о себе беспокоиться не нужно, дорогая. Мы всегда найдем себе дом, может быть лучше, чем здесь. Меня, откровенно говоря, убила мысль, поразило это внезапное решение покинуть форт. До сих пор, все эти разговоры казались пустыми. Это же письмо дает определенные инструкции продать форт, и письмо было написано два года тому назад. Очевидно, правитель в Ново-Архангельске не считал нужным извещать нас о том, что решение было принято. Может-быть он тоже думал, что форт можно сохранить. Мне теперь понятно, почему во всех письмах ко мне, он писал, что нужно расширить наши владения здесь, искать новых земель, распахивать, стараться, чтобы форт оправдывал себя. Вот, поэтому-то, Леночка, я и хочу скорее отправиться в нашу экспедицию, целью которой будет, главным образом, обследование земель, расположенных за горами, особенно по долине реки Славянки. Если найдем хорошие земли, если сумеем их занять и запахать, тогда, я уверен, администрация переменит планы и оставит форт. Теперь, конечно, мы, как в мешке, ограничены морем и горами. Нет, — разгорячился Ротчев, — нам нужно выбираться отсюда, выходить на простор, в степи. Здесь будет только административный центр, а жизнь и главная деятельность должна быть там, за горами. И надо торопиться. Пока компания посылает мне только копии писем правителю, а может случиться, что со следующим судном нам пришлют приказ немедленно сворачиваться и выехать на север, продать здесь все, что было сделано, построено и нажито. Нам надо спешить, пока не поздно. Американцы тоже ведь не дремлют. Даже теперь по долине между бухтой Св. Франциска и нашим фортом поселилось не мало американцев. Дальше будет больше. Взять нашего соседа Макинтоша, он совсем рядом с нами. Его ранчо подходит вплотную к ранчо Черных. Другой пример, Суттер, неизвестный авантюрист, который вдруг оказался владельцем больших земель по долине реки Сакраменто. Да, и испанцы не дремлют, все подстраивают свои миссии, ближе и ближе к нам. У всех их, конечно, есть определенный план выжить нас отсюда и, по какой-то причине, наша администрация в Петербурге, играет в их дудочку. Только на днях я послал пространный доклад правителю на Аляске с моими планами расширения нашей колонии здесь и советом ему нажать на правление, чтобы они прекратили разговоры о закрытии форта. Ничего нового в моем плане нет; я, попросту, следую планам, разработанным Резановым и Завалишиным. Они оба лелеяли надежды и обстоя-

тельно разработали планы нашего внедрения и распространения в Калифорнии. Они даже предполагали полный захват Калифорнии нами. Резанов, как я уже говорил тебе, был одним из директоров Российско-Американской Компании и побывал в Калифорнии в 1806 году. Завалишин был здесь в селении Росс и в бухте Св. Франциска в 1824 году, только семнадцать лет тому назад. Их кажущиеся фантастическими планы, в общем, были таковы...

В этот момент, кто-то постучал в дверь.

— Войдите! — крикнул нетерпеливо Ротчев.

Вошли оба ученых и прервали интересный разговор.

— Я доскажу тебе об их увлекательных планах позже, так же как поделюсь с тобой своими планами. Эти последние новости с Аляски заставляют меня поспешить с нашей предполагаемой экспедицией. Может-быть мы отправимся сразу после твоих именин... — добавил Ротчев вполголоса.

Входивший в комнату Вознесенский услышал последнюю часть фразы.

— Вы говорили о нашей экспедиции, Александр Гаврилович? Что-нибудь новое?

— Да, я только что говорил жене, что намереваюсь ускорить время отъезда нашей экспедиции. Предполагаю отправиться сразу же после дня ангела Елены Павловны, что будет в первых числах июня.

— Ну, и прекрасно, — обрадовались Вознесенский и Черных.

— А, вы думаете, будете готовы к тому времени? — полунасмешливо спросил их Ротчев.

— О, да, — торопливо согласился Вознесенский, — все у нас уже уложено в мешки, все то, что нам нужно будет во время поездки.

— Ну, смотрите, много не набирайте. У каждого из нас, ведь, будет по одному коню.

— Между прочим, Александр Гаврилович, я теперь беру уроки верховой езды, — немного стыдясь сказал Черных. — Я, собственно, когда то ездил верхом, но это было так давно, что мне нужно заново учиться.

— Хорошая идея, — одобрил Ротчев, — смотрите, не падайте только, а то наши дамы засмеют вас, будут смеяться над вами всю жизнь.

Вознесенский засмеялся и добавил:

— Мы, с Алексеем Николаевичем постараемся не осрамиться. Конечно, мы хорошо знаем, что Елена Павловна и Анна Владимировна прекрасные наездницы, нам за ними не угнаться. А, кроме того, мы не молоды ведь, стары даже. Ну, если не очень стары, то, во всяком случае, старше всех вас.

Весь этот вечер прошел в оживленных разговорах о предполагаемой экспедиции и об именинах Елены, которые предполагалось отпраздновать широко.

Следующие несколько дней, Ротчев был очень занят. Нужно было серьезно заняться приготовлениями к поездке, подобрать несколько надежных промышленных для охраны экспедиции. Он старался отобрать хороших стрелков, прекрасно владевших оружем, хорошо зная, что поездка в дикие места Калифорнии была делом серьезным и опасным.

Нужно было подумать обо всем: сколько взять провизии и какой, сколько оружия и аммуниции, стараясь взять столько, сколько было абсолютно необходимо, чтобы не перегружать лошадей. Зашел к мастеру, специалисту по работе по меди, приказал изготовить две медных доски, на которых предполагал отметить имена участников экспедиции и даты. Эти доски нужно было взять с собою в поездку, оставить в тех местах, где нужно было показать, что русские были там первыми. Несколько раз, верхом, Ротчев съездил к заливу Бодега и посетил там Макинтоша, с которым у него были довольно хорошие отношения. Ротчев, между прочим, упомянул Макинтошу о предполагаемой поездке в дикие места Калифорнии, не говоря, конечно, о настоящей цели экспедиции. Он даже предложил Макинтошу присоединиться к ним в поездке. Ротчев ценил способности Макинтоша, проживавшего всю свою жизнь в лесах и прериях Америки и ставшего настоящим следопытом, не уступавшим в своих знаниях тайн природы даже индейцам. Кроме того, Макинтош, живший один на своей ферме, был дружен с соседними индейскими племенами и это его знакомство с ними было очень полезно, потому что никто и никогда не знал, чего можно было ожидать при неожиданной встрече с ними. Частенько, Макинтош отправлялся в какие-то таинственные экспедиции, продолжавшиеся иногда по несколько дней. Ездил он один, сопутствуемый только одним старым индейцем, постоянным спутником Макинтоша в его поездках в индейские земли. Никто никогда его не трогал и он всегда возвращался домой невредимым.

ГЛАВА 6

КОЛОДНИК ГРИГОРИЙ

Дни шли и чем дальше, тем больше можно было видеть разницу в характере между Еленой и Анной. В то время, как Елена вся кипела энергией, была полна жизни и цвела, как только что распустившийся цветок под лучами тёплого калифорнийского солнца. Анна почти всегда была замкнута и редко появлялась на дворе, когда солнце стояло высоко на небе и согревало берег моря и Форт Росс. Чаще Анну можно было видеть на веранде с книгой в руке. К ее счастью в библиотеке Ротчевых было много книг, от легких французских романов до книг научного содержания. Не редко Анна занимала научную книгу у Черных или Вознесенского, и читала ее с таким же увлечением, как и самый захватывающий роман. Ротчев, проходя мимо, задерживался на секунду, смотрел на заглавие и увидев «ботанику» или «зоологию», усмехался и, не говоря ни слова, шел дальше.

Елена по своей натуре и темпераменту была полнейшей противоположностью Анне. Прежде всего она была солнцепоклонницей. Ничто в природе не доставляло ей такого удовольствия, как ощущение теплых лучей полуденного солнца, которые вместе с легким бризом постоянно дующим с моря ласково и любовно щекотали мягкую кожу ее лица и шаловливо шевелили ее шелковистые волосы. Сидеть дома в такие дни было мучительно. Она была в постоянном движении: сейчас на дворе форта, наблюдая за гнувшейся от ветерка травой на широком дворе; через несколько минут она уже стоит на крутом берегу моря, наблюдая за работой промышленных и алеутов на верфи. Потом ее видели на мельнице, о чем-то оживленно разговаривавшей со старым мельником Прохором, и не прошло и нескольких минут, как кто-то видел ее в селении о чем-то участливо рас-

спрашивавшей женщину, жену промышленного или алеута. Часто она приказывала оседлать своего любимого коня и вихрем носилась по полям вокруг форта.

Дни раннего калифорнийского лета были изумительны. Дожди давно прекратились и солнце светило день за днем, но жарко не было. Калифорнийское побережье в предгорьях никогда не могло пожаловаться на жаркую погоду. С утра форт, селение и окружающие поля окутывались тяжелой пеленой густого прохладного тумана. К полудню туман рассеивался и светило солнце на ярком безоблачном небе. И опять не было жарко, потому что дня не проходило, чтобы не дул бриз с моря, часто переходивший в сильный ветер. Нет, от жары Елена не страдала. Наоборот к вечеру бриз становился настолько прохладным, что нужно было набрасывать на плечи накидку.

Елена не могла сидеть на одном месте и ей нужно было все время быть чем-то занятой. Скоро она нашла себе занятие, которое ей было по душе. Дело в том, что как русские промышленные, так и алеуты-охотники были простые, работящие люди, постоянно занятые на своих промыслах и в большинстве своем люди неграмотные. Только некоторые из них, как Ефрем, помощник Ротчева и главный надсмотрщик над работами, знали грамоту, остальные же были настоящие дети природы, смотревшие на грамотных людей, как на людей одаренных свыше этому таинственному искусству. Как обычно бывает в среде людей, живущих тесно друг с другом, вдруг среди них вспыхивала ссора, темные, низкие страсти разгорались, часто пускались в ход кулаки. Все это приходилось разбирать Ротчеву, усмирять страсти, лечить больных и наказывать виновных.

Внезапная ссора, кулаки, взмах сверкающего ножа и опять Ротчеву нужно было оказывать срочную помощь, чтобы не потерять человека, который мог истечь кровью на смерть; люди были ценны и каждая пара рабочих рук в горячую пору была дороже золота. Заменить их было некем и ждать замены приходилось месяцами и иногда годами.

В этой области Елена нашла свое призвание. Она взяла на себя обязанности, которые в более близкое к нам время исполняли сестры милосердия, оставив мужу его прямые обязанности по управлению колонией. Это сильно облегчило страшно занятого Ротчева и дало возможность Елене чувствовать себя занятой и быть членом этой маленькой русской общины.

Каждый день теперь Елена, по утрам, совершала регулярный обход рабочего селения, обходя дом за домом, с небольшой сумкой на плече, в которой были все ее непритязательные лекарственные средства, мази и бинты. Всегда нужно было кому-то забинтовать укол или порез на руке, сказать ласковое слово, утешить. Форт Росс не имел лекаря и Елена скоро стала пользоваться репутацией искуссной фельдшерицы, главным образом за ее умение умиротворять страсти и облегчать моральные страдания. Женщины, в особенности, с нетерпением ожидали появления Елены среди своих непритязательных жилищ, тепло приветствовали ее и жадно обменивались с ней своими новостями, так же как жаловались на свои обыденные ежедневные неприятности. Для каждой из них у Елены находилось слово утешения, она мягко трепала какого-нибудь стеснительного ребенка по его белокурой головке и сразу в семье забывались и нужда и горе. Все казалось более легким, неважным и легкопреодолимым.

Эти ежедневные обходы семей поселенцев были не менее полезными и для Елены. Они открыли для нее совершенно, новый, простой, непритязательный мир, которого она до сих пор чуждалась и держалась в стороне.

Прикоснувшись к этим людям, придя в контакт с ними, в соприкосновение с простыми, может быть грубыми людьми, с охотниками и промышленными, она, к своему удивлению, сделала открытие, что это не были существа какого-то низшего порядка, а нормальные человеческие существа, пусть простые, неграмотные, но со своей чисто природной сметкой. В них не было никакого сходства с той картиной, которую она мысленно представляла себе, приехав в Форрт Росс. Весь мир до сих пор существовавший в ее сознании, мир жестких, кастовых, социальных различий, как-то вдруг стал сглаживаться в ее мозгу, в ее сознании, и на его место появился калейдоскоп новых впечатлений, набор человеческих жизней, пусть стоящих на низшей ступени социальной лестницы, но живых людей, каждый из которых чем-то и как-то отличался и резко отпечатался в ее мозгу.

Она увидела, что все эти люди были нормальными, человеческими существами, все они обладали нормальными человеческими функциями и интересами. Она стала близко принимать к сердцу их интересы и нужды и если могла, если это было в ее силах, старалась помочь им. В разговорах с ними она нау-

чилась ценить и уважать их природный ум и сметку и была страшно горда тем доверием, которое они чувствовали к ней и ее советам. Больше всего ей нравилось заходить к старику мельнику Прохору и слушать его простую народную речь, слушать народную мудрость, накопившуюся веками и передававшуюся из уст в уста, из поколения в поколение. Ее никогда не утомляло слушать его рассказы, его ровную, размеренную речь, слушать о том, как он провел молодость в России, трудные годы в Сибири и, наконец, жизнь на Аляске во время легендарного Баранова.

Старик Прохор, несмотря на свои преклонные годы и тяжелую жизнь в пионерских условиях его времени, все еще был красивым человеком в своем роде. Могучие плечи только немного сдали и слегка опустились, мощные, сильные руки все еще легко перебрасывали громадные мешки с зерном. Строгие, серые глаза сурово смотрели на собеседника и, казалось, прощупывали его. Долгая жизнь на аванпостах раздвигающейся империи, частые встречи с воинственными индейцами на Аляске, где малейший неверный шаг мог стоить головы, и, что еще более важно, ежедневный контакт с головорезами, часто бывшими каторжанами в Сибири, все это выработало в нем какое-то шестое чувство быть постоянно настороже, быть готовым отразить нападение и не попасть под неожиданный удар ножа. Длинная, пушистая борода его была всегда всклокочена и вероятно никогда не расчесывалась. Правда, он любил охватить ее своей могучей рукой и протянуть пальцами через бороду, вероятно единственный способ расчесывания бороды, который был знаком ему. Он это часто делал, когда разговаривал с кем-нибудь, стараясь найти подходящие слова в своей медлительной речи.

— Как поживаешь, сегодня, Прохор? — приветливо обратилась к нему Елена, проходя мимо мельницы, по пути в селение.

— Доброе утро, Ваше Сиятельство, — степенно ответил Прохор, всегда величавший ее сиятельством и вероятно гордившийся своим знанием российских обычаев, несмотря на просьбу Елены забыть об этих условностях. Он торопливо смахнул мучную пыль со старого мельничного жернова (который до сих пор сохранился в Россе) и расстелил на нем чистый мешок, на который Елена могла сесть. — Не могу Бога гневить, живу, поскрипываю, — ответил он.

Елена удобно примостилась на мешке.

— Знаешь, Прохор, — проговорила она медленно, задумчиво глядя на могучий, спокойный океан, — чем больше я живу здесь

в селении Росс, тем более я люблю его. Теперь уже я думаю о нашей далекой родине, как о чем-то далеком, как луна от земли. Я не думаю, что мы когда-нибудь вернемся в Россию. Наша жизнь здесь, на этом материке. И если нам, вдруг, придется оставить форт, я не знаю даже, куда мы поедем. Форт Росс — наш дом...

— Нет, Ваше Сиятельство... Елена Павловна... я вас понимаю, но ваше место не здесь, не среди этих диких людей. Ведь многие из них даже образ человеческий потеряли. Ваше место, Елена Павловна, в большом городе, в Петербурге, среди людей вашего круга. Что и говорить, красавец наш Форт Росс, трудно найти равного ему в России по красоте, но это место не для вас. Когда-нибудь, может-быть скоро, вы уедете с Александром Гавриловичем. Новый правитель приедет, но мы останемся... Наш дом, наш настоящий дом здесь в Россе.

— Но, Прохор, я совсем не хочу уезжать. Я так же, как и ты, хочу остаться здесь, на всю жизнь.

Старик-мельник улыбнулся.

— Вы очень добры к нам, Елена Павловна, когда говорите это. Нам старожилам, которые прожили в Россе много лет, приятно, что вы так любите наш дом. Однако, последнее время, народ у нас стал волноваться. Тут разные слухи ходят. Люди беспокоятся. Говорят, что мы все должны оставить Форт Росс и вернуться на Аляску. Конечно люди многое болтают... часто, чтобы просто поболтать... Но нам, старожилам, будет тяжело покидать насиженное место и ехать в холодную Аляску. Мы любим этот наш дом в Калифорнии и мы никак не можем понять почему наши министры хотят оставить, бросить все, что было накоплено здесь тяжелым трудом, то с чем мы сроднились, сжились, срослись. А ребята, которые родились здесь в теплой Калифорнии. Им-то, ведь, еще тяжелее будет в холоде и сырости Аляски. Ну, да сейчас еще рано об этом беспокоиться. Все это, видно, слухи только.

Елена посмотрела на него. Она сама еще не была уверена, удастся ли Саше отстоять форт от его печальной участи.

— Не знаю ничего, Прохор, об этих слухах. Вернее слухов всегда было много, несколько лет об этом говорят и пишут, но, как видишь, мы все еще живем здесь и будем, вероятно, жить до наших последних дней. Если же придется уехать, мне будет очень тяжело это сделать. Я так сроднилась с Россом, так полюбила это чудное селение, — сказала печально Елена.

— Бог вас вознаградит за такие слова, — с чувством сказал Прохор. Он, с шапкой в руке, пошел проводить Елену к тропе, ведшей вниз к столпившимся домикам селения.

Елена осторожно шла по тропе, стараясь не оступиться и скоро оказалась на улице, окаймленной простыми, но крепко сколоченными бревенчатыми домами. Улица, которая скорее походила на широкую площадь, была почти совсем пуста, потому что все мужчины были на работах, кто на верфи, кто на полях, а кто и на рыбных промыслах. Только женщины видны были кое-где на заднем дворе, занятые своими домашними делами.

Елена приветливо помахала рукой одной из них, русской женщине с приветливой улыбкой на простом, широком, добром лице.

— Доброе утро, Марфа, — поздоровалась Елена, — как твой мальчуган сегодня, чувствует себя лучше?

— Да, да, Елена Павловна. Он совсем почти поправился, где-то носится уже в поле, птиц гоняет да собак дразнит. — Молодая женщина с густой шапкой русых волос под платком покрывшим ее голову, низко поклонилась:

— Окажите честь, Елена Павловна, может быть войдете в мой дом, осчастливьте. Булочки свежие сегодня испекла. Может чайку с булочками искушаете? Шаньги свежие тоже есть.

— Спасибо большое, Марфа, может быть в другой раз, а сегодня мне нужно бежать к своим «пациентам». Я обещала принести лекарства Катерине. Она что-то плохо себя чувствует.

Марфа еще раз поклонилась.

— Бог благословит вас за вашу доброту, Елена Павловна, за все, что вы делаете для нас, простых людей.

Елена попрощалась и быстро пошла в конец селения, к дому Катерины. Это была креолка, средних лет, с ярко-выраженными алеутскими чертами лица и со склонностью к полноте. Катерина почтительно встретила супругу коменданта у входа в свой дом и с благодарностью приняла от нее флакон с лекарством. Катерина была бездетная женщина и одну комнату в своем скромном жилище она сдавала конторщику Николаю, работавшему в канцелярии Ротчева.

— Ну, как сегодня себя чувствуешь, Катерина?

Елена озабоченно посмотрела на нее.

— Благодарствую, Елена Павловна, много лучше, много лучше. Вот выпью это лекарство, так и совсем поправлюсь.

— Ну, рада слышать это. Муж-то на работе?

— На работе, родимая, на работе.

— Ну, прощай, Катерина. Думаю, что тебе больше лекарства не нужно будет. Однако, если не будет улучшения, дай мне знать, пошли мужа ко мне или сообщи через Николая.

Елена обошла селение, зашла в те дома, где нужна была ее помощь, поговорила с несколькими женщинами, которые, видно было, были сильно к ней привязаны, и закончила свой утренний обход большой казармой в дальнем конце селения, в которой помещалась группа каторжан, отбывавших свои работы в колонии Росс. В казарме на этот раз никого не было, больных не числилось и все заключенные работали на полях.

Она уже готова была итти обратно домой, как услышала крики издалека. Елена, приглядевшись к бегущему к ней человеку, узнала в нем молодого охотника-зверолова. Это был тот молодой великан, который как-то на берегу, в группе охотников, восхищался маленькими размерами следов ног Анны на песке. Видно было, что он был в страшном возбуждении. Охотник подбежал, запыхавшись к Елене.

— В чем дело, Степан? — спросила она, — что случилось?

— Елена Павловна... несчастье в поле... один из рабочих, заключенный, был ранен другим... Нож в бок... я думаю он умирает... кровь так и хлещет. Может, вы знаете, как остановить кровь?

Елена похолодела.

— Где он теперь, в поле?

— Нет, здесь, в казарме! Мы только что принесли его и положили на койку... Кровь так и хлещет... — опять повторил молодой великан. На него, видно, сильно подействовал этот случай.

Елена заторопилась обратно в барак.

— Кто он? — на ходу спросила она охотника. Елена за это время выучила имена всех жителей колонии и знала в лицо каждого, даже каторжан.

— Да, все тот же зачинщик и задира, Григорий зовут его. Вы помните его, Елена Павловна, Григорий Непомнящий... Тот, который всегда попадает в переделки.

Елена круто повернулась и посмотрела на Степана:

— Ты сказал, Григорий?

— Так точно, Григорий!

Елена слишком хорошо помнила этого молодого, самоуверенного, нахального заключенного. Это был темноволосый, с наглыми, черными, казалось ничего не выражавшими, глазами, каторжанин, которого Елена однажды крепко отхлестала хлыстом. Она хорошо помнила этого человека, пустившего оскорбительное слово по адресу дам, когда Елена с Анной катались верхом.

— Что он натворил на этот раз? — спросила Елена, входя в казарму.

— Как всегда, дразнил одного парня... не вытерпел человек, выхватил нож, да и полоснул его в бок.

Елена вошла в полутемное здание с тяжелым запахом спертого воздуха. После яркого солнца снаружи, внутри казалось совсем темно, пока глаза не привыкли.

— Серьезно ранен?

— Я думаю; много крови потерял.

Елена, войдя в помещение, была встречена букетом самых разнообразных запахов, накопившихся в застоявшейся казарме, редко проветриваемой, в которой жило десятка два людей, развешивавших там после работы свои потные рубахи, портянки и сапоги. Хорошо еще, что казарма была пуста. Люди были на работах. Даже без людей, Елена почти задохнулась от непривычной атмосферы.

Она осмотрелась. Увидела Григория, лежавшего на деревянной скамье у стола, и быстро подошла к нему.

Елена умело осмотрела рану в боку Григория, приказала Степану принести воды, промыла и ловко, не говоря ни слова, умелыми руками забинтовала бок. Она видела, что ранение было тяжелое и что она ничего не могла сделать для Григория, кроме того, что забинтовать рану и попытаться остановить кровотечение. Дальше нужно было положиться на Бога, чтобы не было заражения, и надеяться на крепкую здоровую натуру человека. Врачебное искусство не было на большой высоте в то время, а кроме того Елена никогда вообще, конечно, не посещала никаких лекарских курсов. Все, что она знала, это забинтовать рану, дать самые примитивные лекарства, а главное — сказать несколько участливых, ласковых слов, которые часто оказывали самое магическое действие.

Через несколько минут Елена, с удовлетворением, заметила, что кровотечение остановилось. Григорий потерял много крови и это ее беспокоило больше всего, потому что он сильно ослабел. Несмотря на большую потерю крови и сильную слабость,

Григорий горящими глазами и с неослабным вниманием следил за каждым движением Елены. Видно было, что каждое прикосновение ее рук, ее мягких пальцев к его коже, доставляло ему наслаждение.

Занятая своим делом, Елена быстро бинтовала ему рану. За несколько недель, что она занималась своей миссией милосердия, она довольно хорошо набила себе руку на бинтовании ран. Быстро, умелыми руками, она закончила работу и заботливо посмотрела на Григория, и, в тот же момент, сильно нахмурилась. Лицо «больного» Григория выражало ничем не скрываемое наслаждение от того, что она бинтовала ему рану, что она прикасалась своими нежными пальцами к его телу. В черных глазах его было видно самое откровенное восхищение. Елена сразу, с первого взгляда, поняла, что происходило в уме этого самоуверенного и самовлюбленного человека.

— У тебя очень нехорошая, тяжелая рана, Григорий, — все еще нахмуренная, сказала ему Елена, — придется тебе некоторое время полежать на спине. Все зависит от тебя самого, насколько быстро ты сможешь оправиться от этого ранения. Удар посильнее мог бы быть смертельным. Надеюсь только, что это будет уроком для тебя и больше не будет повторения твоих шутовских выходок.

Григорий слабо пошевелил рукой и хотел приподняться со своей скамьи, но боль заставила его скривиться. Елена положила ему на плечо руку и заставила его лечь опять на спину:

— Не глупи, Григорий... Не разговаривай и не двигайся, — сказала она. — Тебе нужно лежать спокойно и не раздражать свою рану. Через несколько дней ты будешь здоров.

Григорий посмотрел на нее теми-же горящими глазами:

— Елена Павловна..., — немного поколебался он, — я только хотел сказать вам... что я жалею, очень жалею... тогда в поле... не знаю, что случилось со мною, но я себя вел недостойно... Что-то вселилось в меня, нечистый што-ли... чорт попутал... я совсем не думал о том, что я сказал тогда... не хотел обидеть вас... Вы были правы, что тогда наказали меня... я заслужил это... С тех пор, я, да и многие из нас, колодников, многое узнали о вас и научились уважать и любить, даже... боготворить вас... мы все зовем вас теперь нашим ангелом... мы знаем, что благодаря вашему вмешательству жизнь наша здесь полегчала... нам стало легче жить и с нас меньше требуют...

— Довольно, Григорий, лежи спокойно и не разговаривай, — даже смутилась Елена. — Давай, забудем, что было . . . Ну, хорошо, я пойду дальше. Твой друг присмотрит за тобой, поможет тебе в чем нужно.

Елена быстро вышла, почти выбежала из казармы, провожаемая теми же горящими, почти немигающими глазами Григория. Молодой Степан заметил, как Григорий провожал уходившую Елену своими загипнотизированными глазами, вздохнул только и покачал своей головой, ничего не говоря.

Елена торопливо обошла еще несколько домов селения, с улыбкой внутреннего удовольствия, сама того не замечая. Она знала и чувствовала, что она делала доброе дело для всех этих людей и для этого человека сегодня, для пария общества, который, однако, чем-то отличался от окружающей его среды, от всей той серой массы, которая была вокруг него. Был ли его неукротимый дух, его наглый взгляд, полное отсутствие приниженности и подчинения, или что-то другое, но он, как-то, не выходил из ее головы весь день. Безсознательно ей нравилось и льстило внимание и любовь к ней этих людей. Все это заставляло и подталкивало ее стараться сделать для них больше, облегчить их судьбу.

То, что Григорий сказал об Елене, было правдой. На нее смотрели и поселенцы колонии и колодники с одинаковым уважением, если не сказать боготворением. Она была ангелом, посланным им, в далекую колонию, чтобы смягчить их суровую жизнь и приносить утешение тем, кому судьба была мачехой. Ежедневный обход селения Еленой был событием, которого не хотели пропустить простые женщины этой колонии. Им хотелось обменяться парой слов с комендантшей форта и увидеть ее улыбку, солнцем озарявшую лицо Елены. Улыбаться ей было не трудно. Улыбка, казалось, сама просилась на ее лицо, может быть еще и потому, что она знала, что улыбка красила ее лицо во много раз.

Муж Елены, комендант, или как он был более известен, правитель Ротчев, по натуре был не злым и даже очень добрым человеком, но он был формалист и службист. Главный интерес его жизни была служба в компании и он надеялся, что служа верой и правдой он сможет в недалеком будущем стать правителем Ново-Архангельска и всех американских владений компании, а потом, кто знает, можно будет дослужиться и до поста директора компании и жить в блистательном Петербурге.

Для этой цели Ротчев верно служил своей компании и своей родине, исполняя свои обязанности, следуя букве закона и правилам компании. К своим подчиненным он старался относиться справедливо и если был строг, то главным образом ради поддержания дисциплины. Людей ленивых и не выполнявших своих обязанностей, как полагалось, он сурово наказывал, главным образом потому, что это предписывалось статутом компании. Людей отличившихся на работе, он должным образом вознаграждал.

В этот суровый мир, на окраине русских владений, где редко до сих пор можно было увидеть улыбку, Елена принесла почти неизвестную до сих пор или почти забытую доброту, которая часто доходила до самых глубин ожесточенных и, казалось, окаменевших сердец. Нужно отметить, что Елена иногда бывала горячей и вспыльчивой и тогда людям в ее окружении доставалось плохо, но это случалось с ней редко, очень редко.

Часто, вечерами, Елена сидела с мужем в своей уютной, комфортабельной гостиной и обсуждала с ним все последние, жгучие проблемы форта, требовавшие немедленного разрешения. Часто в ее очаровательной голсвке появлялись какие-то вопросы, вопросы касающиеся жизни колонии, вопросы, которыми она никогда прежде в России не интересовалась, и которые, вдруг, стали здесь такими близкими и так затрагивающими ее сердце. Перед сном, она обычно в задушевных беседах с Анной восстанавливала все события дня. Мало разговорчивая Анна редко высказывала свое мнение, но когда говорила, то ее мысль казалась обдуманной, логичной и как-будто тщательно взвешенной. Ее совет был всегда дельным, и Елена еще больше ценила свою подругу за это.

В этот вечер, она подробно объяснила Анне события дня и описала потасовку в которую попал хулиган Григорий.

— Подумай только, какую страшную рану он получил. Просто жутко было перевязывать ее.

Анна искоса посмотрела на нее.

— Ты, лучше, остерегайся этого парня. Ты, вероятно, не раз встречала таких типов на рынках в России... разбитной, нахальный. Сама видела, как он нагло смотрел на тебя!

Елена рассмеялась.

— Что-то, мы уж очень много внимания уделяем этому колоднику. Давай, лучше поговорим о приятном, о приятных вещах. Скоро, ведь, день моего Ангела, и Саша обещал устроить

большой прием, небывалый даже в чопорной испанской Калифорни і. Подумай, только, сколько этих грандов и их дам понаедет к нам! Где только мы их разместим!

Анне приятно было наблюдать раскрасневшееся лицо ее подруги, так предвкушавшей удовольствия предстоящего торжества. Да и Анна, сама, как-то встряхнулась и тоже с нетерпением ждала этого дня, не столько потому, что ей очень хотелось веселья, шума и разговоров, сколько познакомиться с испанцами и понаблюдать их.

Долго еще обе подруги сидели и обсуждали планы предстоящего праздника.

На следующее утро, Николай, сидя в своей конторе, нетерпеливо поглядывал в окно. Каждое утро, сидя на своем удобном посту, из которого ему хорошо было видно, кто входил и выходил из комендантского дома, он жадно следил за Еленой, регулярно выходящей из дома в определенные часы, когда она деловито сбегала по ступенькам крыльца и торопилась в обход своих пациентов. Вскоре после этого он видел Анну, которая часто выходила прогуляться по берегу моря. Николай жадно, своими воспаленными глазами, следил за каждым ее движением, пока она не скрывалась за воротами форта.

В это утро ни Елена, ни Анна, не выходили и Николай жадно прислушивался к шумам в доме, надеясь услышать знакомые звуки шагов своих богинь. Все было тихо на этот раз и только в кухне протопала босыми ногами Дуняша, видно вышедшая на задний двор почистить что-либо из одежды Елены или Анны.

Несмотря на свое восторженное поклонение Анне и Елене, Николай частенько заглядывался и на смазливую, веселую Дуняшу. Видно было, что на него возбуждающе действовали все блондинки и он, с таким же восторгом, любил наблюдать за Дуней, ловко работающей на ступеньках черного хода или что-либо делавшую на кухне. Он, торопливо вышел из конторы и, пройдя кухню, вышел на черное крыльцо, как раз в тот момент, когда Дуня вбегала по ступенькам наверх. С Дуней, которая была ближе к земле, он относился смелее. Как-будто, нечаянно, он загородил ей дорогу и когда изумленная Дуняша остановилась, он смело поднял руку и провел ею по пухлому плечу девушки.

Она отскочила, как ужаленная и зло посмотрела на него:

— Н-ну, ты, что обалдел что-ль; рукам-то воли не давай, писаришка несчастный. Отойди в сторону, не мешай, — и Дуня,

сердито оттолкнув в сторону щуплого и слабосильного Николая, быстро взбежала на крыльцо.

Кровь бросилась в лицо оторопевшему было и обидевшемуся Николаю.

— Ну, ты будь повежливее со мной, холопка. Я здесь правая рука правителя... лицо ответственное... — гневно запротестовал он.

— А, вот я тебя, да по ответственной-то морде, как шваркну, так ты перестанешь лапать девушек, — и Дуня исчезла за дверями, мотнув своими тяжелыми косами.

— Хамка, — проскрежетал Николай и поплелся в свою конторку.

Поздно, только около двенадцати часов, он видел, как жена правителя торопливо прошла по двору и исчезла за воротами. Анна, видно, все еще прохлаждалась дома.

Елена в это утро засиделась и ей, как-то, не хотелось идти в свой обычный обход селения, но потом она вспомнила страшную рану Григория и решила пойти в казарму и проверить его, сделать ему перевязку.

Как видно, у молодого каторжника, раны заживали быстро. Перевязывая его Елена заметила, что состояние его улучшилось и его глаза уже не были лихорадочно воспаленными.

— Ну, как себя чувствуешь сегодня? — спросила она его. Григорий, цинично скривив губы, смело посмотрел ей прямо в глаза. В его взгляде сегодня не видно было никакого смущения; наоборот он посмотрел на нее своими наглыми глазами красивого разбитного парня, привыкшего к легким победам над молодыми посадскими мещанками. Все, что Елена видела в его глазах теперь, это было нескрываемое, нахальное восхищение ее красотой. Видно было, что его не смущала разница в их общественном и социальном положении, где он занимал место на диаметрально противоположном уровне.

Он только сказал спокойно:

— Спасибо, барыня, как видишь жив еще.

Елена нервно отвернулась, чтобы не видеть его настойчивого взгляда, упорно следившего за каждым ее движением. Она быстро закончила перевязку и вышла из казармы. Долго еще, по дороге домой, ее, как-то, беспокоил и тревожил этот упорный, наглый взгляд черных, цыганских глаз колодника. Видно было, что у него не было никакого страха перед ней, хотя он должен

был знать, что, как жена правителя колонии, она могла бы создать ему нетерпимые условия жизни.

Несколько дней еще Елена посещала Григория в казарме, чтобы переменить ему бинт, и каждый раз она выходила, чувствуя в себе какую-то нервную неуверенность, противоположную все более увеличивающейся уверенности и наглости Григория. Каждый раз Григорий встречал ее с подчеркнутой услужливостью, хотя в уголках его губ можно было заметить самоуверенную усмешку. Все более и более поправляясь от ранения, он незаметно становился смелее в своих отношениях к Елене.

Однажды, когда Елена заканчивала ему перевязку, он вдруг сказал:

— Ах, как ты красива, княгинюшка!

Елена вспыхнула и сердито посмотрела на него.

— Прекрати эти глупости, Григорий!.. Есть границы всему! — тихо, сквозь сжатые губы она сказала ему.

Григорий насмешливо посмотрел на нее.

— Я границ не забываю... хорошо помню, — и, полуподнявшись с койки, он сделал церемонный поклон. Потом, откинувшись на подушку, добавил:

— Это, однако, не делает княгинюшку менее красивой!

Елена вскипела и можно было подумать в тот момент, что она вдруг поднимет руку и ударит его по лицу. По крайней мере, она была на грани этого.

— Твоя дерзкость, Григорий, переходит всякие границы. Ты зашел далеко, слишком далеко. Я больше приходить сюда не буду. Ты достаточно поправился, чтобы менять бинт самому.

Она бросила марлю и бинт ему на грудь и повернулась уходить.

Григорий, вдруг, схватил ее руку и жадно приложился к ней своими горячими губами. Елена сердито выдернула руку от него и быстро вышла из казармы.

ГЛАВА 7

ПРИЕЗД ИСПАНСКИХ ГОСТЕЙ

День Св. Елены, третьего июня, день Ангела Елены Павловны, красавицы-жены правителя Форта Росс Ротчева, выдался изумительно солнечным и теплым. Только небольшой ветерок с океана тихо шевелил листья деревьев и верхушки травы.

На большой площади перед домом коменданта, в этот день, была большая трансформация. Вместо одного-двух служащих или часового, которых можно было видеть на площади в обычный день, на этот раз на площади были десятки людей. Площадь, залитая веселыми лучами солнца была калейдоскопом красок.

Там стояли, ходили, смеялись и разговаривали группы гостей, съехавшихся сюда из разных пунктов Колифорнии, большей частью из испанских миссий на юг от залива Св. Франциска. Большинство гостей были молодые испанские гидальго, синьоры и синьориты, один другого старавшиеся перещеголять богатством и красками своих костюмов и туалетов. Молодые люди, как видно, гордились также размером и звоном своих громадных шпор. Между гостями суетилась их прислуга, приехавшая вместе с ними, главным образом горничные индианки.

Гости приехали рано, раньше чем их ожидали. Их встречал Ротчев, знакомясь с теми, кого он знал только по наслышке и сердечно здороваясь с другими, кого он лично знал и встречал прежде. Елена и Анна еще не выходили, так как им нужно было закончить свои туалеты. Среди гостей только и слышны были разговоры о молодой, живой и красивой супруге коменданта. Многие хотели ее видеть, наслышавшись так много о ее красоте и обаянии. Она была в центре внимания. Гости с нетерпением ожидали ее выхода, особенно те, кто никогда ее не видел, а таких было большинство.

Молодые гидальго, которые уже имели удовольствие видеть Елену прежде не скрывали перед другими своего восхищения красотой этого прекрасного «Цветка Севера», как они ее называли. Веселые, темпераментные, жгучие южане — испанцы, в большинстве приехавшие из своих имений в окрестностях Пуэбло де Иерба Буэнья, по берегам залива Св. Франциско, восторженно рассказывали своим друзьям о своих встречах с прекрасной блондинкой, северной красавицей.

До приезда Ротчевых в Форт Росс, испанцы, жившие в Калифорнии, с большой подозрительностью относились к деятельности русских, поселившихся по мнению испанцев на землях испанских владений Калифорнии. Правда, к моменту появления русских в селении Росс, никаких испанцев не было на север от залива Св. Франциска, на берегах которого в будущем вырос город-гигант Сан Франциско.

Действия русских и их желание поселиться прочно в Калифорнии, особенно в окрестностях Росса, сильно тревожило испанскую администрацию, и почти все время существования Форта Росс, до назначения туда Ротчева, отношения между русскими и испанцами были очень натянутыми. С приездом Ротчевых и особенно Елены, испанцы быстро потеряли свои враждебные чувства и недоброжелательность и, может-быть, под влиянием природного обаяния коменданта и его жены Елены, испанцы, как мужчины, так и женщины, были теперь без ума от своих новых знакомых. Может быть также большое значение сыграл тот факт, что Елена принадлежала к титулованной знати, была по рождению княжна Гагарина, что очень импонировало чопорным испанцам.

Испанцы быстро потеряли всю свою осторожность и неприязнь к русским и стали считать для себя честью быть приглашенными к Ротчевым. По всем испанским миссиям после этого только и было разговоров, что о гостеприимстве и хороших манерах Ротчевых и о красоте Елены и ее подруги Анны. Не менее поражали испанцев и лингвистические способности Ротчевых, говоривших свободно и по-немецки, по-французски, по-английски и даже по-испански. Нужно сказать, что слава о красавице Елене расходилась по Калифорнии вместе с подобной же славой об Анне. Разница была в темпераменте, а также и в положении. Елена, все-же, была супругой правителя русской колонии Росс, человека имевшего почти абсолютную власть над судьбами людей находившихся под его командой.

Не только молодые испанские гидальго, но и синьоры и синьориты также восхищались красотой Елены. Кроме того, их поражало богатство ее парижских туалетов, о которых они сами даже не мечтали. Интересно было то, что они даже не завидовали и не ревновали к Елене. Если они и говорили о туалетах молодой жены коменданта Ротчева, так это о вещах, которые были присущи ей. Они прекрасно знали о высоте социального положения Елены в Европе. Она для них была выше всех и на нее можно было только смотреть и восхищаться ею.

Нет необходимости говорить, что простые промышленные Форта Росс, охотники и землепашцы, русские, креолы и алеуты, они просто были «подданными» принцессы Елены.

Елена и сама, еще в России, привыкла к поклонению и, конечно, к тому, что всякое ее желание моментально исполнялось. В те времена крепостного права, дом был полон дворовых, лакеев и горничных, исполнявших ее приказания.

И здесь, в Россе, больше всего чувствовали власть Елены ее горничные, Дуня, привезенная ею из России и Маша, приставленная к ней здесь ее мужем, выбранная из среды местных креолок. Иногда Дуне и Маше крепко попадало от их барыни, в особенности, если что-нибудь не ладилось, но всегда в таких случаях она быстро отходила и чтобы как-то загладить свою строгость, дарила горничным что-нибудь из своего парижского гардероба.

В день своих именин, Елена встала рано, раньше обычного, часов около девяти. Она была страшно возбуждена. Ведь, сегодня будет праздноваться день ее Ангела, а главное, она увидит много новых людей, толпу испанцев.

Она быстро умылась, накинула что-то на плечи и побежала в спальню к Анне.

— Вставай, засоня, уже поздно. Проспишь мои именины, — затормошила она сонную Анну.

После быстрого завтрака, обе женщины начали свой трудный туалет. Нужно, ведь, было показаться новым людям, познакомиться, да и лицом в грязь не ударить, поддержать установившуюся репутацию, лицом в грязь не ударить, показать себя, чтобы Саша был горд своими дамами-красавицами. Он сам рано ушел в свой обычный обход, но обещал быть дома ко времени приезда гостей, некоторые из которых обещали приехать рано, сразу после завтрака.

Елена с Анной рассчитывали, что им возьмет час-два, чтобы одеться надлежащим образом с помощью Дуняши. и Маши Однако, не прошло и часа, как гости стали подъезжать целыми конными кавалькадами. Путь был нелегкий и многие из гостей должны были останавливаться переночевать в ранчо фермеров, начавших последнее время селиться между заливом Св. Франциска и рекой Славянкой, впадавшей в залив Бодего. Несколько семей остановились переночевать на ранчо соседа Ротчевых, американца Макинтоша, который имел довольно большое ранчо недалеко от Бодеги.

Гостей встречал Ротчев, старавшийся развлекать их до выхода своих дам из дома. Он уже начинал волноваться, что Елена с Анной так долго одеваются. Дуня с Машей совершенно измотались, бегом бегая из комнаты в комнату и стараясь предугадать желания своих барынь. Наконец корсеты затянуты, платья надеты и расправлены. Дуня поспешно надела парижские туфельки на ноги Елены: Анна была готова уже несколько минут и ожидала Елену. В последний раз они посмотрели в зеркала, осмотрели друг друга, еще раз, махнули пушками с пудрой по лицу, и направились к выходу.

Выход Елены с Анной, шедшей за ней, был действительно торжественным и импозантным. Толпа, стоявшая на площади перед домом коменданта, просто ахнула от восхищения, когда белокурая Елена, с волосами золотившимися от яркого полуденного солнца, появилась в дверях дома и медленно сошла по ступеням вниз, окруженная волнами своего роскошного платья. Вслед за ней спустилась Анна также восторженно встреченная гостями.

И действительно было на что посмотреть. Елена появилась на террасе своего дома, в своем кружевном платье ярких летних цветов. Можно было мысленно представить, видя ее, что это был торжественный выход королевы или герцогини в средние века, выходившей из своего замка, под восторженные восклицания восхищенной публики. Как-то забывалась окружающая, довольно простая и скромная обстановка, грубые потемневшие бревенчатые стены домов или высокой крепостной стены. Все это отходило на задний план, все забывалось и все, что видели люди, это было необыкновенное видение северной красоты. Может быть, наоборот, эти темные, почерневшие от ветров, непогоды и времени, стены, эти башни-блокгаузы по углам, эта маленькая очаровательная часовня, все это придавало соответ-

ствующий фон, напоминавший средневековье, создавало феерию двора старого замка, на фоне которого красота Елены еще более выделялась.

Гости торопливо окружили Елену, когда она сошла со ступеней террасы. Молодые кабалеро в своих ярких красочных костюмах окружили Елену и, грохоча своими громадными звенящими шпорами, торопились приложиться губами к руке принцессы.

— Принцесса, вы очаровательны! — восклицали они, — вы также прекрасны, как лучшие северные цветы вашей страны.

Не только молодые люди, но и дамы, синьоры и синьориты, окружили Елену и также радостно, с восторгом , приветствовали ее и восхищались ее красотой и туалетом. Они, по очереди, церемонно представлялись ей и приседали перед ней в глубоком реверансе, точно были на торжественном приеме в королевском дворце или, по крайней мере, на приеме у его превосходительства, губернатора Калифорнии.

Разговор вокруг только и был о красоте супруги коменданта о ее чудном туалете и необыкновенном аромате ее парижских духов.

Веселая, раскрасневшаяся от оживления, Елена переходила от группы к группе и представляла своим гостям подругу Анну, также ставшую предметом восхищения экспансивных испанцев.

— Я просто глазам своим не верю, — в изумлении смотря по сторонам, с жаром сказал Мануэль Макинтош, стоявший со своим хозяином Ротчевым на ступенях маленькой бревенчатой часовни, в юго-восточном углу форта. Макинтош, высокий, худощавый, жилистый американец, «сосед» русских поселенцев, был чисто и парадно одет по моде времени, чисто выбрит, но с длинными волосами довольно низко спустившимися позади на его шею.

— Какие яркие краски излучает эта веселая толпа. Все это вместе с яркими лучами солнечного света соединено с красотой июньского калифорнийского неба ... и в центре всего — очарование и красота вашей жены, Мистер Ротчев. Уж не вижу-ли я это все во сне? Разве мы не в диких пространствах дальнего запада, не живем ли мы в изолированных, маленьких селениях и фортах, окруженных угрюмыми, бревенчатыми стенами, которые все время, день и ночь, напоминают нам о постоянной возможности изменнического нападения враждебных индейцев! Здесь-ли мы или наоборот присутствуем на торжественном приеме величественного двора королей, на торжестве или празднестве в честь принцессы где-нибудь в Мадриде или Париже?

Ротчев, в изумлении, посмотрел на своего, обычно молчаливого, гриятеля-соседа.

— Мистер Макинтош, — восклкнул он, — что за сравнение! Он засмеялся. — Мне кажется, что ваши частые встречи с многоречивыми испанцами сильно повлияли на вас. Вы тоже стали выражаться довольно высоким штилем. Посмотрите только вокруг себя, посмотрите внимательно, взгляните на эти грубые, бревенчатые, мало-отесанные здания, на эту простоту, если не сказать бедноту окружающей нас обстановки, отсутствие всего, с чем у нас связано слово «цивилизация». Где только вы могли найти эти высокопарные сравнения?

Ротчев опять улыбнулся, положив руку на плечо «бостонца», как в то время называли всех, вновь прибывающих с восточного берега Америки.

Макинтош был один из тех, первых людей энергичного и бесстрашного типа, которые были первыми ласточками, первыми пионерами той огромной массы американцев, которые медленно и неуклонно двигались на запад Америки и которые в скором будущем начали заселение равнины Калифорнии.

Макинтош покачал головой, когда Ротчев, со смехом, пытался разубедить мечтательного «бостонца».

— Я не шучу, мистер Ротчев. Зрелище перед нашими глазами действительно изумительное. Никакие веселые фиесты в испанских селениях со всеми их красочными парафеналиями не смогут сравниться с красочностью того, что мы видим здесь, теперь, перед нашими глазами. Какая поразительная картина красоты! Ваш маленький форт, ваше селение, полное жизни, ваши поля — тоже картина жизни и изобилия, эти холмы за фортом и этот спокойный, тихий, синий океан! Не очень-то часто мы с вами можем похвалиться такой чудной погодой!

— Ну, мистер Макинтош, вы меня просто поражаете. Я вас не узнаю. Вы не только фермер, владелец ранчо и деловой человек; вы тоже и поэт!

Ротчев повернулся, и слегка наклонил голову в сторону громадного промышленного, русского, стоявшего недалеко от них.

— Хорошо, Филипп, можешь звонить в колокола, — сказал он и, повернувшись к своему американскому другу, он заметил, — мы хотим начать наше скромное торжество в этот день коротким богослужением в нашей часовне. У нас, как вы знаете, здесь нет священника, и, поэтому молитвы будет читать один из наших людей. Помолимся и попросим у Создателя защиты и

покровительства для моей Елены в день ее Ангела. Надеюсь, что вы и другие гости пойдете с нами в часовню.

Филипп умело взял концы веревок, опускавшихся на землю от языков колоколов на маленькой колокольне над часовней, энергично дернул и над площадью форта вдруг раздался резкий, высокий звук колокола. За ним другой и третий... Звон колоколов разносился далеко над равниной между горами и океаном. При звуке колокола все стоявшие во дворе сделали крестное знамение. Рабочие и охотники в поселке, услышав звук колокола, тоже скинув шапки, истово закрестились. Гости-испанцы, с удивлением посмотрели вокруг, но потом, скинув шляпы, тоже, по католически, закрестились. Задорный перезвон колоколов понесся над полями, рощами и, казалось, зашевелил листья деревьев на склонах гор, мелодично поплыл над кладбищем форта, где лежали, навеки успокоившись, основатели форта, когда-то много лет тому назад пришедшие туда с Кусковым.

— Не замечательно-ли это, мистер Макинтош, что вот эти колокола, звон которых вы теперь слышите, были отлиты в Петербурге и вот, ведь, добрались сюда до самых отдаленных владений России, — Ротчев задумчиво посмотрел на маленькую колоколенку, где задорно вызванивали колокола, призывая молящихся в церковку.

Он взглянул в сторону комендантского дома:

— О, я вижу моя жена и Анна идут сюда с гостями.

Он поспешил навстречу Елене и предложил ей руку.

— Ну что, дорогая, в праздничном настроении сегодня? Выглядишь ты чудесно. Надеюсь довольна началом дня своего Ангела. Твои первые именины в Калифорнии! — Ротчев прижал к себе ее руку. — Я также надеюсь, что ты не сильно грустишь, что сегодня, около тебя нет твоих родных и близких друзей, к обществу которых ты привыкла в России. Ты меня не осуждаешь, что я притащил тебя в такую глушь?

Елена, со счастливой улыбкой, прижалась к нему.

— Не будь глупеньким, Саша. Ты же знаешь, что я здесь счастлива, а главное потому, что я с тобой, что мы здесь вместе.

Ротчев оглянулся на Анну и других.

— Не отставайте, Анна. Пойдем внутрь!

Елена с мужем, она опираясь на его руку, медленно поднялись по тяжелым деревянным ступеням в церковку. За ними туда вошла Анна и втиснулись внутрь те из гостей, кто мог

войти. Часовня была маленькая и, обычно, не вмещала всего населения поселка, особенно в праздничные дни.

— Как тихо здесь и так молитвенно спокойно, — прошептала Елена, — поистину дом молитвы!

Она прошла вперед с Ротчевым.

— Мне просто не верится, что вначале я даже боялась жить здесь... боялась диких индейцев! Мне говорили, что индейцы могут напасть на форт и всех нас перебить здесь... запугивали наверно, не хотели чтобы я ехала сюда. Как глупо! Все те индейцы, которых я видела здесь, прекрасные люди и я преисполнена самого большого уважения к ним. Они совсем не опасны, не правда-ли, Саша?

Ротчев пожал ей руку.

— Пока что мне на них жаловаться не приходилось, отношения у нас с соседними индейцами прекрасные, лучшего и желать не надо. Но, надо всегда помнить завет Кускова — держи ухо остро и будь на чеку — и тогда все будет в порядке.

Церковь содержалась в идеальной чистоте. Пол был выметен и выскоблен до-бела, деревянные стены тоже вымыты. В открытые окна лились струи дневного света. В церкви алтаря не было, так что, это скорее, была часовня или даже молельня. На задней стене висело несколько старинных икон, очень древнего письма. Среди этих икон особенно выделялись две, которые невольно привлекали к себе внимание. Одна была большая икона Спасителя посредине стены и другая, совсем старая, почерневшая, была икона Св. Николая Чудотворца.

Пройдя вперед и остановившись у икон, Ротчев с женой несколько раз, молча, перекрестились. За ними закрестились и другие жители форта, а также и испанцы-католики.

Старик Афанасий вышел вперед перед молящимися, раскрыл один из молитвенников, лежавших на столике и, поклонившись Ротчевым, стал медленно, нараспев, читать молитвы. Молитвы читались все подряд, все, которые были в молитвеннике.

Прочтя молитву он останавливался, несколько раз молча и истово крестился, потом переворачивал страницу и читал дальше. Это чтение молитв было формой церковного богослужения в селении Росс, это было все, что они знали и были особенно благодарны Афанасию за его умелое, почти профессиональное, «церковное» чтение молитв.

Макинтош стоял в углу часовни и, с интересом, если не с изумлением, наблюдал за этой простой церковной службой своих

русских соседей. До этого он никогда не присутствовал в русской церкви, да кажется и вообще-то никогда не бывал ни в какой церкви. Его поразило это молитвенное настроение всех русских молящихся, видно было искренне молившихся о здравии своей «принцессы».

И, действительно, зрелище было захватывающим. Молчаливая толпа стояла без звука и молитвенно прислушивалась к словам священных молитв, читавшихся Афанасием. Лучи солнца пробивались в три небольших окна и освещали тех, кто стоял у окон. Другие же, казалось, стояли в полутьме. Окна церкви выходили на площадь форта. В других стенах окон не было из-за опасности нападения индейцев. Особенно опасались индейских атак жители форта в первые годы существования Росса, когда правил фортом первый правитель Кусков, имя которого теперь стало легендой.

Меньше всего думали первые поселенцы, строители форта, о красоте или удобствах своих построек. Как форт, так и его часовня, которая была частью фортификаций форта, строились крепко и добротно с таким расчетом, чтобы стены форта и его часовня могли бы выдержать осаду и атаки индейцев. Все было построено 29 лет тому назад, как видно с расчетом не только жить, но и оставаться в Калифорнии надолго.

Кусков, построивший Форт Росс, знал, что он делал, когда выбирал бревна покрепче, да потолще для стен и построек форта. Он ничего не оставлял случаю, все старался предусмотреть и предвидеть. Слишком хорошо помнил он Ситкинскую трагедию; ужасное, кровавое избиение русских охотников и алеутов, живших в маленьком остроге, называвшемся Михайловский форт (или Форт Св. Михаила), на острове, где теперь стоит город Ситка. Это было лет за десять до постройки Кусковым Форта Росс в Калифорнии, но память об этой трагедии не оставляла его долгие годы. В окрестностях Михайловского форта жили индейцы, принадлежавшие к группе враждебного племени колошей. Форт был маленький, только что основанный, и в то время был самым дальним пунктом проникновения русских в Америке.

Индейцы-колоши, через своих женщин, хорошо изучили обычаи и привычки русских промышленных, а главное, узнали, что охрана форта ведется довольно халатно, несмотря на строгие инструкции правителя Баранова, пославшего их на Ситку. Соседние индейцы казались довольно дружелюбными, отношения с ними были прекрасными. Одного не знали защитники форта,

это того, что индейцы ловко и умело скрывали свою ненависть к белолицым. Однажды, когда большинство охотников было в море или в лесах на охоте, индейцы напали на форт, сожгли его до тла, истребили защитников, замучили на смерть пленных и не оставили на месте форта ничего — только золу от догоревших укреплений. Только единицы защитников форта спаслись во время этой ужасной кровавой бойни.

Правитель Баранов позже вернулся на пепелище с подкреплениями, разбил индейцев и захватил их укрепление на холме, где он основал свое главное управление американскими владениями и возвел новый форт, впоследствии ставший городом Ново-Архангельском, недалеко от разрушенного Михайловского форта.

Воспоминания об этом ужасном событии были постоянным напоминанием Кускову о необходимости быть всегда, день и ночь наготове, даже в далекой Калифорнии, где отношения с соседними индейцами были самыми наилучшими. Правда, индейцы в Калифорнии, казалось, принадлежали к другим, более миролюбивым племенам, чем воинственные колоши на севере.

Тем не менее Кусков установил в своем новом селении Росс суровую, военную дисциплину. Форт охранялся день и ночь, регулярно сменявшимися часовыми. Всегда заряженные пушки сурово глядели во все четыре стороны от стен форта, а кроме того, на угловых башнях-блокгаузах все время осматривали местность вокруг внимательные часовые, вооруженные новыми ружьями. Вначале, при Кускове, форт имел только десять пушек, но потом, постепенно, количество пушек увеличилось и к тому времени, когда Ротчев был назначен правителем форта, там уже было сорок пушек.

После короткой церковной службы в часовне, Ротчевы вышли на двор и, окруженные гостями, направились к комендантскому дому. Экспансивные испанцы окружили Елену, поздравляя ее с торжественным днем в ее жизни. Там и здесь только и слышны были обрывки фраз, выражающих восхищение ее необычной северной красотой.

— Господа, мы не можем больше держать вас голодными, — со смехом, громко провозгласил Ротчев, — пожалуйста, к столу. Мы знаем, что вы все голодны, в особенности после такого длинного и утомительного путешествия.

— Пожалуйста, садитесь за стол, — приглашала Елена.

С шумом, смехом и веселыми возгласами, гости стали рассаживаться вокруг большого длинного стола, установленного против входа в комендантский дом, прямо на лужайке.

Стол был прекрасно декорирован не только дикими цветами, собранными на полях и склонах гор, цветов было изобилие, но и букетами садовых цветов, выращенных в оранжерее форта, построенной только два года тому назад.

ГЛАВА 8

ФИЕСТА

Все казалось новым и необычным для испанских гостей в этом необыкновенном русском селении, о котором большинство испанцев знало только по наслышке. Некоторые из гостей приехали из форта Нуева Гельвеция, построенного небезызвестным капитаном Суттером, бывшего ближайшим фортом от селения Росс. Другие-же приехали из далекого Сан Франциско и даже из Сан Хозе. Некоторым, в особенности семейным, пришлось ехать несколько дней на лошадях, телегах и специальных носилках для дам. У всех было одно большое желание это самим посмотреть, как живут русские, и убедиться собственными глазами насколько правдивы были рассказы, распространявшиеся по всей Калифорнии о богатстве Форта Росс, а главное, может быть, наяву увидеть красоту «принцессы» Елены Ротчевой, правительницы легендарного форта, спрятавшегося где-то в лесах и горах северной Калифорнии.

Путешествия в этих пустынных местах были не безопасными, особенно еще и потому, что испанцы, прививавшие свою «культуру» огнем и мечом местным индейским племенам, не были особенно популярными среди них. Если соседние индейские племена, жившие по соседству с миссиями, считались дружественными, потому что они хорошо испытали на себе месть испанцев, то другие индейцы, жившие в северной Калифорнии и имевшие мало контакта с испанцами, могли быть опасными. Испанцы, поэтому, отправились в Форт Росс целыми караванами с опытными проводниками и, конечно, все мужчины были вооружены до зубов.

Правда, территория между заливом Святого Франциска и горами Сиерра-Невада и куда-то далеко на север, дальше от

Форта Росс считалась находящейся под властью могущественного вождя Солано, который субсидировался губернатором Монтерея. Поэтому можно было ожидать, что Солано примет меры к тому, чтобы отдельные индейские группы не нападали на кавалькады путешественников. Приказа Солано или даже одного его слова было достаточно, чтобы ни один индеец не посмел его ослушаться. Слишком хорошо всем была известна жестокость и беспощадность Солано, когда он расправлялся с виновными, осмелившимися ослушать его приказов.

Для большей безопасности путешественников, отправившихся в Форт Росс, губернатор Калифорнии послал к Солано из Монтерея специального курьера с просьбой оказать содействие и защиту испанцам. Нужно сказать, что Солано свято придерживался заключенного договора с испанцами. Поездка до Форта Росс прошла без приключений и за все время, испанцы, в пути, не встретили ни одного индейца. Всех индейцев, как будто ветром сдуло. Не видно было ни души, ни селения, даже ни одного дымка на горизонте.

Нет никакого сомнения, что Форт Росс произвел на гостей — испанцев большое впечатление. Конечно, это русское селение нельзя было сравнивать со столицей испанской Калифорнии — Монтереем. Монтерей в это время уже был большим городом, центром испанской Калифорнии, со своими величественными церквами, богатыми каменными и кирпичными домами, придававшими городу типично испанский колорит.

Форт Росс, по сравнению с Монтереем, был маленьким селением, небольшой крепостцей пионеров, смелых русских землепроходцев, с его почерневшими бревенчатыми зданиями, которые скорее можно было назвать избами, с его высокими суровыми стенами и угловыми башнями все время напоминавшими об опасности и возможности нападения диких индейцев. Несмотря на неприхотливость построек форта, на угрюмый вид крепости, видно было, что форт живет полной жизнью. Поля зеленеют тучной пшеницей и овсом, везде видны люди; на берегу, на верфи, стоит в ремонте два больших корабля каботажного плавания, связывающие Форт Росс с внешним миром и прежде всего, конечно, со столицей русских владений в Америке — Ново-Архангельском, и с испанскими президио в Сан Франциско и Монтерее. Предприимчивость русских поражала испанцев, а особенно их безграничная энергия. Сотни лет жили испанцы в Америке, многие десятки лет в Калифорнии, и все еще часто

страдали от недостатка пил и топоров и даже простых гвоздей. Русские основатели Форта Росс быстро устроились, обосновались и скоро стали снабжать всю Калифорнию своими гвоздями, топорами и железными болтами. В течение трех десятилетий своего существования Форт Росс, после его основания Кусковым, стал главным поставщиком испанцев не только предметами самой насущной необходимости, но даже принимал заказы на постройку крупных морских кораблей. Даже старинные испанские католические миссии не гнушались заказывать свои церковные колокола от Российско-Американской Компании.

Сам Форт Росс почти ни в чем не нуждался со стороны, в особенности в продуктах. Все необходимое выращивалось на землях форта. Его мельница поставляла поселенцам превосходную муку, а его кузницы и мастерские изготавливали все необходимые вещи из дерева и железа.

Гости испанцы были поражены увидеть амбары, ломившиеся от зерна; большие склады, полные сельско-хозяйственных орудий, подобных которым они не встречали в своей части Калифорнии. Избы поселенцев выглядели богато, с нарядными занавесками на окнах и неизменными горшками с яркими цветами на подоконниках. Фруктовый сад недалеко от форта был прекрасно распланирован Кусковым и первыми поселенцами форта. В саду было большое разнообразие фруктовых деревьев, среди которых были и яблони, груши, сливы и персики, также как и масса винограда.

Больше всего поразила гостей хорошая организация всей деятельности форта, под управлением Ротчева. Трудно было поверить, что это был аванпост русских пионеров, маленький форт в диких местах Калифорнии. Вся эта хорошо-смазанная и организованная машина скорее напоминала образцово-ведущееся имение где-нибудь в России или в какой-либо другой европейской стране.

Прекрасные, светские манеры Ротчева и его очаровательная жена Елена буквально покорили экспансивных испанцев, которые глаз не сводили с красавицы Елены. Только и слышны были восклицания восхищения и похвалы по ее адресу. Да и трудно было не согласиться с ними, потому что Елена, вообще-то бывшая картиной необыкновенной красоты, сегодня, чувствуя внимание и слыша комплименты со всех сторон, как-то особенно излучала эту красоту. Она, казалось, хотела поделиться со всеми этим Божьим даром ей.

Многие испанцы, из любопытства приехавшие в русское селение, вначале разглядывали своих хозяев с некоторой осторожностью и даже опасением. В них еще сильно было чувство недоброжелательства по отношению к русским за то, что они почти тридцать лет тому назад пришли на эти, как они считали, испанские земли, обосновались там и как будто даже не собирались уходить, несмотря на бесконечные протесты и даже угрозы вначале испанского правительства, а затем, с объявлением независимости Мексики, на протесты мексиканского правительства.

Конечно, за тридцать лет существования Форта Росс, отношение многих испанцев, может-быть даже большинства их, совершенно изменилось, главным образом благодаря искусным дипломатическим способностям Ротчева. Отношения его с мексиканской администрацией в Монтерее были самыми наилучшими, особенно после того, как все недоразумения были выяснены и приняты меры к мирному разрешению взаимных инцидентов. Многие испанцы к этому времени диаметрально изменили свои мнения о русских, живших в селении Росс и стали самыми лучшими друзьями Ротчева.

Приглашение Ротчева после церковной службы садиться за стол, прямо под открытым, солнечным, калифорнийским солнцем, не нужно было повторять. С шумом, смехом и шутками хозяева и гости стали рассаживаться по местам. Обедавших было не мало. Кроме хозяев, Ротчева с женой, Анны, Николая и Ефрема, главных помощников коменданта по управлению фортом, а также двух ученых, Черных и Вознесенского, за столом сидело не менее тридцати испанцев, мужчин и женщин. Среди гостей также был и ближайший сосед русских американец Макинтош.

Все остальное население форта, русские промышленные, креолы и алеуты не отставали от коменданта, и шумно праздновали за стенами форта, где им было выдано достаточно пищи и водки, чтобы веселиться до самого утра. Весь день и до поздней ночи можно было слышать шум и смех на улицах селения, веселое пение и пляски, под аккомпанимент нескольких балалаек.

С правой стороны Ротчева за столом сидел Макинтош, человек лет сорока пяти и довольно сомнительной репутации. Ротчев, однако, любил его, может-быть потому, что он был человек прямой, а, кроме того, бывалый и много видевший. Не нужно забывать, что вокруг Ротчева, кроме Елены и Анны, были люди

самого низкого социального уровня, в большинстве неграмотные, с которыми, конечно, трудно было разрешать мировые проблемы. Даже оба ученых были настолько увлечены своими узкими специальностями, что все, что было вне поля их специальности и работы, очень мало интересовало их. С Макинтошем же Ротчев мог разговаривать обо всем, поговорить о России и русских делах и узнать многое о молодой республике на американском континенте.

Макинтош довольно часто наведывался или в Форт Росс или на заимку у залива Бодего, в 18 милях южнее форта, куда часто на несколько недель исчезали Черных и Вознесенский, работавшие там над своими научными исследованиями. У русских в Бодего была прекрасная закрытая гавань, куда заходили корабли с Ситки и даже корабли других наций, так как Залив Росса был совершенно открытым и опасным в бурную погоду. Ранчо Макинтоша находилось недалеко от Бодего и поэтому, когда ему, в одиночестве, становилось тоскливо и невыносимо, он наезжал в заимку, если оба ученых были там, или же заезжал к Ротчеву в Форт Росс.

Русские вначале относились к американцу с большим подозрением, подозревали в нем шпиона, подосланного американским правительством, чтобы разведать все о деятельности русских в Калифорнии. В это время в Калифорнии особенно около Сан Франциско и Монтерея появилось много янки, которые вели себя довольно подозрительно и вызывали неудовольствие даже мексиканцев. Ротчев и администрация Русской Америки, не без основания, подозревали, что эти фермеры имеют какие-то свои планы, может-быть планы отторжения Калифорнии от Мексики и присоединения ее к Северо-Американским Штатам. Однако, в 1841 году, Ротчев был уже достаточно хорошо осведомлен о том, что ему и всем русским скоро придется удалиться из Калифорнии и вернуться на Аляску. Поэтому, его мало беспокоило, был ли Макинтош просто фермером или тайным агентом американского правительства.

Он ему нравился своей прямотой, а главное, был прекрасным компаньоном за стаканом вечернего чая. Макинтош много рассказывал о своей стране, о Бостоне, откуда он приехал много лет тому назад на шкуне, обогнувшей бурный Мыс Горн. Конечно, Ротчев слышал и знал кое-что о туманном или скорее сомнительном прошлом Макинтоша, но он закрывал глаза на эту фазу его жизни.

Он знал, что Макинтош появился по соседству с русскими селениями в Калифорнии не очень давно, может-быть года три-четыре тому назад. Вначале он поселился на ранчо недалеко от Залива Бодего вместе со своим компаньоном Джемсом Доусон. Они вместе охотились, заводили приятельские отношения с соседними индейскими племенами, даже начали обрабатывать землю. Совместными усилиями построили прекрасный дом на своей земле, на зависть испанцам, жившим дальше на юг и на восток. Два года тому назад, приблизительно в начале 1839 года, Макинтош съездил по делам в Монтерей и, между прочим, оформил в канцелярии мексиканского губернатора свои претензии на ранчо и окружающие земли. По какой-то неизвестной причине, он «забыл» пометить на документе на право владения землями имя своего компаньона Доусона. Таким образом, формально, он стал единоличным владельцем ранчо.

Когда это стало известно его компаньону, Доусон, с помощью индейцев схватил Макинтоша, связал его и немилосердно, до безчувствия, отхлестал его плетью. Так как ранчо все-же оставалось собственностью Макинтоша, разъяренный Доусон, опять-же, с помощью индейцев, распилил дом, в котором он жил с Макинтошем, пополам, и затем перевез половину дома, которую он считал своей, на другое ранчо вверх по реке Славянке, которое он закрепил за собой.

За столом, по левую руку Ротчева, сидел молодой испанский офицер, лейтенант Альфрез Пина, доверенное лицо генерала Валлейо, в то время бывшего самым влиятельным человеком в Калифорнии, с мнением которого приходилось даже считаться бессильному мексиканскому губернатору в Монтерее. Генерал Валлейо был богатым владельцем земель по реке Сакраменто и также был командиром гарнизона Сономы. На его обязанности лежало поддерживать мир и спокойствие в северной Калифорнии, чего он добивался довольно простым способом, подкупом самого могущественного вождя индейцев Солано.

Не лишне напомнить, что имя лейтенанта Пина фигурировало в небезызвестном инцинденте с американским кораблем «Лозанна», год тому назад, в 1840 году, когда отношения между комендантом Ротчевым и генералом Валлейо обострились настолько, что можно было ожидать вооруженного столкновения между русскими и испанцами. Только совсем недавно и то, только благодаря усилиям агента Российско-Американской Компании в Иерба Буэна (Сан Франциско) Костромитинова, все шерохова-

тости в отношениях были сглажены, и Валлейо опять подружился с Ротчевым настолько, что даже решил отправить лейтенанта в Форт Росс, как официального представителя генерала на торжествах там по поводу именин жены Ротчева.

Недоразумение с «Лозанной» произошло в июле 1840 года, в связи с прибытием в Залив Бодего американского корабля, под командой капитана Джошуа Спалдинг.

Бодего, как известно, довольно удобная гавань, в 18 милях на юг от Форта Росс, где обычно становились на якорь корабли привозившие припасы и пополнения для форта. Все иностранные корабли, прибывающие в Калифорнию, по распоряжению мексиканских властей, должны были разгружаться в Заливе Сан Франциско, где капитаны кораблей уплачивали полагающуюся пошлину. Капитан Спалдинг решил, что порт Бодего был русским владением, не подчиняющимся мексиканским законам. Поэтому, он решил, что придя в Бодего, ему не нужно будет платить мексиканцам пошлину, которая была довольно высокой. Он не знал того, что русские пользовались Заливом Бодего только потому, что Форт Росс не имел удобной гавани. Русские в то время хотя и имели несколько заимок в районе Залива Бодего и на территории между Бодегой и Россом, тем не менее не считали Бодегу русской территорией, главным образом, чтобы не раздражать испанцев, постоянно протестовавших даже против существования Форта Росс.

К сожалению, к моменту прибытия «Лозанны» в Бодегу, Ротчева не было в Россе, так как ему нужно было посетить по делам Монтерей. Ротчев поехал в Монтерей на конференцию с губернатором Альварадо, главным образом для того, чтобы как-то улучшить отношения между мексиканцами и русскими, а также сделать первые намеки мексиканской администрации о возможности ухода русских из Калифорнии, если русские смогут получить хорошие деньги за Форт Росс. С уходом русских из Форта Росс, предполагалось, что отношения между русскими и мексиканцами улучшатся.

Как оказалось, капитан Спалдинг сошел на берег в Бодеге, вместе с четырьмя пассажирами и не нашел ни одного русского официального лица с которым он мог бы вести переговоры. Как нарочно, Ротчев был в Монтерее, а оба ученых Черных и Вознесенский, уехали в Форт Росс, где они решили провести день. Не найдя русской администрации на берегу, капитан Спалдинг попросту нанял Макинтоша проводником, чтобы доставить его

в Сан Франциско, а четыре пассажира довольно подозрительного вида и вооруженные до зубов достали лошадей у того же Макинтоша и отправились в Соному.

Генерал Валлейо был необычайно удивлен, когда вдруг в его кабинет в Сономе ввалилось четверо подозрительных авантюристов, увешанных «артиллерией» и потребовали, чтобы он выдал им паспорта и специальные пропуска по мексиканской территории для проезда в Сан Франциско.

Присутствие четырех вооруженных людей на подчиненной ему территории и их наглые требования возмутили генерала Валлейо. Он немедленно отдал приказ разоружить их и посадить за решотку. Что особенно возмутило его, это то, что русская администрация Форта Росс, якобы, нарушила соглашение между русскими и мексиканцами и разрешила Спалдингу высаживать пассажиров и выгружать товары в районе Залива Бодего.

Он вызвал своего помощника лейтенанта Альфреза Лазаро Пина и отдал ему приказ, без промедления, что называется «на рысях», с отрядом мексиканских солдат отправиться в Бодегу и потребовать от Ротчева, чтобы такие инцинденты больше не повторялись.

Лейтенант Пина, прибыв в Бодегу, не нашел в окрестностях залива ни одного русского и, в ожидании дальнейших распоряжений от Валлейо, расставил на берегу часовых и запретил офицерам корабля «Лозанна» спускать пассажиров на берег и разгружать корабль в гавани.

Капитан Спалдинг, ничего не зная и не подозревая, что произошло в Бодеге, побывал в Сан Франциско у агентов своей компании, нанес визиты официальным лицам и решил отправиться обратно на свой корабль, стоявший в Заливе Бодего. По пути, он сделал небольшой крюк и решил посетить, из вежливости, правителя земель в северной Калифорнии генерала Валлейо. Прием у Валлейо, как и следовало ожидать, был далеким от того, что он ожидал.

Экспансивный и темпераментный испанец чуть не с кулаками набросился на Спалдинга. Во время бурной сцены, генерал Валлейо заявил, что не выпустит шкипера «Лозанны» из Сономы, пока тот не заплатит ему полной пошлины, причитающейся за выгруженные товары и высадку пасажиров. Словесная схватка была довольно бурной и ожесточенной, потому что Спалдинг упорно настаивал, что он выгружался на русской территории Залива Бодего, которой юрисдикция испанцев не касалась. Мало

того, он также утверждал, что выгрузка состоялась с разрешения русского коменданта Ротчева. В конце концов капитан Спалдинг увидел, что он в сущности, оказался пленником генерала Валлейо, так как тот не позволял ему выехать в Бодегу, не уплатив причитающейся с него пошлины. Спалдингу пришлось сдаться и, уплатив скрепя сердце пошлину, он смог отправиться в обратный путь на свой корабль.

Генерал Валлейо, все еще не успокоившись, послал одновременно с отъездом капитана Спалдинга, добавочные инструкции своему помощнику Пине и приказал ему немедленно побывать у Ротчева и заявить формальный протест мексиканской администрации против допуска «Лозанны» в Бодегу. Он также утверждал, что район Бодеги принадлежал мексиканскому правительству.

Согласно законов того времени, высадка на берег и выгрузка товаров в Северной Калифорнии запрещалась, кроме одного порта Сан Франциско, где капитаны кораблей платили установленную пошлину. Поэтому генерал Валлейо потребовал от Ротчева, через своего лейтенанта Пина, гарантий, что Ротчев в будущем не позволит кораблям пользоваться Бодего для этих целей.

В то время, как этот инциндент принимал серьезные размеры, Ротчев, ничего не подозревая о случившемся, вернулся в Форт Росс из Монтерея. Когда ему было доложено о деятельности испанцев в Бодеге и даже о военной «оккупации» района вокруг Залива Бодего, Ротчев пришел в ярость. Он собрал большой вооруженный отряд, человек в пятьдесят, и во главе отряда прискакал в Бодегу. Под угрозой оружия русских, маленькая группа испанцев побоялась сопротивляться и угрюмо смотрела, когда Ротчев отдал приказ поднять над Бодегой русский флаг.

Когда обозленный лейтенант Пина пытался протестовать и угрожать репрессиями со стороны генерала Валлейо, Ротчев, с пистолетом в руке, сказал ему, что Бодего является собственностью Российско-Американской компании и, больше того, он разрешает любому пассажиру «Лозанны» сойти там на берег, гарантируя им защиту Форта Росс.

Словесная стычка между Ротчевым и лейтенантом Пина дошла до того, что в любую минуту можно было ожидать вооруженного столкновения между обеими группами. Стычка, однако, была предотвращена главным образом благодаря вмешательству Макинтоша. Да и Ротчев сам, скоро пришел в себя. В конце и

Пина увидел, что со своим десятком солдат он не мог сопротивляться большому отряду русских и, грозя всякими напастями, он, в негодовании, скомандовал своим солдатам седлать коней и скоро вся группа карьером помчалась обратно в Соному, скрывшись в густых облаках пыли.

Генерал Валлейо, получив обстоятельный доклад лейтенанта Пины о случившемся, немедленно же сел за стол и написал сердитое, если не сказать оскорбительное письмо Ротчеву, в котором требовал объяснений. Мало того, он также приложил письмо, адресованное губернатору Русской Америки в Ново-Архангельске, у которого Ротчев был в подчинении, и требовал, чтобы Ротчев переслал это письмо немедленно в Ново-Архангельск. Более того, Валлейо угрожал, что если Ротчев не выполнит его требования, он вынужден будет запретить ему и его подчиненным путешествовать по Калифорнии, угрожая, в противном случае, применить силу.

Когда курьер генерала Валлейо приехал в Форт Росс с этим письмом, Ротчев, в недоговании, отказался принять письмо Валлейо для пересылки правителю в Аляску и вернул его обратно генералу. В своей ответной записке генералу Валлейо он написал, что считает его письмо оскорбительным не только для себя лично, но также и для поста, доверенного ему русским правительством и Российско-Американской компанией.

В течение нескольких месяцев после этого отношения между Ротчевым и Валлейо оставались натянутыми. Только поездка бывшего правителя Аляски Купреянова в Сан Франциско и Монтерей, где он постарался сгладить инциндент и вновь установить хорошие отношения между мексиканцами и русскими, живущими в Форте Росс, несколько разрядили наэлектризованную обстановку. Приезд, после этого, постоянного агента Русско-Американской компании в Сан Франциско Костромитинова и его неустанные попытки примирить мексиканцев с русскими, в конце концов, привели к желаемым результатам. Ссора была забыта, по крайней мере о ней старались не вспоминать, и вскоре Ротчев и генерал Валлейо сделались, по крайней мере внешне, друзьями. Генерал Валлейо даже однажды посетил Форт Росс, был гостем Ротчевых один день, а Ротчев со своей женой тоже побывал раза два в Сономе у Валлейо. Один раз, они даже присутствовали на большой фиесте, устроенной в имении Валлейо, по случаю какого-то праздника.

Одно время генерал Валлейо с очень большим подозрением относился к действиям русских в Калифорнии и, вообще, относился с недоброжелательством к их присутствию, как он заявил, на «исконных испанских» землях. Упорно ходили слухи, что русские не только не собирались покидать Форт Росс, но даже имели намерения расширить свои владения на юг до залива Сан Франциско и на восток до реки Сакраменто. Некоторые слухи даже утверждали, что русские намерены захватить территорию до самых гор Сиерры Невады. Это значило, что и земли генерала Валлейо и земли другого магната Суттера попали бы в руки русским.

За последнее время, однако, стали серьезно поговаривать, что русские покидают Форт Росс после почти тридцатилетнего пребывания в Калифорнии и это способствовало улучшению отношений между русскими и мексиканцами. Не мало, конечно, повлияло на это и умение Ротчева подойти к людям, а также и природное обаяние Елены Ротчевой, под влияние красоты которой испанцы подпадали с первой же встречи с ней.

Ко времени описываемого дня ангела Елены, генерал Валлейо стал почти лучшим другом Ротчевых и не пропускал случая, праздника или дня рождения, чтобы послать им какой-нибудь ценный подарок и, конечно, Ротчевы отвечали ему тем же. Несмотря на установившиеся хорошие отношения, Валлейо все время наблюдал за деятельностью русских и, с помощью подкупленных индейцев из племени вождя Солано, он знал все, что творилось в русском поселке Росс.

Сидя за большим праздничным столом на лужайке против комендантского дома, в день торжества в честь жены Елены, Ротчев невольно вспомнил о своем столкновении с Валлейо и его помощником лейтенантом Пина, сидевшем сейчас по левую руку от него. Он вдруг рассмеялся:

— Помните синьор Пина, как мы с вами чуть не всадили клинки шпаг в наши тела, год тому назад?

Лейтенант Пина усмехнулся и провел рукой по своим пышным, холеным усам.

— Да, комендант... боюсь, что мы тогда погорячились. К счастью, ведь этот инциндент был благополучно разрешен без пролития крови. Я счастлив, что мы теперь в самых лучших отношениях, о которых можно только мечтать, а главное, мы теперь лучше знаем друг друга.

Сидевший рядом с Макинтошем, Себастиан Кайзер присоединился к разговору.

— Да, — заметил он, медленно произнося слова, — этот инциндент вызвал интерес и у нас, в нашей Нуева Гельвеция. Наш капитан Суттер с большим интересом следил за всеми развитиями этого дела.

Ротчев искоса посмотрел на него и немного поморщился. Он не любил Суттера и подозревал, что этот искатель приключений, авантюрист, был очень заинтересован в том, чтобы разжечь вражду между испанцами и русскими и самому половить рыбку в мутной водице.

Себастиан Кайзер был профессиональным охотником, траппером, на службе Суттера и, в сущности, правой его рукой. Он помогал Суттеру расширять его владения, главным образом по реке Сакраменто. Кайзер попал в Калифорнию не так, как все морем, а прямо через весь континент Америки, в крытой телеге, вместе с Суттером, с которым он вначале обосновался в Орегоне. Непоседливый Суттер не ужился в Орегоне, слишком уж дикие были места, и в 1838 году он расстался с Кайзером, который еще два года пытался заниматься охотой там. За эти два года Суттер попутешествовал порядочно. В конце концов он обосновался в Калифорнии и сразу же раздул свое дело на широкую ногу. Он сумел заявить права на большие пространства целинной земли, главным образом в долине реки Сакраменто и стал успешно заниматься хозяйством и скотоводством, пользуясь для этого дешевым индейским трудом.

Тирольский австриец по происхождению, Себастиан Кайзер, в этом году приехал к Суттеру из Орегона и сразу же стал его правой рукой. Это был типичный тиролец с круглыми, пухлыми, розовыми щеками, которые все еще не потеряли своего румянца даже после нескольких лет скитаний по диким местам Запада Америки. Кайзер приехал к Ротчевым по поручению своего патрона Суттера, чтобы от его лица поздравить супругу коменданта с днем ее ангела. Сам Суттер, по какой-то причине приехать не смог.

Нельзя было сказать, чтобы Кайзер жалел, что ему нужно было посетить Форт Росс. Он любил выпить и был знатоком хорошего вина, вкус к которому он приобрел еще в Европе, до своего приезда в Америку. У Ротчевых, он слышал, был большой запас прекрасных вин и поэтому Кайзер был более, чем заинтересован в поездке в Форт Росс. Его ожидания вполне

оправдались, потому что таких вин, как те, которые были предложены гостям Ротчевых, Кайзер не видывал и не пробовал за все время своих странствований по Америке.

Гости за столом, как видно чувствовали себя совершенно непринужденно. Может-быть этому способствовали вина, подносившиеся, подававшиеся и подливавшиеся в бокалы здоровыми мускулистыми охотниками, специально приодетыми в чистые белые рубахи и широкие шаровары. Время шло незаметно и к закату солнца гости все еще сидели за столом. Там и здесь раздавались взрывы смеха, доносились обрывки разговоров. Видно было, что гости поели на славу и теперь, понемногу потягивая вкусное вино, удовлетворенно разговаривали со своими соседями по столу. Время от времени, издали, из-за стен форта раздавались громогласные взрывы смеха из поселка охотников, рядом с Фортом Росс. Можно было явственно слышать звуки веселых гармоник. Там видно дошло до пения и плясок.

Солнце, совершив свой дневной путь, готовилось к тому, чтобы опуститься в глубокие воды Тихого Океана. На ясном, чистом небе, оно все еще светилось ярко, хотя видно уже было, как длинные тени протянулись стрелами от высоких сосен у подножья гор. Тени становились все длиннее и длиннее.

Больше всего внимания гостями уделялось, как и следовало ожидать, самой виновнице торжества Елене Ротчевой. Она была окружена группой молодых испанских дам с интересом слушавших ее о впечатлениях «принцессы», посетившей Париж перед своим отъездом в Калифорнию. Дамам, прожившим всю свою жизнь в Калифорнии, не верилось даже, чтобы кто-то мог приехать в эти дикие места из столицы Франции, и столицы мод — Парижа.

Недалеко от группы дам сидели два молодых испанских кабальеро, старавшихся не пропустить ни одного слова Елены и влюбленно следивших за каждым ее движением. Они глаз не сводили с красавицы Елены.

Каждый раз, когда она хотела что-нибудь со стола, оба гидальго одовременно вскакивали со своих мест и, спотыкаясь о свои гигантские шпоры, кидались исполнить желание «принцессы», хотя бы для того, чтобы услышать ее мелодичное русское «спасибо».

Елена заметила то впечатление, которое она оказывала на обоих молодых поклонников и чтобы доставить им удовольствие, она изредка просила их передать ей что-нибудь со стола. Ее

глаза искрились, когда она, со смехом, смотрела, как оба Дон Жуана со всех ног кидались исполнить ее просьбу, особенно, когда они вместо того, чтобы просто передать ей блюдо, вскакивали из-за стола и подносили его ей.

— Я вижу, что «принцесса» пользуется большой популярностью среди молодых гидальго из Сан Франциско, — несколько иронически, с улыбкой, заметил Макинтош.

Ротчев посмотрел на него и небрежно пожал плечами:

— Молодые люди везде и всюду одинаковы, — ответил он на замечание Макинтоша, как видно мало беспокоясь тем вниманием, которое оказывалось его жене. — Молодежь всегда влюблена в кого-нибудь. Сегодня они обожествляют Елену или Анну, а завтра или через неделю будут изливаться в любви какой-нибудь черноглазой синьорите в Сан Франциско или Монтерее.

— Кто может их осудить, если они восхищены красотой вашей жены, комендант, — присоединился к разговору лейтенант Пина, опять по привычке гордо проводя рукой по своим пышным усам, которые, видно было, он очень холил. — Вы сами знаете, в этой части света не много белых женщин. Поэтому нет ничего удивительного в том, что ваша жена здесь центр внимания. А главное, она красива, необычайно красива. Ее красота совершенно другая, иная от красоты наших испанских дам, и поэтому-то эти два мальчишки, но и мы, все, восхищаемся и отдаем дань ее красоте, равной которой нет в Калифорнии.

— Да, мистер Ротчев, ваша жена красавица, а главное — настоящая принцесса. Мы все здесь влюблены в нее, — признался Макинтош и, вдруг, густо покраснел, как может краснеть только отшельник, долго живший вдали от людей.

— Господа, господа, пожалуйста, вы не хотите, чтобы я с каждым из вас, по очереди, дрался на дуэли, — засмеялся Ротчев. — Откровенно говоря я начинаю беспокоиться, слыша такие откровенные признания от вас.

— Прошу прощения, синьор Ротчев, — церемонно раскланялся Пина, — мы просто хотим отметить факт, что никто в этих частях света не может оставаться безразличным перед такой красотой.

Рядом с Еленой и против Анны, сидевших на противоположном конце стола, сидела красавица темноглазая Инесса Сола, тоже из Сан Франциско, как и большинство испанских гостей.

Она горячо уговаривала Елену приехать в гости в ее громадное, богатое ранчо в окрестностях миссии Св. Франциска.

— Пожалуйста, синьора, вы нас осчастливите, если посетите наше ранчо. У нас так хорошо теперь, тепло, туманов уже нет. Я уверена, что путешествие к нам вам понравится. Давайте, поедем вместе завтра.

Инесса молитвенно сложила руки и с мольбой посмотрела на Елену. Со стороны было наслаждением смотреть на обеих женщин. Обе — красавицы, но так различны. В то время, как Елена была прекрасным северным цветком, Инесса вероятно была не менее красива, но эта красота была полной противоположностью северной красоте Елены. Инесса обладала всеми чертами типичной испанской девушки со своими огромными темными глазами, черно-синими волосами, одетая в богатое испанское платье в духе того времени с обязательной гребенкой в волосах и ярким цветком над ее прелестным ухом. Она имела фигуру, равной которой не было в Калифорнии и которой завидовали все синьориты, жившие в богатых ранчо на полуострове между Сан Франциско и Монтереем.

— Хозе! — позвала Инесса своего мужа, молодого, красивого гидальго. — Иди сюда и помоги мне убедить «принцессу» поехать завтра в Сан Франциско вместе с нами.

Дон Хозе поднялся с места, подошел к Елене и почтительно поклонился ей.

— «Принцесса», — мягким баритоном обратился он к Елене, вы не только окажете нам честь своим визитом к нам, но также доставите и себе удовольствие, путешествием по этим диким местам. Нужно вам сказать, что путешествие не из легких, дорог нет, и нам придется ехать несколько дней: сначала до реки Сакраменто, а потом на лодках, вниз по реке, до залива Сан Франциско. Моя жена, однако, с удовольствием совершила это путешествие сюда и я уверен, что путь к нам понравится и вам. Погода сейчас стоит замечательная и плавание по реке будет просто увеселительной прогулкой. Места эти теперь стали мирные, опасности от индейцев никакой. Вы сами понимаете, что если бы был даже малейший намек на опасность, то я, конечно, не взял бы с собой в это путешествие моей маленькой Инессы.

Елена благодарно взяла руки Инессы и Хозе.

— Вы мне оказываете честь, мои дорогие, молодые друзья, синьора Сола и синьор Сола. Может-быть, когда-нибудь, в другой раз мы воспользуемся вашим приглашением и посетим вас

в вашем прекрасном ранчо, но, к сожалению, завтра поехать мы никак не можем. У нас на эти ближайшие дни уже разработаны планы. Через несколько дней мы предполагаем отправиться в большое длинное путешествие вглубь страны. Это будет нечто вроде научной экспедиции. Как вы знаете, мы имеем удовольствие иметь среди нас двух известных русских ученых. Это г. Вознесенский и г. Черных, которых вы видите на другом конце стола, вот там. Они уже давно собираются попутешествовать по прериям, за этими горами и насобирать в свои мешки разных жучков, бабочек, цветов и семян. Насколько я понимаю, им нужно все это для коллекций и, как видно, все это очень важно потому что петербургский музей очень интересуется результатами нашей предстоящей экспедиции.

Инесса схватила руки Елены.

— О, как это интересно! Кто еще поедет с учеными?

— Мой муж решил поехать с ними и даже согласился взять меня с собою. Это так интересно, что я дождаться не могу дня, когда мы наконец отправимся в эту поездку. Подумайте только, мы поедем верхом и будем в путешествии, вероятно, несколько дней. Наш путь будет лежать по стране, где нет белых людей и может-быть никогда не было; только индейцы.

Елена в экстазе обняла Инессу.

Подошедшая к ним Анна в изумлении посмотрела на эту сцену.

— Что случилось?

Инесса взглянула на нее:

— Синьорита, Анна, вы также поедете в это интересное путешествие? — спросила она.

Анна поняла о чем шел разговор.

— Ах, эта экспедиция за жучками! Нет, я уж останусь дома. Меня не прельщает идея поездки несколько дней верхом, да еще по жаре. Я слышала, что там за горами очень жарко в это время года. Нет, я лучше посижу здесь на берегу моря и полюбуюсь видами. Боюсь, что путешествие будет утомительным.

Инесса и Хозе опять обратились к Елене:

— Мы только надеемся, что эта поездка доставит вам большое удовольствие, принцесса. Но не опасаетесь ли вы враждебных индейцев внутри страны? Вы ведь знаете, что там еще много диких индейских племен. Они совершенные дикари, — и Инесса тревожно сжала свои губки.

Хозе тоже предупредил:

— Вы, ведь, знаете, что путешествовать внутрь страны не рекомендуется, собенно в тех частях, которые еще не подверглись благодетельному влиянию нашей цивилизации.

Елена, в изумлении, посмотрела на них.

— Откровенно говоря, я не думаю, чтобы это путешествие было опасным. Мой муж предусмотрел все и он примет все меры предосторожности. Кроме его и наших двух милых ученых, с нами поедет еще несколько наших людей из Форта Росс. Все они прекрасные стрелки и нам не нужно будет опасаться никаких индейцев. Нет, у меня нет никаких опасений в связи с этой экспедицией.

ГЛАВА 9

ВОЖДЬ СОЛАНО

Лейтенант Пина, сидевший за столом рядом с Ротчевым, услышал обрывки разговора между Еленой и Инессой. Он, в недоумении, посмотрел на хозяина.

— Извините меня, комендант Ротчев, но мне кажется, что я, случайно, услышал слова синьоры Ротчевой о том, что вы собираетесь на днях выехать в экспедицию в индейские земли за пределами Форта Росс. Мне было бы интересно знать, какая цель этой экспедиции? Мне кажется, если я не ошибаюсь, синьора Ротчева сказала, что это научная экспедиция. Есть ли у вас какие-либо другие цели? Я не хотел бы вмешиваться в ваши дела и ваши предприятия, но вы сами знаете, как подозрителен часто бывает генерал Валлейо и что его подозрения нередко разделяет даже Его Превосходительство губернатор Ариллага.

Ротчев, с неудовольствием, посмотрел на Пину. Однако, с самой непринужденной улыбкой, он поспешил заверить лейтенанта, что никаких задних мыслей у него не было:

— Мой дорогой лейтенант, пожалуйста передайте генералу Валлейо выражения моего глубочайшего уважения к нему и заверьте его, что никакой опасности мексиканским владениям в Калифорнии от нашей экспедиции не будет. По просьбе Императорского Петергбурского Музея наши оба ученых г. Вознесенский и г. Черных, которых вы уже встречали не раз, хотят собрать как можно больше сведений о природе этой страны, а особенно о ее ботанике и зоологии. Все, что они намереваются сделать, это итти по стопам и продолжать работу других русских ученых, доктора Лангсдорфа, побывавшего здесь с Резановым тридцать пять лет тому назад, и доктора Шамиссо, посетившего Калифорнию несколько позднее. Оба этих ученых, насколько

вам ведомо, имели разрешение и полную протекцию от испанского правительства. Я не думаю, что ваши власти будут противиться еще одной научной экспедиции на этот раз. Может-быть вас смущает мое участие в экспедиции и военный эскорт, но не нужно, ведь, забывать, что образцы фауны и флоры будут собираться нашей экспедицией в районах, удаленных от жилья белых, на землях диких индейцев, там где нет законов белых, где власть мексиканских властей распространяется только номинально, где, в сущности, власть находится в руках местных вождей индейских племен. Поэтому, вы должны понять, и это вполне естественно, что наша экспедиция отправляется под вооруженной охраной.

Ротчев приостановился и искоса посмотрел на лейтенанта Пину, точно хотел знать убедил ли он подозрительного лейтенанта. Лейтенант Пина сидел нахмуренный и видно было, что рой подозрительных мыслей ворошился в его голове. Ротчев, чтобы рассеять его подозрения, решил итти, что называется «ва-банк»:

— Я думаю, вам нужно будет своевременно сообщить генералу Валлейо, что ему трудно ожидать каких-либо неприязненных действий с нашей стороны, потому что наша компания, пока еще секретно, но уже делала запрос губернатору Ариллага относительно возможности продажи мексиканским властям Форта Росс со всеми зданиями, скотом, верфями и так далее. Вам вероятно будет интересно знать, что Российско-Американская компания серьезно подумывает уже два года о ликвидации Форта Росс, потому, что форт выполнил свою роль, для каковой он был построен. Теперь форт существует в убыток.

— Нас теперь интересует только один вопрос — это найти подходящего покупателя, который сможет заплатить нам цену, которую мы хотим. Если мексиканское правительство или генерал Валлейо не согласятся купить наше имущество, тогда мы продадим его любому частному лицу, которое сможет заплатить нам цену, интересующую нас. Так что, как видите лейтенант, мы не собираемся завоевывать Калифорнию. Передайте генералу, что по поводу нашей экспедиции, ему не нужно опасаться ничего и наша маленькая горсточка людей опасности ему не представляет.

Лицо лейтенанта просветлело.

— Я вам весьма благодарен, синьор Ротчев, за ваше откровенное объяснение и я, не теряя времени, сделаю об этом доклад

моему начальнику. Если это не секрет, можете ли вы сказать, как далеко вы хотите направиться в экспедицию, в каком направлении?

— В этом никакого секрета нет, лейтенант. Мы решили добраться до подножья той величественной горы, которую индейцы называют Майякмас. Насколько нам известно, это потухший вулкан. Кроме того нам передавали, что окрестности этой горы настоящее царство насекомых и всяких других представителей природы. Этот район — настоящий рай для ботаников и энтомологов. Там, как будто, еще никто из белых не бывал, кроме вот, кажется, мистера Макинтоша, который бродил там в одиночку и, как видно, выжил! Он сам, с большим интересом и воодушевлением готовится к этой поездке, не правда-ли мистер Макинтош?

Американец медленно вынул самодельную трубку изо рта и также медленно ответил:

— Да... это правда! Я никогда в жизни нигде не видел столько бабочек и разных насекомых, как там... миллионы! Кроме того я видел там же много растений и цветов, которых я никогда не видел в Соединенных Штатах.

Лейтенант Пина увидел, что его тревога была беспочвенной. По крайней мере, если у него еще и были подозрения он постарался скрыть их под маской безразличия:

— Ну, хорошо, комендант... Я надеюсь ваша экспедиция будет успешной и даст науке много нового. Желаю вам успеха!

На этом Пина закончил разговор об экспедиции, хотя наблюдательный Ротчев незаметно следивший за выражениями лица лейтенанта, мог заметить, что Пина не совсем удовлетворился объяснениями Ротчева и был чем-то озабочен. Видно было, что его что-то беспокоит и, вероятно, он подозревал, что несмотря на все заверения Ротчева и его логические объяснения, в этой экспедиции было что-то секретное позади всех объяснений Ротчева, была возможная опасность для мексиканской власти в этом районе. Очевидно, намерение русских поехать в пустынные районы Калифорнии, куда еще не ступала нога белого человека имело какие-то другие причины, которые Ротчев пытался скрыть под личиной научной экспедиции. К сожалению, силы русских были большие, большие чем силы мексиканцев в распоряжении генерала Валлейо. Оставалось только протестовать или, с кислой миной, согласиться.

Ротчев поднялся из за стола:

— Извините меня, синьоры, но мне нужно поговорить с женой Я, кажется, совсем забросил ее сегодня и особенно в такой день!

Ротчев направился к жене.

— Извини, дорогая, нам сегодня даже не удалось побывать вместе. Я был занят разговорами на своем конце стола, а ты, я вижу, тоже была занята здесь. Надеюсь, что ты хорошо проводишь время в кругу наших очаровательных испанских дам, солнышко.

Елена встала и прошла под руку с мужем вдоль стола.

— Я давно уже не чувствовала себя такой веселой. Вероятно, гости, толпа, как-то подбадривает нас, возбуждает. Сегодняшний день надолго останется у меня в памяти, может-быть еще и потому, что я давно не видела у себя так много людей, с самого Петербурга. Я не хочу сказать, что я люблю толпу, толчею. Я могу жить без людей, мне никого не нужно, только ты был бы со мной всегда. Иногда же, очевидно, такие приемы и рауты нужны... Я так счастлива с тобой здесь, вместе..., — прошептала Елена.

Он прижал ее руку к себе.

— Ты, моя маленькая чародейка!

Они медленно прошли в конец стола. Ротчев посмотрел на небо.

— Становится темнее, Леночка. Солнце начинает заходить и станет прохладно. Через несколько минут будет наш чудный, тихоокеанский закат, а потом — этот волшебный калифорнийский вечер с его мириадами звезд на чистом безоблачном небе. Посмотри, как красив океан на горизонте с солнцем почти касающимся этого горизонта.

Через открытые ворота форта можно было видеть океан, порозовевший от лучей заходящего солнца. Пламенный диск светила уже почти касался поверхности спокойного океана. Это было необыкновенное зрелище, необычайное по своей красоте. Последние лучи заходящего солнца позолотили купол колоколенки. Ярко зеленая краска на крыше часовни вдруг преобразилась в сверкающую изумрудную массу, которая буквально ослепляла глаза своей яркой иллюминацией.

— А, как здесь красиво все это, — тихо воскликнула Елена, то смотря на спокойный, золотившийся океан, то на радугу красок на крыше часовенки.

Инесса подошла к ним и тоже, с наслаждением, наблюдала за заходом солнца.

— Какое незабываемое зрелище..., — она повернулась лицом к ярко-освещенным лучами заходящего солнца горам и добавила, — и как чудно красивы склоны этих гор позади!

Она стояла и смотрела на горы своими большими, расширенными глазами.

— Принцесса, дорогая... может-быть ваша Россия, где-то там далеко за океаном, тоже красива или даже более красива, может-быть вы любите свой Петербург, или свои имения в России, но я родилась здесь, в Калифорнии. Я калифорнийка и я люблю мою страну и ни на что не променяю мою Калифорнию. Мне кажется, что нет ничего лучше и красивее океана у берегов Калифорнии, нигде нет наших гигантских деревьев, нашего солнечного климата! Где, скажите где в каких других частях света вы найдете подобный, неповторяемый закат солнца?

Многие гости встали из за стола, прекратили разговоры и словно очарованные смотрели на океан и на заходящее солнце, видное через широко-раскрытые ворота форта.

Суровые блокгаузы настороженно глядели на океан и на окружающие горы, сторожа безопасность форта. Часовые неустанно ходили перед воротами. Другие, сидя на верхнем ярусе башен зорко следили за окружающей местностью. Хорошо дисциплинированная охрана форта делала свое дело и сторожила форт, не обращая внимания на шум, громкие возгласы, разговоры и веселье приглашенных гостей. Ротчев, следуя примеру и традиции первых основателей форта и их последователей, дал строжайший наказ ни на секунду не опускать бдительности в охране форта. Память об ужасной резне индейцами всего гарнизона форта Св. Михаила на Аляске, была все еще в его уме. Он много слышал об этой трагедии, когда был в Ново-Архангельске.

Дула сорока пушек стерегли форт со всех сторон четырехугольника форта и готовы были, по тревоге, изрыгать пламя и ядра против атакующих индейцев. К счастью за все двадцать девять лет существования Форта Росс, русским не пришлось применять свою артиллерию. Правда, однажды, когда отношения между русскими и генералом Валлейо в Сономе, были сильно натянутыми, он предложил губернатору Калифорнии прислать ему подкреплений и с этими военными силами предполагал атаковать Форт Росс и выбросить русских в море, потому что они,

по его мнению, не имели никакого права занимать форт и жить в Калифорнии. Из этого плана генерала Валлейо ничего не вышло, во первых потому, что форт был хорошо укреплен и вооружен, а кроме того, испанцы попросту не имели достаточно сил в Калифорнии для такой крупной операции. Они едва-ли бы смогли достать достаточное количество пушек, даже если бы они поскребли каждую испанскую миссию по всей Калифорнии, чтобы иметь возможность осадить Форт Росс.

Что касается возможности атаки со стороны индейцев, то эта опасность была далекой еще в большей степени, потому что форт был специально построен с таким расчетом, чтобы успешно сопротивляться атакам индейцев. Успех индейцев мог быть только в случае неожиданной атаки. Ротчев предусматривал этот элемент сюрприза и поэтому строго следил за тем, чтобы охрана форта никогда не ослабевала.

Защитникам форта, таким образом, не приходилось пользоваться своими пушками против неприятеля. Но это не значит, что стволы пушек заржавели или покрылись пылью. Люди, приставленные к пушкам, очень рьяно относились к своим обязанностям и, с гордостью, следили за пушками, порученными им. Пушки всегда были ярко начищены и блестели на солнце. Стрелять из пушек, однако, им иногда приходилось, но только в торжественных случаях, по случаю дня тезоименитства царствующих особ или для обмена салютами с приходящими в гавань военными судами.

Ротчев с Еленой, наблюдавшие закат солнца, вдруг заметили какое-то возбуждение у ворот, люди там почему-то забегали, раздались возбужденные голоса и из блокгауза выбежали два часовых с заряженными ружьями, которые настороже стали всматриваться вдаль, стараясь, очевидно, распознать кого-то.

К Ротчеву подошел Николай и, извинившись перед Еленой Павловной, тихо сказал ему:

— Александр Гаврилович, наши часовые заметили группу индейцев, приближающуюся к форту. Прикажете пробить тревогу и запереть ворота?

Ротчев, в изумлении, посмотрел на него:

— Индейцы! Подожди, не волнуй гостей. Пойдем-ка к воротам! Сколько их?

— Только трое, Александр Гаврилович, но, кто знает, может быть они отвлекают внимание, а где-нибудь позади, среди кустов

и деревьев прячутся орды их, готовые напасть на нас и разграбить форт. Может-быть, эти трое — разведчики.

— Хорошо, Николай, сбегай-ка на сторожевые посты в блокгаузах и к часовым, скажи чтоб смотрели в оба, особенно в сторону леса, не видно-ли там спрятавшихся индейцев, а я пойду к воротам, поговорю с Ефремом.

Ротчев торопливо пошел к воротам.

— Что тут случилось, Ефрем? — спросил он своего старшего рабочего.

Ефрем скинул с головы свою шапку:

— Да, вон, Александр Гаврилович, конные, видно, приближаются, похоже что индейцы.

Он указал на группу из трех всадников ленивой рысью ехавших по направлению к форту.

— Ну, посмотрим, что это за гости, — вглядываясь в группу заметил Ротчев. — Я не думаю, чтоб они ехали сюда с враждебной целью, вероятно просто едут с визитом. На всякий случай, Ефрем, поставь двух людей у ворот, в случае неожиданной атаки, если действительно индейцы спрятаны в кустах; пусть захлопнут ворота, если заподозрим опасность, а люди в блокгаузах пусть держат оружие наготове. Пропусти этих трех в ворота. Я сам их встречу здесь.

Он еще раз присмотрелся к приближающимся всадникам.

— Что-то они очень уж ярко и богато разодеты. Это подозрительно. Обыкновенно, индейцы украшают себя перед битвой или в торжественных случаях. С другой стороны, их лица, как-будто, не размалеваны, что они делают, когда вступают на тропу войны. Похоже на то, что они едут сюда с мирными намерениями. Ну, постараемся принять их с почетом.

Ротчев отошел от ворот и направился обратно к столу. Потом он повернулся и стал ждать появления индейцев в воротах. Через несколько минут три конника показались в воротах и что-то спросили у Ефрема. Он указал рукой на Ротчева и пропустил их внутрь.

Всадники медленно направились по направлению к Ротчеву. Впереди ехал пожилой, мускулистый гигант, очевидно вождь, в роскошных индейских одеждах. Позади него два старых индейца, тоже очевидно из вождей, судя по их, не менее богатому одеянию.

Главный вождь остановился на некотором расстоянии, сошел с коня, отдав повод одному из своих индейцев и неторопливо,

с невыразимым чувством собственного достоинства и гордости, подошел к Ротчеву. Он поднял руку в виде приветствия и на ломанном испанском языке произнёс:

— Привет тебе, синьор комендант? — и на утвердительный, приветливый кивок Ротчева, узнавшего индейского вождя, добавил:

— Мир тебе, синьор. Я приехал сюда повидать тебя, подтвердить наши мирные намерения к вам, а также удовольствие от того, что мы никогда не были врагами. Я также привез приветствия твоей жене, синьоре... Сегодня ее праздник, как я слышал. — Это был Солано, — вождь всех индейских племен на север и на восток от океана и до самых Скалистых Гор...

Он важно и с достоинством замолчал, закончив свою длинную речь, гордо скрестил руки, ожидая увидеть какое впечатление он произвел на Ротчева.

Ротчев любезно приветствовал почетного гостя, тоже подняв руку индейской манерой.

— Добро пожаловать на наш праздник, вождь Солано и твои друзья. Милости прошу, я проведу вас к моей жене.

Он указал путь и пошел с индейскими гостями к Елене. Солано со своими двумя помощниками важно шествовали за Ротчевым, смотря прямо вперед каменным взором и не глядя по сторонам на гостей, с любопытством разглядывавших знаменитого вождя Солано, одно время очень тревожившего испанские миссии своими молниеносными набегами. Когда испанцы увидели, что они ничего не могли с ним поделать силой оружия, они, с успехом, применили другое оружие — подкуп, или вернее субсидирование. В этом была заслуга дипломатичного генерала Валлейо. Солано стал получать от испанцев оружие, порох а также всякие безделушки и за это вождь обязался их не тревожить и даже быть союзником в борьбе с другими индейскими племенами. С другой стороны, испанская помощь помогла ему расправиться со своими соперниками и он быстро утвердил свою абсолютную власть над индейскими племенами в Калифорнии, в районе бухты Сан Франциско и реки Сакраменто.

Ротчев подвел трех индейцев к Елене.

— Леночка, — сказал он торжественно, давая понять вождю, насколько он считает индейца важной персоной, — вождь Солано, воспользовавшись нашим празднованием дня твоего ангела, решил нас посетить и лично принести тебе свои поздравления.

Солано стоял молча, скрестивши руки, с совершенно неподвижным невозмутимым выражением лица. Ему казалось странным, что русский вождь тратит так много времени и слов, обращаясь к женщине.

Когда Елена с милой улыбкой, поблагодарила Солано за приезд и поздравления, вождь поднял руку и что-то пробурчал лаконическое. Это не означало, однако, что он не обратил внимания на Елену, или что он совершенно игнорировал ее. Наоборот, его черные глаза вдруг загорелись и он, в упор, стал смотреть на нее. Видно было, что ему доставляло удовольствие видеть белую женщину с таким необычайным цветом лица, с такой нежной, молочно-белой кожей, с этими васильково-синими глазами, а главное его поражали ее необычайные волосы, подобных которым он никогда не видел ни в одной испанской миссии. Это были мягкие и нежные, как паутина, волнистые, светлые, как лен, волосы.

Солано не обращал внимания на разговоры вокруг него; он только стоял и, в упор, смотрел на Елену. Она почувствовала себя не совсем хорошо, не зная что-же дальше делать, как прервать это томительное молчание. Всякая попытка начать с ним разговор, обычно заканчивалась его лаконическим покашливанием или каким-то индейским словом, которое звучало нечто вроде «угх».

Чтобы как-то прервать молчание, Ротчев попросил Солано и его друзей к столу, направляясь к которому, индеец опять остановился около Елены и вдруг провел своими закорузлыми пальцами по ее нежным, тонким волосам. Потом он притронулся к ее мягкой коже, как-будто вздохнул и сказал, не обращаясь, в сущности, ни к кому:

— Хороша женщина!

Елена невольно отшатнулась от него, но он уже прошел мимо и садился за стол, рядом с Ротчевым. Солано был человеком большого роста, настоящим гигантом, обладавшим большой физической силой, о которой индейцы рассказывали легенды. Особенно бросалось в глаза его крупное лицо, изуродованное оспой и черные, горевшие огнем, глаза. Один вид его вызывал к нему не только опасение и недоверие, но и страх и даже отвращение. Чувствовалось, что он не только сможет нарушить обещание, но также и не поколебаться убить или замучить на смерть человека. Оба его соратника были типичные старые индейские вожди, также сидевшие за столом с невозмутимыми каменными ли-

цами стоиков. Трудно было разглядеть что-нибудь, какие-нибудь чувства, за многочисленными морщинами, избороздившими их пергаментные лица.

Индейцы сидели за столом недолго, попробовали немного пищи, Солано пригубил немного вина, к которому он привык часто общаясь с испанцами, но старики от вина отказались. Ротчев пытался вести с ними разговор, но результатов больших не добился, хотя Солано заметно оживился, когда Ротчев сказал ему, между прочим, что собирается отправиться в экспедицию в земли индейцев и надеется, что вождь Солано окажет ему помощь и покровительство. Все остальное время он сидел молча и смотрел в упор своим немигающим взглядом на Елену, сидевшую недалеко, в кругу испанских дам.

Она чувствовала на себе этот тяжелый упорный взгляд индейца и, как-то, невольно поеживалась. Солано выразил еще больший интерес, когда Ротчев заметил, что Елена примет участие в экспедиции, вместе с Ротчевым и обоими учеными.

Через несколько минут индейцы встали и Солано заявил, что они должны ехать.

Ротчев поблагодарил их и сказал вождю Солано:

— Приезжай, Большой Вождь, чаще к нам. Мы хотим, чтобы между твоими воинами и нами установились хорошие отношешения. Будем рады всегда видеть тебя у нас.

— Спасибо, комендант, — ответил Солано, — мы будем приезжать.

И он, опять, в упор, посмотрел на Елену. Ротчев подвел индейца к некоторым из окружающих их. Солано, с таким же вниманием, посмотрел на Анну, в это время разговаривавшую с Инессой и ее мужем, синьором Сола. Он остановил свой взгляд на ней дольше, чем на других, может-быть потому, что Анна была очень похожа на Елену. Но видно было, что она его поразила не так как Елена, вероятно потому, что у нее не было той очаровательной улыбки, которою обладала Елена.

Солано знал некоторых испанцев и дружески поздоровался с ними. С лейтенантом Пина он встретился, как со старым знакомым.

— Мы будем очень рады, Вождь Солано, если ты со своими воинами останешься переночевать у нас. Становится поздно и уже почти темно.

Солано, однако, отклонил приглашение.

— Мы поедем, синьор комендант, а спать мы будем в лесу, на мягком ковре сосновых игл, под деревьями. Мы не привыкли спать в закрытых местах. Большое спасибо, — и еще раз приветствуя Ротчева поднятой рукой, Солано сел на коня и неторопливо выехал из форта. Вскоре три индейца скрылись вдали, в наступивших вечерних сумерках.

Ротчев подошел к жене:

— Леночка, — обратился он к ней, — я думаю будет лучше, если мы пригласим наших гостей в дом. Становится уже совсем темно и я боюсь, что скоро подует прохладный бриз с моря, наши дамы начнут мерзнуть. Мы должны быть благодарны, однако, что сегодняшний день выдался на редкость удачным, теплым и солнечным. Мы не можем ожидать, что и ночь будет такой же теплой, во всяком случае, не на берегу океана.

— Да правда, дорогой. Давайте, в самом деле, пойдем в дом. Я вижу, что там уже горят огни, да и у камина будет приятно понежиться.

Она повернулась к Инессе:

— Синьора Сола, синьор Сола, господа, наши дорогие друзья, разрешите пригласить вас в дом, а то становится темно и прохладно. Проходите, пожалуйста, в гостиную.

Гостей не нужно было приглашать вторично. Многие из них уже вышли из за стола и стояли группами с бокалами вина в руках. Бокалы все время наполнялись двумя молодыми охотниками, исполнявшими в этот день обязанности виночерпиев. Вино развязало языки и разговоры в разных концах лужайки стали более и более оживленными. Все громче стали доноситься обрывки разговоров и громче раздавался веселый, непринужденный смех. По приглашению Елены гости направились к дому. Комендант отступил в сторону и смотрел, как гости, один за другим, подымались на крыльцо и исчезали в дверях дома. Он, казалось, изучал гостей и хотел проникнуть внутрь их сознания, узнать какое впечатление было произведено на них тем роскошным пиром, который был предложен гостям. Большинство гостей, испанцев, за последний год очень подружились с Ротчевым и относились к нему и к Форту Росс очень благожелательно, особенно со времени приезда Елены. Некоторые-же, тайно, были враждебно настроены и считали, что русским нечего было делать в Калифорнии. Стараясь сблизиться с ними и заставить их переменить свое мнение о русских в селении Росс, Ротчев старался быть особенно любезным с ними.

Когда все гости вошли в дом и двор опустел, Ротчев приказал очистить столы, прибрать, что можно было, а также отдал приказ часовым у ворот запереть ворота форта. Быстро тяжелые деревянные ворота захлопнулись и Форт Росс изолировался от внешнего мира. Гости, в доме, конечно, не заметили этого. Они были слишком заняты разговором и возгласами изумления от вида всего того, что они увидели внутри такой невзрачной на вид резиденции коменданта.

Никто не ожидал увидеть так роскошно обставленную гостиную с огромными зеркалами, громадным камином и весело потрескивавшими большими поленьями дров, и массой серебра вокруг. Действительно было чем восхищаться и изумляться, принимая во внимание то, что ближайшими крупными селениями были только Сонома, где начальствовал генерал Валлейо, Новая Гельвеция капитана Суттера и Иерба Буенья (Сан Франциско). Все эти пункты были на значительном расстоянии от Форта Росс и чтобы добраться до них требовалось ехать на лошадях несколько дней, при том по местности, по которой только изредка проезжал всадник, да кое-где виднелись конные индейцы. Дорог, как таковых, еще не было и в помине.

Гостиная представляла необыкновенно уютный вид. Мягкий, мерцающий свет свечей в огромных подсвечниках, стоявших на камине, тепло потрескивавшие дрова в камине, мягкие кресла и диваны, пианино, столики, все это имело вид дома, вид гостиной где-нибудь в зажиточном большом доме в Бостоне, Нью-Иорке или Европе, но никак не в дебрях дикой Калифорнии.

Елена сидела на диване, окруженная, как обычно, молодыми гидальго, по очереди ожидавших случая и возможности сказать ей какой-нибудь восторженный комплимент. Ее светлые, золотистые волосы, в свете огня свечей и камина, казались еще более красивыми и излучавшими свет, тогда как ее темно-синие глаза буквально лучились.

Ее подруга Анна стояла на своем любимом месте у камина и тоже была центром внимания испанских гостей, которым она рассказывала о своем длинном путешествии из Петербурга, о Сибири и холодной Аляске.

В углу комнаты, у портрета основателя русской Аляски Баранова стояли оба ученых, Вознесенский и Черных, с которыми был, всем интересовавшийся и все хотевший знать, лейтенант Пина. Все трое были заняты оживленным обсуждением

какого-то вопроса и видно было, что лейтенант, очевидно, допрашивал их о подробностях предполагавшейся экспедиции.

Ротчев подошел к Макинтошу, стоявшему у камина около Анны и молча указал на лейтенанта.

— Похоже на то, что наш друг Пина старается выжать больше сведений и добиться всей подноготной наших намерений относительно экспедиции. Он, очевидно, подозревает, что позади всей этой погони за бабочками и ловлей жучков есть что-то другое, посерьезнее, — тихо сказал он своему приятелю с улыбкой.

— Да, он, как видно, не жалеет усилий, чтобы добиться своего и узнать все подробности, — поддакнул ему Макинтош, как всегда лениво посасывая свою старую, видавшую виды, трубку.

Они умолкли. Ротчев молчаливо смотрел на ярко-горевшие дрова, на извивающиеся языки пламени, потрескивавшие искрами, и на некоторое время унесся мыслями далеко, совершенно забыв о существовании своих гостей и всего, его окружающего. Он не слышал даже мягкого рокота разговора, наполнявшего воздух комнаты, который порой напоминал далекий рокот океана, лениво плескавшегося волнами, набегавшими на прибрежные скалы. Он перенесся вдруг в своих мыслях и воспоминаниях в обстановку жизни в далекой России, вспомнил вдруг чинный, но такой близкий и дорогой Петербург, воспетый поэтом Пушкиным, недавно перед этим так глупо и ненужно потерявшим жизнь на дуэли. Вспоминалась в то же время и веселая, шумная Москва, так похожая на дородную, жизнерадостную, молодую и богомольную купчиху, вечно молодую, хотя история города идет далеко влубь, в далекую седую древность . . . А там, воспоминания перенесли его и в его маленькое семейное именьице, в крошечную деревеньку . . . Дом Ротчевых был не из богатых, вернее из постепенно бедневших людей, которые когда-то в прошлом были владельцами крупных имений.

Макинтош посмотрел на него искоса, точно стараясь угадать какие мысли ворошились у него в голове. Профиль головы Ротчева был отчетливо виден на фоне яркого огня из камина. Макинтошу было приятно смотреть на это красивое лицо, с тонким носом, его небольшими темными бакенбардами и симетричным, энергичным подбородком.

Ротчев очнулся, очевидно почувствовав на себе пристальный взгляд Макинтоша. Тот улыбнулся:

— Вы чертовски красивы, мистер Ротчев, — сказал он.

Ротчев посмотрел на него в изумлении.

— Никогда в жизни, — продолжал Макинтош, — я не видел так хорошо подходившей друг к другу пары, как вы и ваша жена, принцесса. Жизнь изменится здесь, будет не той, когда вы уедете. Запад Америки станет опять диким с вашим отъездом. То веяние европейской культуры, которое вы принесли сюда с собой, улетучится вместе с вами. Может-быть жизнь в Сан Франциско изменится, будет другой. Новые люди, новые веяния, может-быть они привезут с восточного побережья Америки ту культуру, которую мы знаем там. Может-быть, когда-нибудь Сан Франциско станет большим городом, культурным центром Запада, но теперь это только разросшаяся деревня. В те будущие времена, когда Сан Франциско станет большим городом и центром культуры, мы здесь, на севере, все так же будем еще долгое время жить по прежнему. С вашим отъездом мы опять уйдем в свои медвежьи берлоги на зимнюю спячку, как медведи.

Глядя на Макинтоша, можно было легко понять его слова. Со своей всклокоченной бородой и лицом, изрезанным морщинами, и ставшим пергаментным от постоянной борьбы с силами природы, он действительно походил на большого медведя — гризли, готового скрыться в пещеру для спячки. И каким контрастом он был по сравнению с подтянутым и отшлифованным, как в наружности, так и в речи, Ротчевым.

Ротчев засмеялся и потрепал его по плечу:

— Ну, ну, не грустите, мой друг. Мы все еще здесь и никто не знает, когда мы уедем. Во всяком случае я благодарен вам за ваше хорошее мнение о нас.

Он повернулся к жене.

— Леночка, не пора ли угостить наших друзей бокалами шампанского.

— Прекрасно, Саша. Я думала, что нам всем не мешало бы утолить жажду, не правда ли, синьора Сола?

Достаточно было посмотреть на правителя Ротчева и его красавицу жену, чтобы можно было сказать без обиняков, что они оба были безумно влюблены друг в друга. Разговаривая с гостями, она нет-нет, но гордо посмотрит на мужа. Часто она, любовно, следила за его жестами и движениями, любовалась его манерой говорить, ходить, и его военной выправкой. С таким же любовным восторгом, Ротчев прислушивался к серебристо-

переливчатому смеху Елены, упивался ее улыбками и ее мелодичным голосом.

Ротчев тихо сказал «дворецкому», охотнику, изображавшему в этот день дворецкого:

— Можешь подавать шампанское.

Гости, стоявшие неподалеку, ахнули, когда услышали магическое слово «шампанское».

— Вы сказали шампанское? Настоящее французское шампанское? Где вы могли достать его? Шампанское, здесь, в Калифорнии, нет, это совершенно невероятно. Вы, просто, кудесник, какой-то.

— Да, господа, — с гордостью заявил Ротчев, — у нас еще осталось несколько бутылок шампанского привезенного из Франции, и мы будем рады и счастливы, если вы окажете нам честь и выпьете этого вина за здоровье виновницы этого нашего торжества, моей жены, по случаю дня ее ангела!

Он повернулся к двери:

— Михаил, готово?

Раздались хлопки пробок, вылетавших из бутылок и вскоре «дворецкий» стал разносить на громадном подносе хрустальные бокалы с шипучим шампанским.

Раздался мелодичный звон бокалов, которыми гости чокались с бокалами хозяев.

— За ваше здоровье, принцесса!

— Пусть ваша красота сияет для нас и освещает нас еще многие и многие годы! — Хор голосов, приветствовавших Елену, покрывал звон бокалов. Елена улыбалась всем и слегка пригубила вина. Она редко пила, только в особо торжественных случаях и очень немного.

Ротчев вдруг, подошел к ней и сказал:

— Леночка, я выпью за твое здоровье по нашему старому обычаю!

С этими словами, он опустился на колено, снял туфельку с ее ноги и налил в туфельку немного вина.

— За твое здоровье, дорогая, — и Ротчев выпил вино из туфельки.

Елена вспыхнула от неожиданности, смутилась, но потом нагнулась к нему и крепко его поцеловала.

Этот жест Ротчёва поразил гостей. Наступила тишина, но потом, вдруг, раздался оглушительный грохот аплодисментов и громкие возгласы:

— Браво!.. брависсимо!!!

Инесса посмотрела на своего мужа, Дона Хозе, и тихо прошептала ему:

— Как романтично! Приятно видеть, что они так сильно любят друг друга.

Дон Хозе обнял ее за талию и крепко прижал к себе.

Эта сцена Ротчева с Еленой произвела на романтически настроенных испанцев очень большое впечатление. Поклонение женщинам всегда было в крови испанцев и они все были тронуты этим красивым жестом русского коменданта.

***

Был очень поздний час, когда гости наконец стали расходиться. Комендантский дом был не очень большой, и конечно, не мог вместить всех гостей. Поэтому Ротчевы разместили дам на ночь в комнатах дома, тогда как мужчинам были предложены койки в большой казарме для старших рабочих и офицеров охраны форта.

Стихли глухо доносившиеся голоса гостей, все видно улеглись спать, когда Ротчев с женой, усталые, но счастливые успехом своего первого большого приема, поднялись с дивана и решили пойти в спальню.

— Леночка, отпусти Дуняшу, пусть она идет спать. Все равно она бродит как сонная муха. Она устала не меньше нас с тобой. Я буду твоей горничной сегодня. Помогу тебе лечь в постель.

Елена засмеялась.

— Ты, видно, не знаешь, как я обращаюсь со своей горничной, когда она плохо служит мне.

— Я не боюсь и не хочу никаких привилегий! Приказывай, моя госпожа!

Елена прижалась к нему.

— Как мне хорошо с тобой, всегда быть вместе. Я даже не представляю себе жизни без тебя. Как скучна и несносна была бы жизнь, если бы тебя не было со мной!

— Не очень-то расхваливай меня, солнышко, возгоржусь!.. Давай-ка, лучше, ложиться спать. Ты не знаешь наверно, который теперь час?

Елена улыбнулась и приказала:

— Ну, хорошо, моя горничная, помогай раздеваться!

— Я твой холоп, барыня!

Довольно неуклюже он помог ей расстегнуть бесчисленные крючки и кнопочки, нагнулся, снял ее туфельки с ног и надел ей на ноги теплые ночные туфли.

Елена, шутливо, пожурила его:

— Ты не очень-то умело служишь мне, холоп, — и она мягко пошлепала его по щеке. — Это мое наказание тебе за твое неумение.

— Ах, ты наказываешь меня! Ну, смотри-же, — Ротчев, вдруг, схватил ее ножку и приложился губами к ней.

— Ты съума сошел, Саша! Что ты делаешь?

Он несколько раз поцеловал пальчики на ее ножке.

— Разве ты не видишь, что я делаю? Не знаешь, как я боготворю мою маленькую принцессу!

Он поднялся, взял ее на руки и отнес на кровать.

Елена только тихо прошептала:

— Ты совсем не ведешь себя, как раб...

Он поцеловал ее в губы, потом в закрытые глаза...

ГЛАВА 10

ПОБЕГ ГРИГОРИЯ

Прошло несколько дней после отъезда гостей и жизнь опять вошла в свою обычную норму. Елена, по прежнему, занималась своими делами, старалась помочь, чем могла, жителям маленького селения Росс. Каждый день она обходила непритязательные домишки поселенцев, оказывала помощь, кому было нужно, советом, перевязкой или медикаментами. Больше, кажется, от нее ожидали помощи советами. У каждой женщины была какая-то своя проблема, которой она делилась с «княгиней», как некоторые ее называли, и Елена старалась по мере сил и возможности помогать им.

Не раз, обходя селение, она встречала Григория, который почтительно отходил в сторону и, сняв шапку, низко кланялся ей, даже может быть слишком низко и подобострастно, что очень не нравилось ей. Елена знала и видела, что никакого даже и следа подобострастия в нем не было, все это было наиграно. Достаточно было посмотреть только в его горячие, черные, насмешливые, «цыганские» глаза. Наоборот, в его взгляде было видно большое самомнение, если не наглость, и какой-то бунтарский дух, который Григорий пытался прикрыть своим низким поклоном.

Одна вещь была очевидна для Елены. Григорий определенно искал случая встретить ее, как будто неожиданно, невзначай. С какой целью он искал встречи с ней, она не могла понять. Григорий, хотя и ссыльный, в умственном отношении, конечно, стоял выше всех своих товарищей ссыльных, работавших вместе с ним на полях Форта Росс. Он безусловно был развитой и, вероятно, с каким-то образованием. Он не был похож и, вероятно, не был из крестьян и, конечно, не из крепостных. Вероятнее

всего, он был из мещан, разночинцев, может-быть когда-то работал в купеческом предприятии, вероятно подмастерьем где-нибудь. Что-то у Григория было на уме, когда он встречал, как-будто невзначай, жену правителя, казалось, что он хотел что-то сказать ей или спросить ее, но каждый раз что-то останавливало его. В недостатке смелости его уличить нельзя было. Он не был из стеснительных: типичный, разбитной малый из купеческих рядов.

Однажды день выдался, на редкость, теплым, солнечным, а главное безветренным. В селении Росс часто с океана дул холодный ветер, который заставлял тепло кутаться и закрываться от него теплыми тужурками или даже пальто. На этот раз день был необыкновенно приятный и безветренный.

Елена решила воспользоваться этим и взобраться на свое любимое место, куда она часто ходила с Анной, на холмы позади форта, откуда открывался такой чудный, незабываемый вид всего русского селения и спокойного, сине-зеленого океана позади.

— Аннушка, собирайся, дорогая, пойдем прогуляемся в горы. Грешно сидеть дома в такой день!

Анна, сидевшая на веранде, с вышиванием, подняла свои спокойные синие глаза, потянулась . . .

— Нет, Леночка, иди-ка ты одна. У тебя так много энергии, так много жизни; ты все время на-ходу и посидеть-то спокойно не можешь. Пойди, прогуляйся одна, а я, уж, посижу здесь. Не так то, уж, часто, последнее время у нас были такие хорошие, солнечные, а главное безоблачные дни. В такие дни я люблю посидеть на веранде, подышать свежим воздухом, повышивать что-нибудь, а то и книжку почитать. Может-быть, к вечеру, пройдусь по песочку по берегу океана, а сейчас лучше побуду здесь. А ты иди, стрекоза, полазай по горам!

— Ну, как хочешь, а я пойду туда, на гору, повыше, да полюбуюсь оттуда на океан.

Елена весело помахала рукой и быстро сбежала вниз по ступенькам крыльца, прошла ворота форта и вскоре исчезла из виду. Анна посмотрела ей вслед, вздохнула: — Ах, сколько у нее энергии, — и принялась опять за свое вышивание. Она, случайно, оглянулась на окна дома и ей показалось, а, может-быть, почудилось, что в окне конторки она заметила лицо Николая, смотревшего на нее своими исступленными глазами. Она поежилась, повела плечами, как-будто холодный порыв ветра

подул под воротник платья или, скорее, было такое чувство, точно что-то неприятное, какое-то мокрое, скользкое насекомое проползло у нее по шее.

Анна опять оглянулась, посмотрела на окно, но там никого не было видно.

— Все следит, смотрит за мной, — подумала она. Это упорное внимание и какое-то немое обожание Николая, ей было неприятно, но в то же время она почему-то не могла и сердиться на него, скорее было чувство жалости к этому неуравновешенному, молодому человеку.

— Поживет, попривыкнет к нам, может-быть найдет какую-нибудь смазливенькую креолку, да и успокоится, — подумала она. — Лучше было-бы, если-б Александр Гаврилович перевел его в Ново-Архангельск или на Кодьяк, там для него было-бы более подходящее место.

Елена, в это время, быстро взбиралась по тропинке в гору. Дорога ей была знакомая. Не раз, с Анной, она бывала здесь, сидели вместе на опушке, высоко над фортом и долго-долго, часто часами смотрели на форт, на селение, на величавые леса к северу, и на могучий, обычно такой спокойный и ласковый, океан, особенно в такие спокойные, тихие дни.

Скоро она добралась до своего любимого места, слегка задохнувшаяся от быстрой ходьбы и, с размаху, бросилась вниз, на мягкую, ароматную траву, на опушке леса.

Несколько минут Елена сидела так, не шевелясь, с наслаждением следя за небольшими белымим барашками гребней небольших волн, набегавших на берег океана у форта, полумесяцем изогнувшийся внутрь под действием таких вот волн тысячелетиями подмывавших высокий берег в этом месте. Глаза ее медленно передвигались и она то смотрела на море, то на поля и леса, то на маленькую группу домиков, столпившихся у форта — крошечную русскую колонию так далеко заброшенную и оторвавшуюся от других русских владений.

Здесь было так тихо, что ни звука не доносилось ни из селения Росс, ни от волн, набегавших на берег. Казалось, пробежи зайченок по траве и то она услышала бы его.

Вдруг, Елена почувствовала, что она была не одна в этом царстве полного спокойствия. Какое-то шестое, подсознательное чувство подсказало ей, что где-то позади, за густой листвой кустов, кто-то стоит и следит за ней. Она не слышала ни звука

шагов, ни треска старой, сухой ветки, ни шороха листвы, но она знала и чувствовала, что она теперь не одна.

Ей даже и в голову не пришло, что это были индейцы, может-быть даже сам вождь Солано, который так, в упор, смотрел на нее, на празднике. Нет, ей просто показалась бы дикой даже мысль, что индейцы могут что-нибудь выкинуть здесь, хотя ее муж все время предупреждал ее быть осторожной и особенно опасаться индейцев.

Это не мог быть и Николай; она в этом была уверена, потому что он слишком боялся ее и хорошо помнил выговор, который он получил от Елены некоторое время тому назад. Нет, это был не он... тогда... только один человек — Григорий!

Она заметила, что за последнее время он все время пытался попадаться ей на глаза, как будто невзначай, но слишком уж все эти встречи были шиты белыми нитками, чтобы Елена могла этого не заметить.

Конечно, Григорий был где-то здесь! Однако, мысль, что она была здесь совершенно одна и что, где-то здесь позади за кустами прятался Григорий ее совершенно не испугала и даже не рассердила. Может-быть день был слишком прекрасен, чтобы обращать внимание на такие пустяки. Может-быть она хорошо знала, что ее положение в русской колонии было настолько высоким и недосягаемым для колонистов, что ей даже и в голову не приходило чего-то опасаться с их стороны. Одного ее резкого голоса было достаточно, чтобы люди пред ней покорно сгибались.

Тем не менее, она стала прислушиваться и на этот раз ей уже явственно послышался тонкий, почти неслышный шелест старых листьев, по которым осторожно шагал, стараясь не шуметь, какой-то человек. Шорох легких осторожных шагов приближался медленно, с остановками, все ближе и ближе. У кустов, обрамлявших лужайку, шаги остановились. Стало тихо, тревожно тихо.

Спокойно, не поворачивая головы и смотря вперед на океан, Елена довольно громко и властно спросила:

— Что тебе нужно здесь, Григорий?

Пораженный Григорий вышел из-за прикрытия кустов и, совершенно сбитый с толку, мог только ответить вопросом же:

— Как вы знали, что я стоял там?

В первый раз в жизни, вероятно, Григорий растерялся.

Елена повернула голову, посмотрела на него, окинув его строгим взглядом с головы до ног и, не отвечая на его вопрос, высокомерно сказала:

— Ты знаешь, что с тобой случится, если надсмотрщик обнаружит твое отсутствие с работы? Одно мое слово и тебя высекут так, что места живого не останется!

Григорий оправился от неожиданности. Обычная самоуверенность вернулась к нему. Он пожал плечами:

— Это будет не в первый раз, что меня секут, барыня... княгиня; меня это очень мало беспокоит... а потом, я не думаю, что ты, ваше сиятельство (он вдруг перешел на «ты»), я не думаю, что ты донесешь на меня, княгинюшка!

Он, как-то, нагло, как говорили «отчаянно» посмотрел на нее и потом добавил:

— Даже, если и донесешь... — он немного поколебался, потом продолжал: — меня здесь не будет, чтобы доставить удовольствие мужу твоему, Лександру Гаврилычу, пороть меня... меня здесь не будет... кончились ваши порки... я буду далеко... уеду... навсегда!

Не спрашивая разрешения Елены, он спокойно опустился на траву и сел рядом с ней.

Елена невольно отодвинулась, но потом опомнилась, гордость не позволила ей бояться ссыльного в колонии, где одно ее слово было законом. Ее лицо вспыхнуло, когда она заметила ироническую усмешку на лице Григория, который ясно видел борьбу, происходившую в голове Ротчевой. Гордость заставила Елену успокоиться и она, с любопытством, посмотрела на наглого Григория. Видно было, что он чувствовал себя совершенно свободно в ее присутствии, и во всем его поведении не было видно и следа подчинения или услужливости. Она заметила, даже, что его речь была иной, совершенно другой от речи обычных ссыльных, которых она встречала во время своих обходов селения. Он, конечно, никогда не был крепостным, и когда-то, в прошлом, в России, принадлежал в вольному сословию.

Елена холодно и даже может-быть надменно посмотрела на Григория и спросила:

— Куда-же это ты собираешься уйти, если, как ты сказал, ты не думаешь возвращаться в Форт Росс?

Лицо Григория вдруг стало злым и даже жестоким.

— Я убегу в испанские миссии сначала, а потом поддамся на восток, за большие Каменные Горы, в земли «бостонцев».

Там говорят все люди свободны и каждый может свободно делать, что он хочет. Там, в американской земле нет бар и нет мужиков, нет холопов, все равны. Туда я и поеду.

— Ты ошибаешься, Григорий. Прежде всего я хочу тебе сказать, что ты не сможешь добраться даже до Скалистых Гор, потому что как только ты доберешься до испанской миссии, они тебя захватят там и выдадут сюда, нам. У нас есть соглашение с испанскими властями и ты сам знаешь, что они выдают дезертиров нам. И, конечно, ты сам тоже помнишь, какое наказание получают дезертиры здесь! Кроме того, я хочу тебе сказать другое — у американцев тоже есть классы; у них не только крепостные, но и настоящие рабы, правда — черные рабы, негры.

Григорий посмотрел на Елену своими воспаленными глазами фанатика, горевшими как угли на его раскрасневшемся лице:

— Не отговаривай меня, барыня. Я отчаянный. Если я решил что сделать — сделаю! Если, говоришь, в Америке есть рабы, эти рабы черные, негры, ты говоришь, то, может-быть, я сам стану там барином и рабы будут работать на меня.

— Только потому ты и хочешь бежать отсюда, самому освободиться, да стать господином, хозяином рабов?

— Почему нет. Здесь я ссыльный, даже не человек, а там мне будут служить, я буду барином!

Григорию, видно, эта идея понравилась.

Елене надоели разговоры и она поднялась, намереваясь вернуться в Форт Росс. Становилось поздно, да, кроме того, ей казалось, что она уделила Григорию слишком много внимания.

Она направилась вниз по тропе, повернула голову и, приостановившись, сказала:

— Надеюсь, ты все эти глупости выбросишь из головы сегодня же, если не хочешь, чтобы тебе индейцы не отрубили головы, как Прохору Егорову, который несколько лет тому назад тоже возомнил многое о себе.

Григорий вскочил и быстро пошел за ней. Она услышала его шаги позади и пошла быстрее.

— Не так быстро, княгинюшка, — крикнул Григорий, — мы еще не кончили разговаривать! — и он, грубо, схватил ее за руку.

Кровь бросилась ей в голову от одной только мысли, что какой-то холоп, ссыльный, посмел прикоснуться к ней своей рукой. Она резко вырвалась из его цепкой руки и, в ярости, повернулась, подняв руку, готовая отхлестать его по лицу. Гри-

горий, однако, стоял совершенно спокойный и, насмешливо, смотрел на нее своими черными, цыганскими глазами. Он так же медленно и спокойно взял ее руку своими «клещами» и опустил ее вниз.

— Це... це... — причмокнул он губами, — наша маленькая барынька рассердилась! — Он улыбнулся, все так же смотря на нее своими нахальными глазами. — Я же, кажется, ясно сказал, что собираюсь уехать отсюда и больше тебя не увижу... может-быть можно было распрощаться и получше! — И он потянул Елену к себе за руку.

— Григорий! — крикнула она, — ты съума сошел! Отпусти мою руку сейчас-же!

С той же улыбкой, он сильно подтянул ее к себе и, взяв обе ее руки, стянул их вместе за ее спиной. Елена оказалась совершенно беспомощной в его железных тисках.

Все еще в ее глазах не было видно и следа страха, только изумление и даже ярость может быть. Она, в упор, глядела в его помутневшие глаза. Ей даже в голову не приходило мысли, что он может что-то сделать с ней.

— Отпусти меня, сейчас-же, свинья... — закричала она, — ты за все это еще поплатишься!

Она рванулась, пытаясь освободиться:

— Пошел вон от меня, ты слышишь?

Григорию, как видно, эта сцена доставляла наслаждение. Он упивался своей неожиданной властью. Он видел ее беспомощность, ее разъяренные глаза, и его лицо, как-то блаженно, расплылось, когда он увидел ее бесполезные попытки освободиться из его рук.

— Не трепыхайся, барыня, не поможет, — и, вдруг нагнувшись к ней, он крепко поцеловал ее в губы, стараясь подольше задержать поцелуй.

— А знаешь, не плохо мне холопу поцеловать сиятельную княгиню, совсем не плохо. Никогда в жизни не думал, что я смогу это сделать. Там, в России, мы могли только смотреть на вас, на расстоянии, да служить вам!

Елену охватило чувство омерзения и она, сверхчеловеческими усилиями, стала вырываться из рук Григория. Никто никогда в жизни так не оскорбил ее; она чувствовала себя оскверненной от прикосновения его горячих губ. Когда Григорий опять нагнулся и пытался еще раз поцеловать ее в губы, она, в отчаянии откинула голову назад и плюнула ему в лицо.

Это оказало неожиданный эффект. Григорий сразу опустил руки и, сердито, вытер свое лицо, оттолкнув ее от себя. Он посмотрел на нее покрасневшими глазами и хрипло сказал:

— Лучше беги обратно в форт, барыня. — Он еще раз «утерся», — беги, пока я не передумал.

Елена не стала долго ждать. Почувствовав вдруг свободу, она бросилась бежать, быстро, бегом, вниз по тропе. Слезы ручьями лились по ее лицу от ярости, беспомощности и полученного оскорбления.

Потом, вдруг, она остановилась, повернулась и крикнула Григорию, которому, видно, вся эта сцена доставляла удовольствие:

— Ты заплатишь за это оскорбление... жестоко поплатишься сегодня же!

Григорий презрительно пожал плечами и засмеялся:

— Для меня здесь больше не будет «сегодня», княгиня!

Он повернулся и исчез в густой листве кустарника на склоне горы. Елена, в это время, поспешно спускалась по тропе к форту. Ее лицо и губы горели и ее все еще трясло от негодования и унижения от того, что только что произошло. Подходя к стенам форта, она немного успокоилась и только лихорадочно думала, перебирала в голове, какое страшное наказание можно было придумать для Григория, обнаглевшего ссыльного, преступника и каторжника. Она на минуту остановилась, когда ей показалось, что она услышала, на расстоянии, у подножья горы, заглушенные звуки копыт лошади, но... может-быть ей показалось это.

Запыхавшаяся Елена вбежала по ступенькам крыльца в дом и прошла в конторку мужа. Там был только Николай, который сказал, что Александра Гавриловича не было в конторе, он поехал осматривать поля.

Елена была слишком усталой и совершенно измотавшейся, чтобы сразу же ехать и искать мужа и пожаловаться ему на Григория. Она прошла в спальню, прилегла на диван отдохнуть и, в момент, заснула крепким сном. Она спала долго, часа два и проснулась, когда Александр Гаврилович уже вернулся домой из своей поездки на границы форта. Отдохнувшая и освеженная, она, как-то, успокоилась. То, что произошло в начале дня, на горе, казалось ей чем-то нереальным, кошмаром, который она видела во сне и от воспоминаний которого она хотела освободиться. По какой-то непонятной причине, но она ничего не ска-

зала мужу о происшедшем, стараясь поскорее забыть инцидент. Может-быть, успокоившись, она опасалась, что наказание Григорию будет слишком суровым, а, может-быть, и по какой-то другой причине...

В тот же вечер, надсмотрщик над ссыльными заключенными обнаружил отсутствие Григория. Сначала об этом мало беспокоились, загулял где-то, но позже, когда было обнаружено, что исчез также и лучший конь из конюшни форта, конь на котором ездил только правитель колонии, стало очевидным, что Григорий бежал.

Когда Ротчеву доложили об этом, он был в ярости и наговорил много неприятных вещей надсмотрщику, заведывавшему группой ссыльных. Немедленно же был отдан приказ ограничить свободу передвижения их. Ротчев опасался массового побега их. Приказано было, на ночь, запирать казарму ссыльных на замок, поставить караул. Особенно усиленная, вооруженная охрана была приставлена к конюшне. Кони были единственным возможным способом побега из колонии.

Вечером, невозможно было послать людей в погоню за Григорием, а наутро будет уже поздно. Григорий имел уже в своем распоряжении целые сутки, чтобы ускакать как можно дальше от форта. Искать Григория, нужно было послать большую группу людей, а Ротчев не мог позволить этого в такое горячее время полевых работ.

Ему пришлось отказаться от поисков Григория. Главное внимание было уделено на остальных ссыльных; надзор за ними усилен. Каждая пара рабочих рук была на счету в колонии. Достать их было трудно и администрации компании стоило больших денег, чтобы привезти каждого рабочего из далекой Сибири в Форт Росс. Ротчев не мог рисковать потерей остальных ссыльных не только потому, что на них были затрачены средства, но и потому, что потеря нескольких пар рабочих рук поставила бы его в безвыходное положение. Достать новых рабочих брало месяцы и даже годы.

Оставить побег Григория без последствий он тоже не мог. Поэтому Ротчев написал письмо мексиканскому губернатору в Монтерей, отправив его со срочным курьером, в котором просил содействия в поисках и поимке беглеца. Он также просил, чтобы на пойманного преступника были надеты тяжелые ручные и ножные кандалы и чтобы его посадили на хлеб и воду до того, как Ротчев пришлет людей для доставки беглеца обратно в Форт

Росс. Конечно, если Григорию удастся пробраться через территорию враждебных индейцев, не потеряв головы, на восток и выбраться в Северо-Американские Соединенные Штаты, тогда, конечно, ничего нельзя будет с ним сделать. Эти американцы были известны тем, что не выдавали обратно беглецов, даже отъявленных преступников!

ГЛАВА 11

ТРАГЕДИЯ

Следующие несколько дней прошли в лихорадочных приготовлениях к предполагаемой экспедиции внутрь страны. Нужно было о многом подумать, многое предусмотреть. Ротчев, понятно, взял на себя административную часть. Нужно было рассчитать, что взять с собой, сколько провизии, а главное, кого взять, кроме его самого, его жены и обоих ученых. Вся научная сторона экспедиции, естественно, возлагалась на обоих ученых. С ними пришлось побороться, потому что и Черных и Вознесенский, хотели взять с собой массу принадлежностей, чуть-ли не лаборатории, никак не понимая того, что средством передвижения для них будут кони и притом верховые кони... никаких телег или повозок!

Ротчев торопился. Он очень хотел совершить это путешествие прежде, чем он получит инструкции из Ново-Архангельска. Он опасался, что следующая почта из столицы русской Америки привезет ему приказ немедленно покинуть Форт Росс и тогда, конечно и вопроса не будет о возможности экспедиции вглубь Калифорнии.

Приготовления подходили к концу и как-то, вечером, все главные участники предполагаемой экспедиции собрались в гостиной Ротчевых, у ярко-пылавшего камина.

Анна, как всегда, сидела у пианино, со своим вышиванием, и почти не принимала участия в общем разговоре, но она, с интересом, прислушивалась к оживленному обсуждению планов поездки.

— Как жаль, что вы, Анна Владимировна, не хотите присоединиться к нам в этой поездке, — обратился к ней Черных, — ведь, кто знает, представится ли нам еще такая возможность

побывать в неизведанных местах, быть первыми европейцами на землях, на которые еще не ступала нога белого человека.

— Она у нас домоседка, — засмеялась Елена, — ее никуда не вытащишь!

Анна подняла голову от своего вышивания.

— Да, откровенно говоря, меня совсем не тянет куда-то дальше; у меня, видно, нет исследовательской жилки. Я же не Елена, скажите ей только одно слово, она вскочит в седло и помчится, куда глаза глядят; ей все равно, только бы быть в движении... а я люблю покой... тишину. Так приятно, вот, сидеть на веранде, смотреть на тихий Божий мир и упиваться этим зрелищем. Даже все эти звуки, которые долетают до нас: далекие разговоры, слабый звук молотка или топора на расстоянии, пение птиц, шум волн — все это не раздражает вас, а, наоборот, успокаивает; все эти шумы становятся тихими, успокаивающими, когда они доносятся до нас... не знаю, понимаете ли вы мою мысль!..

— Неисправимая мечтательница, — опять посмеялась над ней Елена.

Становилось поздно и Черных с Вознесенским, откланявшись, ушли в свою казарму. Кокетливая, миловидная Дуняша вошла в гостиную, быстро прибрала комнату, унесла посуду и тихо, незаметно, исчезла в кухню.

Ротчевы и Анна некоторое время сидели молча, не разговаривая. Так приятно было удобно уместиться в кресле и сидеть так ни о чем особенном не думая.

И опять, как ни странно, это была молчаливая Анна, которая прервала молчание.

— Интересно, — вдруг сказала она, ни на кого собственно не глядя, — интересно, как выглядит океан после захода солнца, в темную ночь. Мы здесь, ведь, никогда не видим океана ночью; ворота закрываются и мы отделяем себя от всего остального мира... А океан, ночью, должен быть прекрасным... вероятно испытываешь незабываемое чувство, когда сидишь ночью в неприглядной темноте, на прибрежных скалах и прислушиваешься к дыханию этого чудовища у твоих ног.

— Анна! — укоризненно посмотрела на нее Елена, — ты даже, и думать не смей о том, чтобы выходить к океану ночью.

Елена погрозила ей своим пальчиком.

— Смотри, чтобы у тебя в голове даже и мысли не было об этом. Сама знаешь, приказ для всех здесь живущих — никто не должен выходить за ворота форта, после захода солнца!

Анна, как-будто, даже не слышала ее.

— Я, просто, только мечтаю... закрою глаза и мысленно представляю себе, каков океан в эту темную, безлунную ночь... Там, у берега, темно сейчас так, что, вероятно, руки не видно. В такую ночь сидеть на скалах у воды, в этой абсолютной темноте, смотреть на яркие звезды, которые кажутся еще более яркими на безлунном небе, и следить за падающими звездами, как мы часто делали дома, в России... И все это время можно слышать этот вечный, тихий, ласкающий шопот вечного океана... Или в другую лунную ночь, когда луна бросает свой таинственный, мистический, такой нереальный свет на все вокруг и придает всему окружающему такую романтическую окраску... бросает свои голубые лучи на воду и на скалы у воды... и ваше лицо становится голубым, как лицо русалки только что выплывшей на берег из своего подводного царства. Все вокруг голубое, фееричное и такое необыкновенное и ни с чем несравнимое... так не похоже на то, что мы видим днем, в яркий, солнечный день...

— Ты, в самом деле, неисправимая мечтательница, Анна. Не пора-ли тебе спуститься с облаков на землю и стать нормальным человеком, как мы все. — Елена пристально посмотрела на нее и потом добавила: — Я думаю, тебе нужно встретить кого-нибудь и выйти замуж. Это будет самым лучшим для тебя.

Анна улыбнулась в ответ, как будто все это было так старо и знакомо... помолчала, а потом, как в трансе, продолжала...

— Интересно тоже побывать на океане в другую ночь, в бурю, когда ураган налетает у берега океана, бьет и хлещет его своим штормовым ветром, кидается гигантскими волнами, подхлестывает косым дождем... Тяжелые, черные тучи мечутся, несутся по небу, низко-низко, почти касаясь белых барашков сердитых волн. Океан, вдруг, превращается в адский водоворот, волны его внезапно вздыбаются, становятся горами и потом, в следующий момент, с яростью дикого разъяренного зверя, кидаются на скалы на берегу. Вы можете стоять наверху, на утесе, недоступном для волн и громко, властно и вызывающе кричать, бросать вызов природе, океану... — Я здесь... приди, возьми меня, если сможешь!.. — Вскинутся кверху волны, осыпят дождем брызг и побежденные ринутся вспять на грудь океана...

Они все еще дерзают, хотят схватить вас; набравшись новых сил, внезапно, вновь бросаются на берег, выше, в этот раз почти достигают верхушки утеса, пытаясь с сверхестественной силой ударить вас, сбить с ног, унести на дно, но нет — вы недосягаемы, слишком высоко стоите, и с таким же дерзанием еще громче кричите им вызов, дразните их... Тогда яростные порывы ветра вдруг кидаются на вас, хотят сбить с ног, повалить и бросить на растерзание океану. Тогда — берегитесь! Крепче держитесь за скалы, не давайте снести вас вниз и, тогда, ветер сдастся и отступит...

Анна посидела, помолчала немного.

— Пусть ветер силен, дует так, что трудно дышать; воздух, как будто, проносится мимо лица... но как прекрасна природа, какой бы она ни была — тихая и спокойная, или бурная и разъяренная... не правда-ли!!!

Она опять замолчала.

— Анна, дорогая, вы действительно мечтательница, как только что сказала Елена, настоящая мечтательница, вы неисправимы, — Ротчев тепло посмотрел на нее. — Нет никакого сомнения, что вы любите силы природы, чувствуете и понимаете их больше, чем другие, обыкновенные смертные, может-быть потому, что у вас поэтическая натура... Знаете, Анна, вы должны быть или поэтом или художником, чтобы вы могли изобразить для нас всех, все что вы чувствуете, изобразить или в рифмах стихов или на полотне ваших картин... ты согласна со мной, Леночка?

Стеснительная по натуре, Анна покраснела от комплиментов, встала, подошла к окну и стала стараться всмотреться, увидеть что-нибудь в кромешной темноте ночи. Пламя в камине стало угасать и комната начала погружаться в полумрак.

Вошла Дуняша и зажгла свечи. Сразу стало светло. Елена встала, подошла к подруге, обняла ее за плечи:

— Сыграй, что-нибудь, для нас на пианино... у меня сейчас настроение послушать хорошую, старую музыку... я уверена, что в твоем теперешнем состоянии, ты сможешь найти выход своим эмоциям в музыке... сыграй, пожалуйста!

Ротчев присоединился к своей жене в просьбах и тоже попросил Анну сыграть для них:

— Ваша игра всегда доставляет нам громадное удовольствие, Анна; в самом деле, садитеть-ка к пианино!

Анна поколебалась:

— Я не знаю, что играть... Сейчас, как-то, не хочется играть что-нибудь веселое... Эти разговоры об океане и красоте природы взбудоражили меня, наводят на мысль о другой музыке, грустной, как легкое дуновение ветерка, рябью пробегающего по верхушкам волн, или торжественно-бравурной, рисующей смелыми мазками бурные порывы ветра, с ревом кидающего могучие волны на скалистые берега...

— Играй то, что подходит по настроению, Анна! — попросила ее Елена, — может-быть, что-нибудь из своего, у тебя это так хорошо выходит.

Анна села на скамью, провела пальцами по клавишам пианино.

Ее пальцы медленно, казалось неуверенно пробегали по клавиатуре, как-будто она искала какую-то одну ноту или тон, на фоне которого начать нанизывать узоры фантазии, создавать свою гармонию звуков. На секунду она остановилась на одной клавише, тихо ударила ее, прислушалась удовлетворенно, казалось это и была та нота, которая сливалась со звуками, которыми была полна ее душа. Она остановилась и потом, уверенно, заиграла. Это не была музыка известного композитора, по крайней мере Ротчевы никогда не слышали этой мелодии, но мелодия захватывала их. Анна играла просто что-то из головы, какие-то аккорды, которые сами лились на клавиши через ее гибкие пальцы... может-быть это было просто попурри разных мелодий, слышанных ею когда-то, а может-быть и своя композиция, рождение которой она даже не сознавала в этот момент.

Анна играла прекрасно и Ротчевы знали это, потому что они оба были хорошими музыкантами. Сегодня, в этот вечер, она играла так, как она никогда не играла до сих пор. Что-то внутри ее, какая-то духовная часть ее отделилась от нее и вылилась в эти чудные звуки, лившиеся от пианино. Анна опять, видимо, оторвалась от земли и была в каком-то трансе, как она была некоторое время тому назад, когда она так мечтательно говорила о ночной красоте океана.

Анна играла полузакрыв глаза и в ее музыке, в этот вечер, было что-то особенное, неземное. Она играла легко, без всякого усилия, как-будто ее душа стремилась вырваться из тесной земной оболочки и оставить этот грешный мир. Своими полузакрытыми глазами она, казалось, читала ноты внутри себя и это делало ее лицо каким-то одухотворенным и необычайно красивым, излучающим ее внутренний, духовный свет.

Ротчевы слушали и смотрели на Анну молча. Они боялись даже пошевелиться, чтобы не разорвать этот магический круг, в котором находилась Анна.

Еще несколько аккордов и затем звуки музыки унеслись в пространство, замолкли. Анна сидела у пианино неподвижно несколько секунд, точно ей взяло время, чтобы вернуться обратно на землю, осознать, что она все еще в маленьком Форте Росс. Смущенно, с горящими щеками, она повернулась к Ротчевым:

— Я что-то тут нагородила, играла сама не знаю что... Это было ужасно плохо, не правда-ли?.. Не знаю, что случилось со мной, я просто играла какую-то мешанину из старых забытых мелодий вперемежку с тем, что вдруг приходило мне в голову. Даже не знаю, что это было.

— Анна, дорогая, музыка твоя была божественная... Ты, кажется, никогда не играла с таким чувством, как сегодня. — Елена подошла к ней, обняла ее за плечи и поцеловала в голову. — Было так хорошо, что просто боялись пошевелиться, чтобы не спугнуть, не испортить твоего настроения.

— Только сегодня вечером, я сказал, — добавил Ротчев, — что вам нужно было быть или поэтом или художником. Теперь я вижу, что я ошибался... ваше призвание музыка. Вы прекрасный музыкант и даже композитор. Нет никакого сомнения, что у вас большой талант к музыке и масса чувства. Этот талант просто рвется из вас и вы так прекрасно можете изображать ваши чувства на этих, вот, кажущихся холодными, клавишах пианино. Ваша игра божественно прекрасна. Вот где ваше поле деятельности и вы должны сосредоточить все свое внимание, всю энергию и умение — на одном — на музыке! Я уверен, что в недалеком будущем, может-быть очень скоро, если вы будете работать в этой области, вы станете первой женщиной у нас, в России, а может-быть и во всем мире, которая прославится в музыке.

— Вы, просто, смеетесь надо мной. — Анна встала и подошла к камину, чтобы скрыть свое смущение. — Это правда, музыку я люблю; я нахожу большое удовольствие в том, чтобы изображать свои чувства в музыкальных звуках, но я не композитор! Никогда в жизни я не написала ни одного листа, ни одной строчки нот... Нет... спасибо за комплименты, но я не то, что вы думаете.

— Скромна, как всегда, — рассмеялся Ротчев.

Елена посмотрела на часы.

— Ого, время-то позднее... будем расходиться.

***

После того, как Анна пришла в свою комнату, она долго еще, не раздеваясь, сидела в темной комнате, у окна, и смотрела в темноту ночи. Ей не хотелось еще спать. Слишком возбуждена она была разговорами и игрой. Ей, просто, хотелось посидеть некоторое время у окна, сидеть и смотреть на темное небо с его мириадами ярких звезд. Звезды, в эту безлунную ночь, были более яркими, необычно яркими. Анна уперлась локтями в подоконник, положила лицо на свои ладони и, просто, смотрела в даль, в пространство. Странно, что она чувствовала себя немного нервной и, конечно, даже и думать не могла о сне.

Она сидела долго без движения. Сколько времени прошло трудно было сказать, полчаса, может-быть час. Дом совершенно затих, не доносилось ни звука. Шум и обрывки разговоров в доме, во дворе и у казарм давно замолкли. Все, очевидно, было в объятиях сна, настоящее сонное царство.

Анна пристально всмотрелась в темный двор форта. Она заметила, что сидя в неосвещенной комнате она могла, пристально всматриваясь, разобрать кое-что во дворе и даже могла различить очертания больших ворот форта. Кругом не было видно ни души. Даже часовых не видно... может-быть дремлют в своих башнях. Она посмотрела еще раз пристально и, вдруг, дикая мысль пришла ей в голову: — все спят теперь... почему не выйти тихо из дому, выйти за ворота форта и на скалистый берег океана, на эти утесы над водой, где можно сидеть и слушать этот вечный, неумолчный говор океана! Сидеть там, наверху, над берегом и слушать и смотреть, как волны набегают и лижут острые скалы на берегу!

Чем больше она думала об этом, тем более привлекательной ей казалась эта мысль, тем больше и больше она ее захватывала. Никто даже и не заметит ее отсутствия. Она посидит там час или два, а потом вернется и крепко заснет. Нет... ей нужно, она должна сходить на берег. Пойти, посидеть там и посмотреть, как выглядит океан, как выглядят мокрые скалы в такую темную, безлунную ночь, освещаемые только светом мерцающих звезд...

Анна знала, что она не должна этого делать. Она помнила строгий наказ Ротчева, никому из обитателей форта не выходить

за ворота ночью, но искушение было слишком большим. Она не боялась. Никакого страха ночи, и того, что она будет одна в этой кромешной темноте, у нее не было. В такую темную ночь, если она не могла видеть никого, то и ее никто не увидит, если она наденет, что-нибудь темное. Зато, какое будет наслаждение сидеть там, на берегу и прислушиваться к шопоту океана. Каким еще более величественным и могучим должен быть океан в такую темную ночь!

Анна была как лунатик, которого какая-то неведомая сила тянет наружу, на воздух. Какая-то непонятная сила подталкивала ее и заставляла ее пойти и посидеть у океана, в эту особенную ночь.

Ничто не могло остановить ее. В этом царстве сна не было никого, кто мог предотвратить ее от этой сумасшедшей мысли... ведь это было только на час или два..!

Анна, осторожно, не шумя, встала, накинула большую темную шаль на плечи... Она знала, что на берегу будет прохладно... Так же осторожно, медленно, она открыла двери своей спальни, тихо прошла через гостиную и также бесшумно открыла дверь в передней. Ей везло. Все двери были хорошо смазаны и ни одна из них даже не заскрипела. Она вышла на веранду и потихоньку прикрыла дверь. Постояв неподвижно минутку на веранде, она пристально посмотрела в сторону ворот и блокгаузов. Там не было слышно ни шороха. Часовые, видно, отдыхали внутри блокгаузов.

Медленно и бесшумно Анна подошла к громадным воротам, запертым болтами и большим замком. В воротах, однако, была небольшая дверь или калитка, тоже из таких же тяжелых бревенчатых плах, и эта дверь была заперта только на задвижку. Остановившись у ворот, Анна еще раз оглянулась... как-будто никто ее не видел. С сильно бьющимся, от возбуждения, сердцем она медленно, стараясь не шуметь, отодвинула задвижку и также тихо и медленно стала открывать дверь. Плохо-смазанные шарниры двери слегка заскрипели и Анна замерла. Она прильнула к темному дереву ворот, чтобы ее не было видно и прислушалась. Нет, как видно, никто ее не слышал. Еще раз, она медленно стала открывать тяжелую дверь. С каждым, малейшим, скрипом шарниров, она останавливалась, прислушивалась и потом опять все больше и больше открывала отверстие в двери. Скоро она смогла протиснуться сквозь узкое отверстие и оказалась снаружи, за воротами. Так же осторожно Анна при-

крыла дверь, чтобы внезапный порыв ветра вдруг не стал бы хлестать и хлопать ею и не вызвать тревоги в крепости.

Очутившись снаружи, Анна осмотрелась кругом. Теперь ее должны бы были видеть из маленьких амбразур блокгаузов, если бы ночь не была такой темной. Кроме того, на ее плечах была темная шаль, под прикрытием которой она совершенно сливалась с темной стеной форта. Было так темно, что она не могла даже различить этих маленьких отверстий в угловой башне и поэтому часовые там, тоже вряд-ли, могли видеть ее в такой кромешной темноте.

Анна медленно направилась к берегу по узкой тропинке, так хорошо ей знакомой по почти ежедневным прогулкам у океана. Ночью, однако, пришлось итти почти ощупью... с трудом можно было различить очертания тропинки; итти можно было скорее по догадке и больше по привычке.

Повинуясь какому-то внутреннему импульсу, Анна, уверенно, шла по тропинке вдоль высокого берега океана, нависшего над песчаной, прибрежной полосой у самой воды. Ее влекло, как-будто, таинственной силой к тому удаленному месту берега, в самом южном конце залива, где она так часто сидела, высоко над скалами и водой и так любила наблюдать за безконечной, никогда не прекращающейся борьбой между силами воды и земли. В этом месте, острые прибрежные скалы представляли препятствие для волн, которые стремились накатиться на берег и затем, пенясь, лениво откатиться назад в лоно океана. Острые, почерневшие от воды, скалы мешали волнам, раздражали их, и разъяренные волны здесь бешено кидались на них, стараясь сокрушить их, снести с пути, чтобы можно было без помех накатываться на покорный берег и упорно подтачивать высокую стену утеса. Эта извечная борьба океана со скалами продолжалась день и ночь, без передышки, и сидя высоко на утесе можно было наблюдать вспенившиеся воды, сердито пробивающиеся между скалами, дождем брызг взлетающие высоко в воздух и обдающие ими утес. Внизу вода бурлила водоворотами, кипела, пугая и маня к себе своей суровой красотой и мощью.

Анна уверенно шла к своему обычному месту на утес, над острыми скалами и водоворотами. Она шла, как завороженная или зачарованная, настолько иным и различным было все то, что она видела и осязала теперь по сравнению с тем, что она так часто видела днем. Тропинка вела вдоль берега от лестницы, ведущей вниз к верфи, по направлению к любимому месту

Анны. Она извивалась следуя очертаниям высокого берега и Анна шла больше подчиняясь инстинкту, чем своим глазам. Она чувствовала себя возбужденной и ей казалось, что она плыла вдоль берега, вместе с облаками, высоко над водой, которой не было видно в темноте, кроме пенистых барашков набегавших волн. Можно было только догадываться о присутствии воды, если остановиться и внимательно прислушаться. Тогда можно было услышать тихий шопот воды, ленивыми всплесками, накатывавшейся на берег.

Вот скоро и то место, где она так часто любила сидеть. На момент она приостановилась, потому что ей показалось, что она услышала легкий шорох позади, на некотором расстоянии от нее. Анна боязливо прислушалась, но нет... ни звука, ни шороха... все было тихо и спокойно. — Может-быть птица или зверек зашевелился во сне, — подумала она. Самообладание вернулось к ней. — Что-то мне сегодня все чудится, пугает меня. — Она решила итти дальше, больше не оглядываясь и не останавливаясь. — Не будь трусихой, — старалась она уверить себя, — ничего со мной случиться не может в таком месте и в такое время. Темно, хоть глаз выколи.

Уверенно, Анна продолжала путь. Совсем близко, около знакомых камней, ей опять показалось, что она услышала шорох, напоминавший легкие, осторожные шаги. Остановившись, она замерла и стала прислушиваться. Опять ни звука, ни шороха, ничего, кроме глухого, неумолкаемого рокота океана, внизу, у берега. Каждый раз, как она делала несколько шагов вперед, ей казалось, что она опять слышала несколько приглушенных шагов позади, но стоило ей остановиться, как шорох замирал.

— Что это, воображение? .. Чепуха, какая-то! .. — подумала она. — Никогда не думала, что я буду такой пугливой в темноте. Она сделала попытку рассмеяться, чтобы убить в себе довольно возраставший страх.

Вот, наконец, и место, где она так часто сидела, любуясь могучим океаном. Анна нащупала рукой плоский камень, на котором она всегда сидела, постелила на него уголок шали и, сев на камень, закутала плечи остальной частью шали, опираясь спиной на другой камень позади. Как хорошо здесь! Она одна, совершенно одна, и весь мир природы у ее ног!

Шагах в двух-трех перед ней, утес круто обрывался и заканчивался где-то далеко внизу, футах в ста от верха, среди острых скал и бурлящей воды. Можно было чувствовать и слы-

шать, как разъяренные волны кидались там к подножию утеса, так как они кидались веками, пытаясь сокрушить монолитную силу каменного берега.

Ночь была особенно прекрасной. Было прохладно, как обычно, на берегу океана, но не холодно. Чистое, безоблачное, чернильно-черное небо было покрыто миллионами блестящих звезд, которые казались особенно яркими в эту безлунную ночь. Иногда можно было слышать тяжелую волну, ударявшую в берег и скалы, которая затем шипя и пенясь откатывалась назад. Волн не видно в темноте, но пристально всмотревшись можно было различить, а, может-быть, догадаться, вспененные белые гребни волн.

Анна сидела на камне совершенно неподвижно и внимательно прислушивалась к говору океана, к шопоту ветра, дующего с океана, и ко всем звукам и шорохам, которые доносились до нее. Это была настоящая, ночная симфония приглушенных ночных звуков. Казалось, что Анна сама была частью этой ночной картины. С темной шалью на плечах, неподвижно сидящая на камне, она, как-будто, была частью этих скал. Единственной частью, выдававшей ее присутствие, были ее светлые, золотистые волосы, свободно развевающиеся на ветру.

Она жадно, открытым ртом, глотала воздух, глотала порывы соленого воздуха, вдыхала его свежесть, как будто пила магический нектар. Эта первая калифорнийская ночь, которую она проводила вне стен форта, была незабываемой картиной и незабываемым впечатлением.

Минуты шли и вскоре глаза Анны настолько привыкли к темноте, что она могла, как ей казалось, проникнуть взором на расстояние и даже различить очертания береговой линии внизу — или это было только ее воображение!

Через несколько минут она смогла яснее различать звуки ночи и восторженно прислушивалась к ним. Опять ее заостренный слух как-будто различил какой-то посторонний, подозрительный шорох позади; она несколько раз оглянулась, но там ничего не было видно. Как-то, безсознательно, она стала ощущать чувство приближающейся опасности, но что было это и где, она не могла определить. Просто, какой-то непонятный страх начинал медленно сжимать ее сердце. Каждый раз она старалась отогнать это чувство страха, пристыдить себя, остановить инстинктивное чувство подняться и немедленно вернуться домой, в форт. Она просто не могла поддаваться этой

слабости и отказаться от такого редкого удовольствия быть наедине с природой, с океаном, в такую чудную, теплую ночь.

Упрямо, Анна преодолела чувство страха, и решила остаться там и посидеть еще, по крайней мере, час, прежде чем вернуться домой. Слишком прекрасна была ночь, чтобы вдруг прервать это очарование и вернуться в форт. Кто знает, когда она еще сможет попасть сюда ночью.

Анна задумалась, унеслась мыслями в прошлое, к своему нареченному Константину, чья молодая жизнь была прервана так рано и ненужно. Как счастливы они были вместе, те несколько коротких моментов, когда они могли бывать вместе! Все, что они хотели, это быть вместе, всегда, быть счастливыми. И, в этом счастье ей было отказано какой-то темной, непонятной, злой силой...

Опять, мыслями, она перенеслась к событиям сегодняшнего вечера. Было что-то живое, положительное, светлое в жизни их в форте Росс, передовом посту русской цивилизации. Вся эта работа и борьба с силами природы были частью их человеческой натуры. Какие цельные, стремительные, негнущиеся под ударами судьбы, все эти люди, даже самые простые. И верхушкой этих людей были Ротчевы, знающие, что они делают большое дело и любящие это дело. Как трогательно-внимательны были они сегодня вечером, в гостиной, когда она играла там на пианино, устроила неожиданный концерт. Даже здесь, в темноте, она покраснела от одной мысли, как глупо было с ее стороны унестисcь так далеко на крыльях звуков пианино. Глупо было играть эту смешную мешанину своих собственных композиций, «ее композиций», сказал Александр Гаврилович. Странно, но она никогда не думала называть композициями свои слабые попытки выразить в музыкальных звуках свои чувства. Во всяком случае, было приятно слышать такие комплименты от Ротчевых, даже если это были просто комплиментами. Может-быть они, просто, посмеялись над ней!..

Ее мысли были вдруг прерваны... Ей показалось, что она ясно услышала безошибочные звуки, шорох медленных, приближающихся шагов, позади ее. На этот раз сомнений не было... Это не было ее воображением... Она слышала шорох; слышала чьи-то легкие, почти беззвучные шаги, осторожно и медленно приближающиеся к месту, где она сидела.

Анна, резко, повернулась и стала пристально всматриваться в темноту, все еще не совсем доверяя своим ушам. Она, со стра-

хом, вглядывалась в тропинку, по которой она пришла. Вскоре ее глаза различили что-то, что заставило ее похолодеть. Там был кто-то! Сперва она различила только руки, белые руки, которые, казалось медленно плыли по воздуху по направлению к ней. В тот же момент она различила темные очертания человеческого тела. Кто-то медленно подвигался вперед, останавливаясь на каждом шагу; шел медленно, очень медленно, очевидно стараясь подойти незамеченным. Он осторожно ступал по тропинке и приближался все ближе и ближе. Анна оглянулась кругом, но бежать ей было некуда. За ней был только океан, далеко внизу... С этого места был только один путь и этим путем была тропинка, по которой медленно приближался человек. Теперь он был на расстоянии только нескольких шагов и, вероятно, все еще не видел ее. Не было сомнений, что через момент, он различит ее светлые волосы на темном фоне ночи, увидит ее.

Анна не в состоянии была ждать. Она вскочила и, испуганная, хриплым голосом, закричала:

— Кто там? Что нужно?..

Человек остановился от неожиданности. Он даже отпрянул назад, так неожидан был испуганный голос Анны, прервавший молчание ночи. Он постоял немного, как-то странно расставив ноги, как-будто не совсем уверенно держась на ногах. Было такое впечатление, что ему трудно было балансировать свое тело. Потом, он вдруг сделал шаг или два вперед, и опять остановился.

Казалось, что он был в каком-то трансе... Перепуганная Анна, почти потеряв от страха голос, крикнула опять:

— Иди прочь! Не подходи ко мне!

Человек пошевельнулся, еще раз ступил вперед, и опять остановился:

— Анна! — вдруг произнес он глухим голосом, в котором не чувствовалось никакого выражения. Это был глухой, монотонный, «деревянный» голос ненормального человека.

— Анна! Теперь ты... не уйдешь от меня!

Анна, на этот раз, узнала его. Это был Николай. Смелость вернулась к ней, и она, строго, закричала на него:

— Николай! Уходи прочь отсюда!

Он, как-будто, не слышал ее, сделал еще шаг вперед и опять остановился...

— Нет..., — сказал он тем-же глухим, бесцветным голосом, — теперь ты не уйдешь от меня.

Он протянул руки вперед...

— Ты теперь моя...

Анна отступила шаг назад.

— Ты съума сошел, Николай! Оставь меня и уходи прочь или я доложу Александру Гавриловичу о твоем поведении... Уходи вон!

На этот раз, даже имя Ротчева не испугало Николая, как видно совсем помешавшегося. Он выглядел сумасшедшим, в особенности при виде Анны, стоявшей там одной перед ним. Все остальное, все кругом него теперь не имело значения. Он видел и ощущал только Анну.

Очевидно, его больной ум совершенно оторвался от действительности, от реальности. Он потерял представление о Форте Росс, о Ротчевых, о всем, что было позади. Все, что он видел теперь, было это видение Анны перед его глазами. Он даже не знал, была ли это она сама, или только ее прекрасное видение, которое он так часто видел перед своими глазами и в своих мыслях. Даже его речь была ненормальной, замедленной, какбудто ему было трудно подыскивать слова. Тяжелый язык с трудом поворачивался, стараясь произнести ворох мыслей и слов, которые у него просились на язык. Он старался сказать что-то, о чем он думал в течение многих бессонных ночей, но слова так трудно было вытянуть из больного мозга.

Вытянув руки вперед, он только мог сказать:

— Анна... Анна!.. — Опять и опять он повторял ее имя, в то же время медленно подходя к ней. Так трудно было тянуть отяжелевшие ноги, точно нужно было вытаскивать их из тяжелой липкой грязи, или в подошвах был тяжелый свинец.

Анна могла видеть теперь его лицо, дергавшееся от конвульсий. Она ясно видела, что это было лицо ненормального человека.

Сперва она попыталась опять отступить назад, но потом решилась и бросилась было мимо него, в узком месте между камнями. Быстро, цепкой рукой, он схватил ее за плечо. Анна рванулась, оставила шаль в его руках и отскочила назад. Убежать от него было невозможно.

Теперь она стояла на самом краю обрыва. Без темной шали, в светлом платье, с развевающимися золотистыми волосами, она представляла картину неземной красоты. Николай стоял и смотрел на нее, как зачарованный. Он не мог видеть ее испуганного

лица. Все, что он видел это тонкую, прекрасную, белую фигуру существа, которое он боготворил.

— Уходи прочь! — прохрипела, почти прошептала Анна, совершенно потеряв голос от страха.

— Анна... Анна!.. — тем же монотонным, бесцветным голосом все повторял Николай. С большей уверенностью, на этот раз, он опять ступил вперед, все еще простирая руки вперед. Страшно испуганная от вида его искаженного лица и его длинных, цепких рук, протягивающихся к ней как щупальца осьминога, Анна опять сделала шаг назад, чтобы избежать его. Она знала, однако, что для нее спасения не было. Одного она не знала, это того, что отступая назад, она подошла вплотную к краю обрыва. Еще один шаг — и позади нее пустота, темнота, ничто!

Николай опять сделал шаг вперед и вытянул руки вперед, почти касаясь ее. Анна, в ужасе, отступила назад; один фатальный шаг и, с душераздирающим криком, она рухнула вниз, в кромешную темноту ночи и победного океана, рокотавшего в ста футах внизу, упала на скалы и потом в бурлящие воды океана, который она так сильно любила.

Ее тело, с тупым звуком ударилось об острые скалы внизу, скатилось вниз и в тот же момент пенящаяся волна подхватила ее и унесла прочь.

Николай подбежал к краю обрыва и один момент казалось, что он готов был броситься вниз, следом за Анной. Он остановился и стал пристально всматриваться в белые гребни волн, стараясь различить темный предмет на волнах. Лицо его было страшной маской страдания; больное, искаженное лицо с испуганными глазами, которые только теперь осознали весь ужас того страшного поступка, который Николай совершил.

— Анна... Анна... — кричал он в отчаянии, сознавая теперь, что все было бесполезно. Ни звука, ни стона снизу, только тот равномерный и как-будто равнодушный ко всему рокот удовлетворенного океана. Так же набегали волны на острые, черные скалы, так же струйки воды сбегали вниз, торопясь присоединиться к океану и так же, попрежнему, рокотал океан, как он рокотал сотни и тысячи лет.

Николай оглянулся, посмотрал кругом... еще раз сипло произнес: — Анна..., — точно стараясь позвать кого-то, надеясь, что кто-нибудь придет на помощь.

Он увидел, что Форт Росс вдруг осветился огнями. Вероятно, часовые услышали страшный крик Анны и подняли тревогу. На расстоянии можно было слышать встревоженные голоса людей и около стен форта забегали огни фонарей. Он понял, что начнутся поиски и что ему нужно бежать. Еще раз бросив взгляд на темные скалы внизу, Николай бросился бежать по тропинке обратно. Его тощая, согнувшаяся фигура исчезла в темноте. Ночь, казалось, поглотила его...

ГЛАВА 12

СТРАШНАЯ НАХОДКА

Ротчевы, оба, услышали шум и беготню на дворе. До них донеслись топот ног, обрывки возбужденных разговоров. Накинув на плечи халаты, они выбежали на веранду, к которой в это время быстро подходил старшина Ефрем.

— Что случилось, Ефрем? Почему шум? — встревоженно спросил его Ротчев.

Запыхавшийся Ефрем остановился и, переведя дыхание, доложил:

— Александр Гаврилович, наши часовые только что слышали громкий, испуганный женский крик, где-то, на южной стороне залива!

Ротчев, недоверчиво, посмотрел на него:

— Крики женщины! Но это же невозможно...

Он еще раз взглянул на Ефрема:

— Ты уверен, что наши люди слышали этот крик?

— Так точно, Александр Гаврилович. Оба клянутся крестом, что слышали страшный, испуганный крик женщины.

Ротчев, в недоумении, посмотрел на него.

— Надо пойти, проверить, что случилось там. Собери-ка людей, Ефрем, с фонарями. Я сейчас оденусь и пойду с вами.

У Елены, слышавшей эти разговоры, вдруг сжалось сердце... Она похолодела, заподозрела что-то; быстро повернулась и, не говоря ни слова, побежала в комнату Анны. Она подумала, что может-быть Анна была замешана в этом.

Елена постучала в дверь Анны...

— Анна, ты здесь, не спишь?.. — тихо спросила она.

Ответа не было.

Она приоткрыла дверь и заглянула внутрь. Как она и подозревала, даже в темноте можно было видеть, что Анны не было

ни на кровати, ни в комнате. Елена, на минуту, замерла, прижав руки к груди. Она знала теперь, что-то ужасное случилось с Анной. Рыдая, в полу-истеричном состоянии, Елена бросилась в гостиную, где ее муж заканчивал свой туалет.

— Александр!.. Саша!.. — крикнула она, — Анна исчезла... ее нет в комнате... Это была Анна, там, на берегу. ... что-то случилось с ней!..

Ротчев, в ужасе, посмотрел на жену.

— Ты уверена?.. Так ли это?..

— Да... да... я только что была в ее комнате. Она даже не ложилась в постель...

Ротчев быстро заглянул в комнату Анны, действительно ее не было там, бросился на веранду... Елена выбежала за ним...

— Ефрем, потарапливайся, — крикнул он, — разбуди всех людей, зажигай все фонари... мы идем сейчас же осматривать берег... каждую пядь берега... Анна Владимировна исчезла!..

Ефрем остолбенел:

— Боже мой, неужто Анна Владимировна!.. Слушаюсь, Александр Гаврилович!

Ему не нужно было повторять приказания. Он быстро кинулся в казармы, будить людей.

Ротчев повернулся к Елене.

— Леночка, иди-ка в комнаты... Здесь холодно, и ты ничем нам не поможешь... Мы идем немедленно на поиски.

— Я пойду с вами... я не могу сидеть здесь, ничего не делать и ничего не знать!.. Подожди немного... я что-нибудь накину на себя... Вам нужна будет моя помощь, потому что я знаю места, где бывала Анна, знаю все эти камни и скалы. Я вас проведу туда кратчайшим путем!

Через несколько минут Елена была одета и, вместе с мужем, быстро сходила с веранды на влажную землю двора. Большая группа ждала их у ворот. Не теряя времени все пошли к берегу, освещая путь яркими фонарями в руках каждого человека. Ротчев объяснил людям, что он опасается, что что-то случилось с Анной Владимировной. Это придало всем больше энергии и они заторопились к берегу. Елена шла впереди, показывая дорогу. За ней шли ее муж и Ефрем и позади — несколько промышленных. Елена хорошо знала дорогу и уверенно вела группу к южному концу залива.

— Здесь нужно быть осторожными, — предупредила она, — тропинка ведет по самому краю обрыва... ее почти не видно.

Что и говорить, эта почти незаметная тропа была едва-ли подходящим местом для ночных прогулок. Даже днем там не всякий бы решился итти по этой тропинке, слишком уж близко она шла по самому краю обрыва. Оступись, один неверный шаг, и можно было полететь вниз, прямо на острые мокрые скалы.

Через несколько минут Елена вывела группу к тем камням на утесе, где Анна только недавно, несколько минут назад, пыталась избежать цепких рук сумасшедшего Николая.

Здесь... — крикнула Елена, — Анна была здесь... Вот ее шаль!

Сердце ее больно сжалось. Она все надеялась, что вся эта ночная эскапада была только кошмаром, который она видела во сне. Теперь она знала, что, действительно, что-то ужасное случилось с ее Анной. Схватив шаль, она крепко прижала ее к груди, точно стараясь почувствовать в ней тепло тела Анны.

Ротчев, молча, подошел к ней и обнял ее за плечи. Потом, он осторожно подошел к краю обрыва и посмотрел вниз, в кромешную темноту.

Там ничего не было видно. Ротчев повернулся к группе пораженных ужасом людей.

— Я боюсь, что Анна Владимировна упала вниз на те скалы. Давайте, спускаться вниз и посмотрим, что эти скалы скажут нам.

Им нужно было возвращаться обратно к лестнице, ведущей на песчанный берег, по той же ужасной тропинке. Шли молча, каждый погруженный в свои мысли. Елена так и шла, прижимая шаль Анны к своей груди. В темноте ночи отчетливо были видны ее белые, почти бескровные руки.

Подойти к месту, где Анна упала на камни, было невозможно. Был прилив и вода почти покрыла страшные, острые скалы. Очевидно тело было унесено в море. Подняв фонари высоко вверх, Ротчев и его помощники тщательно изучали каждую трещинку в скалах, но там ничего не было видно. Океан потребовал и унес свою жертву.

Им ничего не оставалось, как вернуться обратно в форт. Ротчев поставил двух людей на берегу с приказанием следить за волнами, набегавшими на берег; может-быть насытившийся океан выбросит что-нибудь на берег, может быть какую-нибудь вещь, принадлежавшую Анне и кто знает, может-быть даже и ее тело.

Это была ужасная ночь в доме правителя. Всю ночь Ротчевы просидели в гостиной, ожидая новостей от часовых на берегу. Елена не могла сдерживаться и слезы неудержимо струились по ее лицу. Она безуспешно пыталась остановить их и успокоиться. Ротчев пытался чем-то как-то утешить ее, но потом только молча сидел рядом, обняв ее за плечи.

— Бедная Анна... бедная Анна... — могла только повторять Елена сквозь слезы.

Только к утру она стала немного успокаиваться.

— Что случилось с ней? Почему, как она упала с утеса?..— безуспешно задавала вопросы Елена, не находя на них ответа. — Ведь, Анна, так хорошо знала эти места... Она не могла сама упасть!.. — вдруг пришла ей в голову страшная мысль. — Нет, Анна не могла упасть!

— Успокойся, Леночка! Кто же мог ее толкнуть?.. Ты не знаешь, что ты говоришь... Успокойся, пойди приляг, отдохни.

Елена, как видно, даже не слышала его слов. Одна, упорная мысль овладела ею:

— Может-быть это был Николай, — вдруг сказала она. — Я теперь уверена, что без него не обошлось... Это — Николай!

Ротчев, удивленно, посмотрел на нее.

— Какой Николай? О чем ты говоришь?

Он не мог понять, что она пыталась ему доказать.

— Это Николай!.. твой помощник в конторе. Слушай, Саша, что я тебе расскажу!

И Елена, поспешно, рассказала мужу, как Николай всегда молча следовал за Анной и следил за каждым ее шагом и движением, как он, однажды, встретил ее в пустынной части пляжа и упал перед ней на колени, целовал подол ее платья и ноги...

— Почему же ты ничего не сказала мне об этом раньше? — потребовал Ротчев. — Я бы принял меры, чтобы этого больше не повторилось. Может-быть я отправил бы его обратно в Ново-Архангельск... Сегодня-же, как только будет рассвет, пойду допрошу его!

Ротчев укоризненно посмотрел на Елену, которая чувствовала теперь, насколько она была виноватой в том, что ничего не говорила мужу о поступках Николая, чем может-быть предотвратила бы трагедию. Она чувствовала себя виноватой и в том, что ничего не говорила ему о поведении Григория, который

несколько дней тому назад исчез из форта с самым лучшим конем конюшни Ротчевых.

Наступил рассвет, но никаких следов Анны на берегу найдено не было. Холодная, соленая, морская вода смыла все следы разбитого тела.

Ротчев направился в селение, где Николай снимал комнату в одной из изб. Постучал в дверь.

— Николай дома? — сердито спросил он женщину, креолку, которая открыла ему дверь. Это была хозяйка дома.

Испуганная женщина, увидев вдруг перед собой правителя, поклонилась ему низко и, заикаясь, ответила, что Николай вероятно еще в постели. Он не встал еще.

Ротчев прошел внутрь и широко распахнул двери, вошел в комнату Николая. Он строго посмотрел на изумленного Николая, вскочившего со своей кровати.

Николай подумал, что Ротчев каким-то образом узнал о его роли в трагедии минувшей ночи и молча, испуганно, ожидал Немезиды.

— Что это я слышал, Николай, — в упор глядя на него, спросил Ротчев, — что ты приставал со своими глупостями к Анне Владимировне!

Николай побледнел, отвел свои лихорадочные, покрасневшие глаза в сторону и, запинаясь, сказал:

— Простите, Александр Гаврилович!.. Этого никогда больше не случится...

Он стоял перепуганный, глядя на пол и ожидал, что будет с ним дальше.

— Ты знаешь, что случилось с Анной Владимировной, вчера вечером?

Больной мозг Николая лихорадочно заработал. Он решил отрицать все.

— Нет, я ничего не знаю!

— Она была убита вчера вечером. Кто-то столкнул ее с утеса!

— Я ничего не знаю об этом, Александр Гаврилович, — сказал Николай, совершенно бесцветным голосом. Его лицо теперь было совершенно безжизненным, ни одна морщинка на лице не пошевелилась. Лицо, как будто, окаменело.

— Мне очень жаль ее. Анна Владимировна была прекрасным человеком... очень хорошим, добрым человеком... — так-

же монотонно добавил Николай. — Может быть вам нужна моя помощь? Я могу сейчас же пойти в канцелярию.

Ротчев посмотрел на него опять. Не говоря ни слова, он круто повернулся на каблуках и вышел из комнаты. Очевидно, Николай ничего не знал о событиях прошлой ночи. Слишком уж он выглядел невинным!

Конечно, если бы у Ротчева были детективные способности и если бы он был более наблюдательным, то он, конечно, обратил бы внимание и заметил бы чрезвычайно пыльные, грязные сапоги Николая, стоявшие в углу. Кроме того, если бы он выглянул из окна комнаты Николая, то он заметил бы свежие следы его ног под окном, которые были отчетливо видны там. Николай, очевидно, влез в окно, когда он вернулся ночью домой, чтобы не беспокоить хозяев и, может-быть, скрыть от них факт, что его не было дома в этот фатальный вечер.

На самом утесе, трудно было найти в это утро какие-либо следы. Слишком много людей толпилось там ночью и утром. Если там и были какие-либо следы, они все были затоптаны десятками ног.

Весь этот день, сторожевые следили за океаном в надежде, что он вернет тело Анны. Елена с мужем также провела большую часть дня на берегу, тщательно осматривая прибрежную полосу океана. Несколько раз они были на утесе, откуда был такой мирный, прекрасный вид всего залива. Много раз они обсуждали события вчерашнего вечера, стараясь представить себе, реконструировать картину того, что же случилось с Анной, когда она, пожелав им спокойной ночи, удалилась в свою спальню. Как она могла оказаться в эту темную ночь в этом уединенном месте? Как она могла упасть с утеса? Им казалось просто невозможным, чтобы она, хорошо зная это место, могла подойти к самому краю обрыва и сорваться вниз. Кроме того, почему шаль осталась лежать на камне! Ночь была очень прохладной и едва-ли Анна могла снять свою шаль и остаться в тонком платье!

Анна погибла и не было ни души на свете, кто мог бы рассказать что-же, в сущности, произошло на этом утесе, вчера поздно вечером.

Были уже сумерки, когда усталые и продрогшие Ротчевы вернулись домой с берега океана.

Сидя в своей гостиной, в первый раз без Анны, вместе с обоими учеными, Вознесенским и Черных, которые были вер-

ными поклонниками Анны, они согревались чашками горячего, душистого чая и долго еще, до поздней ночи, обсуждали трагические события, пытаясь представить себе, логически нарисовать картину того, что случилось с Анной. Казалось, с уходом Анны, жизнь и веселье покинули дом коменданта, всегда до этого кипевший весельем, энергией и оживлением.

— Если-б только этот ненасытный океан вернул ее тело! — тихо заметила Елена.

И ее желание было исполнено.

Рано утром, Ефрем забарабанил в двери дома.

— Александр Гаврилыч! — закричал он, — Александр Гаврилыч!

Ротчев быстро вышел на веранду.

— Что такое?

— Александр Гаврилыч, океан принес тело, там на берегу... она лежит на песке...

Ротчев заторопился с Ефремом на берег и там, среди расступившейся перед ним толпы промышленных, стоявших с обнаженными головами, он увидел тело Анны, прикрытое каким-то мешком. Приподняв мешок, Ротчев перекрестился, увидев разбитое тело, на котором только лицо оставалось удивительно чистым, без синяков.

С глазами, полными набежавших слез, он приказал осторожно перенести тело Анны в часовню. Плотнику был отдан приказ сколотить прочный гроб из крепкого дерева.

Новость о страшной находке быстро распространилась по всему селению и весь день можно было видеть группы колонистов, подходивших к часовне, чтобы отдать последний долг «доброй барышне», которую все так любили за ее спокойный характер, доброту и отзывчивость.

На следующий день Ротчевы и вся колония Росс приняли участие в последней церемонии отдания тела земле на маленьком тихом кладбище, на пригорке. В колонии священника не было и Ротчев, обыкновенно, заменял священника в подобных, срочных, случаях.

Тихо было на кладбище. Даже постоянно дующий ветер притих, когда Ротчев, стоя у могилы, читал по молитвеннику последние проникновенные слова православного обряда погребения. Так же тихо, не совсем уверенными голосами, промышленные, русские и креолы, с чувством, пропели «Со Святыми Упокой» и «Вечную Память», утирая глаза своими заскорузлыми

пальцами. У Елены больше не было слез, когда она стояла рядом с мужем и смотрела, как охотники опускали гроб в могилу, и первые горсти мягкой земли застучали о крышку гроба.

Анна, наконец, нашла вечное место упокоения своей мятущейся душе, на этом мирном, спокойном кладбище, которое она так любила. Она была похоронена на том самом месте, которое она сама выбрала в первый день своего пребывания в Россе.

Конец Первой Книги.

Читайте заключительную часть повести

«САГА ФОРТА РОСС»

Книга Вторая

«КОНЕЦ МЕЧТАМ»

Готовится к печати и в скором времени выходит в свет новая книга ВИКТОРА ПЕТРОВА

«КОЛУМБЫ РОССИЙСКИЕ»

Трилогия

Книга Первая: «ПОКОРИТЕЛЬ СЕВЕРА БАРАНОВ»

Книга Вторая: «КАМЕРГЕР ДВОРА»

Книга Третья: «ЗАВЕРШЕНИЕ ЦИКЛА»

GLOBUS PUBLISHERS